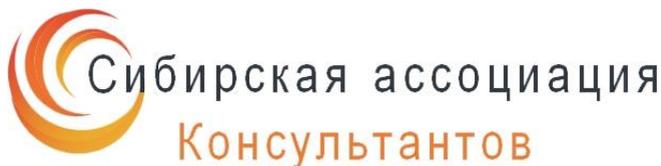

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И
СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ»

Новосибирск, 2010 г.

УДК159.9.015+159.923

ББК 88.37+88.5

С 56

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор, зав кафедрой
психологии личности и специальной психологии, НГПУ

Н.В. Дмитриева

кандидат психологических наук, доцент, НГПУ

Н.Р. Гулина

С 56 "Современная психология: актуальные проблемы и тенденции развития" материалы международной заочной научно-практической конференции. (30 октября 2010 г.) – Новосибирск: Изд. «ЭНСКЕ», 2010. – 209 с. ISBN 978-5-91711-023-3

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции "Современная психология: актуальные проблемы и тенденции развития" отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной психологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической психологии и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной психологии.

ББК 88.37+88.5

ISBN 978-5-91711-023-3

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2010 г.

Оглавление

Секция 1: Общая психология, психология личности, история психологии	7
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СИНДРОМА ВЫГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ	7
Алпатьева Юлия Николаевна	
ВЗАИМОСВЯЗЬ СОВЕСТИ И ЭМПАТИИ	11
Барсукова Светлана Александровна	
ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА ВНУТРЕННЕГО МИРА	15
Деменева Анна Евгеньевна	
ВЗАИМОСВЯЗЬ И СООТНОШЕНИЕ СТАТУСОВ ИДЕНТИЧНОСТИ, СТИЛЕЙ ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ И СТЕПЕНИ ВЫРАЖЕННОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ ХАРАКТЕРА	23
Жердева Елена Константиновна	
К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ	37
Жуйкова Марина Владимировна	
К ПРОБЛЕМЕ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ, СКЛОННОСТИ, ФОРМЫ И ФАКТОРЫ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ	46
Казакова Ирина Александровна	
К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПАТОПСИХОЛОГИИ	55
Курносова Марина Григорьевна П	
К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АППАРАТНО-КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК	59
Куруськина Марина Григорьевна	
Мартышова Наталья Ивановна	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОСТОЯНИЯ «ОДИНОЧЕСТВА» РЕБЕНКА В СЕМЬЕ	68
Малин Игорь Игорьевич	
ЗНАЧЕНИЕ АРХЕТИПИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ИЗМЕНЁННЫХ СОСТОЯНИЯХ СОЗНАНИЯ	75
Полянская Екатерина Борисовна	

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕЙ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И САМОСОЗНАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ Рубцова Мария Олеговна	78
Секция 2: Психология труда, инженерная психология, эргономика	84
КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ МЫШЛЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИЗАЙНЕРА МОДЫ Казанцева Елена Александровна	84
Секция 3: психофизиология	89
ОПОЗНАНИЕ ЛИЦЕВОЙ ЭКСПРЕССИИ ЭМОЦИЙ В СТРУКТУРЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ Иванова Екатерина Сергеевна Пашкевич Олеся Владимировна	89
АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СОЦИОПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ Кузьмина Кларисса Ивановна Сёмик Татьяна Михайловна Погорелая Ирина Олеговна Андон Татьяна Андреевна	94
Секция 4: Психология развития, акмеология	103
О ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ СЕМЕЙНОЙ МИКРОСРЕДЫ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА Алиева Заира Абдуллаевна	103
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЗАОЧНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ Востокова Юлия Игоревна	107
ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЭМОЦИЙ ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА Комкова Елена Ивановна Недвецкая Татьяна Михайловна	111
РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ,	119

КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОМ ПРОДУКТИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Кузьмина Анна Брониславовна ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛА НА ПРЕДПРИЯТИИ Соловьев Владислав Юрьевич	131
Секция 5: Педагогическая и коррекционная психология	137
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ С ОТКЛОНЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ Бетин Александр Петрович Долгая Галина Александровна Ерохина Наталия Николаевна	137
К ПРОБЛЕМЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛЮДЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ Бучкина Ирина Петровна	141
ПРОГРАММА ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ С ВОСПИТАННИКАМИ ДЕТСКИХ ДОМОВ Демидова Ирина Феликсовна	146
САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ Додова Людмила Муратовна	151
ПРОБЛЕМНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ, УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ И ИХ СВЯЗЬ С ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬЮ Петросянц Виолетта Рубеновна	155

Секция 6: Психология труда, инженерная психология и эргономика	161
ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТЫ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ УНИВЕРСИТЕТОВ	161
Ким Елена Владимировна Шелехов Игорь Львович Булатова Татьяна Алексеевна	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ВЛИЯНИЕ НА НЕЕ ПРОВОДИМЫХ РЕФОРМ	175
Перфилов Владимир Павлович	
Секция 7: Социальная и политическая психология	180
ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ОТОБРАЖЕНИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОХРАНЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ	180
Георгадзе Михаил Суликович	
ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ	187
Мирзоева Севар Сарват кызы	
АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ ЭТНОЦЕНТРИЗМ	191
Сулейманова Мариам Абдулхакимовна	
АТТРИБУЦИИ В ПОЛЬЗУ СВОЕГО “Я” КАК ЯВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	195
Тажутдинова Гулжан Шайихулисламовна	
Секция 8: Медицинская психология	199
ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЖЕНЩИН ПРИ ПОСЕЩЕНИИ КОЛЬПОСКОПИЧЕСКОГО КАБИНЕТА	199
Гунашева Мадина Абдурагимовна Шахшаева Светлана Мигдадовна	
БИБЛИОТЕРАПИЯ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ	202
Каяшева Ольга Игоревна	

СЕКЦИЯ 1: ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СИНДРОМА ВЫГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Алпатьева Юлия Николаевна

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск,

E-mail: Yulya_alpatyeva@mail.ru

В настоящее время проблемы профессионального здоровья и личностного благополучия врачей привлекают все больше внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей [В.В. Бойко, Н.Е. Водопьянова, Н.В. Гришина, В.Е. Орел, Т.И. Ронгинская, М.М. Скугаревская, Е.С. Старченкова, Т.В. Форманюк, Л.Н. Юрьева, М. Burish, С. Cherniss, Н.Ж. Freudenberger, R.T. Golembiewsky, M. Leiter, С. Maslach, А. Pines, W. Shaufeli]. В первую очередь это связано с высокой ценой врачебной ошибки, вероятность которой повышается в ситуациях переживания состояний высокого психоэмоционального напряжения и стресса. Врачи являются представителями той профессии, в которой от специалистов требуется интенсивное и содержательно насыщенное взаимодействие с людьми (пациентами, коллегами, родственниками больных).

Проблема эмоционального выгорания может быть также рассмотрена и как медико-социальная проблема разрушения личности специалистов высокого класса, в одной из массовых профессий гуманистического ряда [Гончарова Г.Н., 1991; Баке М.Ч. и др., 2002; Ларенцова В.И., 2002].

Деятельность врачей связана с интенсивными рабочими нагрузками разного типа, в частности, обслуживанием непрерывного потока пациентов и переработкой больших объемов разнородной информации, высокой ценой внутренних затрат, требуемых при решении трудовых задач, профессиональной, социальной и юридической ответственностью за результаты лечения.

Установлено, что особенно часто синдром выгорания развивается у специалистов «помогающих» профессий. По мнению Н.В. Гришиной, последствия выгорания могут ощутимо проявляться в личной жизни человека, вообще в различных аспектах его бытия, а не только в профессиональном общении. В связи с этим существует явная обеспокоенность, вызванная патогенностью медицинской работы для

практикующих врачей, и поскольку их здоровье жизненно важно для безопасности и качества оказываемой ими помощи, необходимо проявить серьезную озабоченность психическим и физическим благополучием медиков [1].

Таким образом, актуальность исследуемой проблемы определяется как тенденциями развития научного знания, так и существующими потребностями социальной практики. Изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта и синдрома выгорания - важная теоретическая и практическая задача, требующая актуального исследования и разработки.

Концепция эмоционального интеллекта отражает идею единства аффективных и интеллектуальных процессов.

Поскольку изучение ЭИ является интенсивно разрабатываемым на- правлением в современной психологии, в настоящее время существует несколько моделей его объяснения, которые условно можно разделить на три группы.

К моделям, рассматривающим ЭИ как способность, относится модель Дж. Мэйера и П. Сэловея, в рамках которой ЭИ определяется как набор иерархически организованных способностей, связанных с переработкой эмоциональной информации [2]. Особого внимания заслуживает модель Д. В. Люсина, в которой ЭИ раскрывается как способность к пониманию и управлению эмоциями, выделяются его виды – внутриличностный (понимание и управление своими эмоциями) и межличностный (понимание и управление эмоциями другого человека) [4].

Рассмотрение ЭИ как черты положено в основу модели Р. Бар-Она. В ней ЭИ определяется как все некогнитивные способности, знания и компетентность, дающие человеку возможность успешно справляться с разными жизненными ситуациями. Понимание ЭИ как сочетания способностей и черт характерно для модели Д. Гоулмана, рассматривающего самосознание, самоконтроль, социальное понимание и управление взаимоотношениями в качестве составных частей ЭИ [3].

Мы провели экспериментальное исследование взаимосвязи эмоционального интеллекта и синдрома эмоционального выгорания врачей.

В исследовании принимали участие 392 субъекта врачебной деятельности, представляющих 16 направлений медицинской деятельности, в возрасте от 23 до 58 лет (средний возраст испытуемых 34 года).

Программа исследования включала в себя следующие психодиагностические методики: опросник ЭИИ Д.В. Люсина, методика диагностики эмоционального интеллекта Н. Холла, методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В.Бойко; методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В.Бойко; анализ психологического благополучия проводился с использованием методики «Шкалы психологического благополучия» Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко, шкалы оценки качества жизни Элиота и опросника MOS 36-Item Short-Form Health Survey (SF-36).

Для обработки результатов был проведен статистический анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Пирсона. Количественный анализ результатов осуществлялся с использованием пакета статистических программ SPSS 17.0.

На основе представленных данных, а также их интерпретации были выявлены следующие закономерности:

- выявлена отрицательная корреляционная взаимосвязь между симптомами эмоционального выгорания неадекватность эмоционального реагирования, эмоциональный дефицит, деперсонализация и уровнем эмпатии ($r=-0,304$, $p<0.001$, $r=-0,232$, $p<0.001$, $r=-0,309$, $p<0.001$, $r=-0,213$, $p<0.001$, соответственно)
- межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ) отрицательно коррелирует с симптомами эмоционального выгорания: переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, расширение сферы экономики эмоций, эмоциональной отстраненностью ($r=-0,162$, $p<0.001$, $r=-0,212$, $p<0.001$, $r=-0,257$, $p<0.001$, $r=-0,121$, $p<0.05$, соответственно).
- внутриличностный эмоциональный интеллект отрицательно связан со следующими симптомами эмоционального выгорания: переживание психотравмирующих обстоятельств ($r=-0,138$, $p<0.01$), «загнанность в клетку» ($r=-0,122$, $p<0.05$), эмоционально-нравственная дезориентация ($r=-0,336$, $p<0.001$), деперсонализация ($r=-0,323$, $p<0.001$).
- понимание эмоций как своих, так и партнеров по общению способствует меньшей сформированности следующих симптомов эмоционального выгорания: переживание психотравмирующих обстоятельств ($r=-0,169$, $p<0.001$), неудовлетворенность собой ($r=-0,219$, $p<0.001$), расширение сферы экономики эмоций ($r=-0,176$, $p<0.001$), эмоциональная

- отстраненность ($r=-0,146$, $p<0.001$), психосоматические и вегетативные нарушения ($r=-0,139$, $p<0.001$).
- выявлена положительная корреляционная взаимосвязь между управлением эмоциями и составляющими качества жизни: личные достижения, здоровье, общение с близкими, поддержка ($r=0.259$, $p<0.001$, $r=0,223$, $p<0.001$, $r=0.253$, $p<0.001$, $r=0.232$, $p<0.001$)
 - выявлена отрицательная корреляционная взаимосвязь между всеми симптомами эмоционального выгорания и показателем по шкале «управление своими эмоциями»;
 - все показатели ЭИ отрицательно коррелируют с уровнем сформированности всех трех фаз синдрома эмоционального выгорания на уровне значимости $p<0.001$.
 - интегральный уровень эмоционального интеллекта отрицательно коррелирует со всеми симптомами эмоционального выгорания.

Изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта и выгорания свидетельствует, что способность вчувствования и сопереживания выступает в качестве некоторого буфера, препятствующего выгоранию. Чем выше первый показатель, тем меньше склонность занижать значимость результатов своей деятельности, больше уверенность в самоэффективности.

Высокоразвитый внутриличностный и межличностный ЭИ способствует естественности эмоциональных проявлений и позитивному самоотношению, которые, в свою очередь, дают возможность установить глубокие и тесные взаимоотношения с другими людьми.

Обнаруженный нами факт меньшей предрасположенности к выгоранию лиц с высоким эмоциональным интеллектом объясняется, очевидно, тем, что тонкое понимание переживаний других людей противостоит дегуманизации межличностных отношений, а эмоциональное сопереживание — это определенная эмоциональная «подпитка» или некоторый дополнительный ресурс для «горения без затухания»

Список литературы:

1. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – Изд. 2-е. - СПб.: Питер, 2008. – 336 с.
2. Гоулман, Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоулмен, Р.

- Бояцис, Э. Макки; пер. с англ. - М.; Альпина Бизнес Букс, 2005 – 324 с.
3. Карпов, А.В. Психология эмоционального интеллекта: теория, диагностика, практика: монография / А.В. Карпов, А.С. Петровская; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2008. – 344 с.
 4. Люсин, Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте /Д.В. Люсин // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова.- М.: ИПРАН, 2004. С. 29 – 36.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОВЕСТИ И ЭМПАТИИ

Барсукова Светлана Александровна

к.п.н., доцент ПФМОСУ, г. Пенза

E-mail: sveta_barsykova@inbox.ru

Проведенный нами теоретико-методологический анализ проблемы психологии совести позволяет выдвинуть положение о том, что совесть это сложное структурное качество, включающее ряд компонентов, гармоничное взаимодействие которых между собой имеет большое значение для реализации процесса самоосуществления личности. А.А. Ухтомский совестное восприятие мира и жизни определял как доминанту: «... на свое лицо – ситуация самоутверждения и на другое лицо – ситуация ответственного внимания» [6, с. 112]. В основе акта совести лежат отношения «Человек-Мир», в процессе которых происходит отражение, прежде всего, внешней ситуации, т.е. всего того, что происходит в пространстве взаимодействия человека с Миром. Суть этого процессуального акта основана на способности человека испытывать на себе влияние извне и запечатлевать происходящее вокруг. Постигание реальности осуществляется на двух уровнях: рациональном и эмоциональном. Соотношение это индивидуально для каждой конкретной ситуации и для каждого конкретного человека, но, как правило, первым толчком является непосредственная реакция человека на эмоциональном уровне. И, следовательно, основное содержание первого этапа совестливого процесса - чувственное восприятие значимых факторов внешней среды, предполагающее открытость и доступность человека по отношению к тем сигналам,

которые идут из окружающего мира. Это состояние «разомкнутости», когда человек позволяет миру оказывать воздействие на себя и чутко прислушивается ко всем нюансам своего диалога с другими людьми и Миром, в целом, а также интенсивно проживает эту сопричастность. И основное значение этого этапа - расслышать запрос наличной жизненной ситуации. Человек может оценивать данные факты, принимать их как должное или восставать против, рассматривая их под своим особым углом зрения. Данный процесс происходит как на сознательном, так и на бессознательном уровнях, потому как совесть способна суше постигать интуитивно.

Особую роль в этом процессе играет установка на эмпатическое отношение. К настоящему моменту в мировой психологии существует достаточно много литературных источников по проблемам эмпатии, истории развития представлений о ней в философии и психологии. Среди исследователей эмпатии до сих пор существуют расхождения во мнениях относительно автора, впервые употребившего данный термин. Опираясь на хронологические исследования, можно предположить, что приоритет принадлежит Т.Липпсу, который разграничил понятия «симпатия» и «эмпатия» [3]. Однако в других источниках авторство закреплено за Э.Титченером, который обобщил идеи симпатии и вчувствования Э.Клиффорда и Т.Липпса. Э.Титченер относил эмпатию к разряду сложных чувств, в которых существенную роль играют состояния удовольствия и неудовольствия [5].

Как свидетельствует ряд теоретических обзоров исследований эмпатии, проведённый Т. П. Гавриловой, Ю. Б. Гиппенрейтер, Е.Н. Козловой, Т. Д. Корякиной, Ю.М. Юсупова с появлением сциентистской традиции в психологии насчитываются три этапа исследования эмпатии, раскрывающих попытки психологов интерпретировать природу эмпатии как психического явления [1, 2, 7]. В течение первого этапа эмпатия рассматривалась как эмоциональный феномен, для ее описания использовались термины, относящиеся к аффективным процессам. В теоретических исследованиях эмпатия понималась как эмоциональная реакция на сигналы, передающие эмоциональный опыт другого. В эмпатических исследованиях делался акцент на особенностях реагирования субъекта на переживания другого.

Второй этап исследования характеризуется появлением теорий, в которых эмпатия определяется как аффективно-когнитивное явление, как опосредованный эмоциональный ответ на переживания другого, сопряжённый с отражением его внутренних состояний, мыслей, чувств и т.д. Третий этап изучения эмпатии связан с

развитием различных видов психотерапии, в которых акцент делается на поведенческой природе эмпатии. В такого рода исследованиях эмпатия определяется как помогающее, альтруистическое поведение, возникающее в ответ на переживания другого, как содействие ему.

В современных зарубежных концепциях существуют определенные различия в подходах к исследованию эмпатии. Так бихевиористическая концепция представила феномен эмпатии в виде специфической эмоциональной реакции на воздействие социальной среды без значимой нагрузки психических состояний субъекта. Во-первых, необихевиористы признают, что научение происходит через чувственную сферу, т.е. через сопереживание и совершается посредством подражания, на основе чувствительности к соответствующей информации с ее подкрепляющими возможностями. Во-вторых, ими показано, что научение через сопереживание происходит не менее успешно, чем посредством упражнений (концепция замещающего переживания).

В психоанализе и неопсихоаналитических концепциях феномен эмпатии рассматривается с точки зрения взаимосвязи аффективных и когнитивных процессов (З.Фрейд, К.Юнг, Е.Блейер, Э.Фромм, Г.С.Салливан, К.Хорни, Т.Рейк). Данное направление признает приоритетное значение бессознательного в проявлении эмоциональных форм. Как первоначальную форму эмоциональной связи, оказывающую влияние на формирование психодинамической структуры и стиля поведения человека в зрелом возрасте психоаналитики выделяют идентификацию.

В основе теоретических положений классиков гуманистического направления А.Маслоу, К.Роджерса, В.Франкла лежат процессы такого восприятия и такой категоризации окружающего мира, в которых перцептивные образы являются важнейшими детерминантами поступков. При этом важно, как человек видит и интерпретирует события, определяет их и на них реагирует. Новый импульс к развитию представлений об эмпатии был дан К.Роджерсом. Эмпатия стала обсуждаться не только в контексте психотерапии (через клиентоцентрированный подход К.Роджерса), но и в сфере реальной человеческой практики, педагогическом процессе, семейной жизни и т.п. В ходе систематизированного изложения своих взглядов, в 1959 году, К.Роджерс предложил одно из определений эмпатии. Оно заключалось в следующем: «Быть в состоянии эмпатии означает воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков. Как будто становишься этим другим, но без потери ощущения «как будто». Так, ощущаешь радость

и боль другого, как он их ощущает, и воспринимаешь их причины, как он их воспринимает. Но обязательно должен оставаться оттенок «как будто»: как будто это я радуюсь или огорчаюсь. Если этот оттенок исчезает, то возникает состояние идентификации» [6, с.236].

Таким образом, способности к идентификации и отождествлению себя с Другим, умения точно определять эмоциональные состояния другого человека на основе мимических реакций, интонаций, жестов и т. п. лежат в основе эмпатии. Рассматривая взаимосвязь совести и эмпатии, мы считаем необходимым отметить, что совесть является продолжением эмпатии для случаев, когда человек уже причинил или настроен к причинению вреда, боли невинному живому организму. В этом случае жалость смешивается с ощущением потери, и это состояние, прогрессируя, начинает влиять на сознание, а затем добивается или пытается добиться отказа от тех или иных тактик и стратегий, причиняющих боль невинному существу. Будучи в эмоциональном контакте (процессе самоотождествления) с объектом совести люди возможно не пожелают причинять боль, страдания, печаль иному человеку потому как не хотели бы ощущать это сами. А, следовательно, в процессе совестливого акта человек постоянно сверяет свои действия и поступки с состоянием окружающих. Но эмпатия также подразумевается способность чувствовать и ощущать эмоциональное состояние человека, даже не видя его, а лишь на основе представлений условий жизненной ситуации. Поэтому голос совести может предупреждать человека о возможном нанесении зла Другому. И в этом случае совесть выступает как один из главных механизмов опережающего отражения, так как при отражении внешней индивидуальной ситуации происходит ее соотнесение с жизненным контекстом в целом.

Но, если в процессе онтогенеза человек не приобрел способность к идентификации и отождествлению себя с Другим, если у него слабо развиты эмпатические тенденции и он не позволяет себе открытость и доверие по отношению к окружающему миру, то и переживания совести либо вообще отсутствуют в его опыте (в таком случае формируется так называемая эгоистическая личность), либо человек действует стереотипно, ограничиваясь усвоенными нормами и требованиями конкретного общества, ориентируясь на группоцентрическую мораль, а не на внутренние нравственные нормы.

Список литературы:

1. Гаврилова Т. П. Эмпатия и ее особенности у детей младшего и среднего школьного возраста: Автореф. канд. дис. [Текст] / Т.П. Гаврилова. - М., 1977. – 25 с.
2. Гиппенрейтер Ю. Б., Карягина Т. Д., Козлова Е. Н. Феномен конгруэнтной эмпатии // Вопросы психологии. – 1993. - № 4. [Текст] – С. 61-68.
3. Липпе Т. Философия природы [Текст] / Т. Липпе. – М.: ЛКИ, 2007. – 240 с.
4. Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию. / Пер с англ.М. Злотник. [Текст] / К. Роджерс. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 416 с.
5. Титченер Э. Б. Очерки психологии. [Текст] / Э.Б. Титчнер. - С.-Пб, 1898.
6. Ухтомский А. А. Интуиция совести [Текст] / А.А. Ухтомский — СПб.: Петерб. писатель, 1996. – 525 с.
7. Юсупов Ю.М. Психология эмпатии [Текст]: (Теорет. и приклад. аспекты): Автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01. / И.М. Юсупов; Санкт-Петербург. гос. ун-т. - СПб., 1995. - 34 с.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА ВНУТРЕННЕГО МИРА

Деменева Анна Евгеньевна

*Старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии
ПГУ, г.Пермь*

E-mail: anna_demeneva@mail.ru

Проблема образа в психологии является одной из центральных. Образ психологами понимается и как целостное отражение в сознании предметов или явлений внешнего мира, и как результат кодирования информации в памяти в виде символов и знаков. Нет ни одной теории, которая предложила бы единое, целостное понимание данного предмета.

Традиционно выделяют *первичные* образы (образы, возникающие при непосредственном воздействии раздражителя на органы чувств) – к ним относят образы восприятия – и *вторичные* (возникающие в отсутствии раздражителя) – в этот класс входят

представление, воображение и память. Первые составляют первую ступень психического отражения (по Б.Ф.Ломову) – сенсорно-перцептивную, вторые – вторую ступень психического отражения – уровень представлений. Третья ступень – уровень логический, связанный с мышлением, семантикой [4].

Сознание человека и его образы детерминируются внешним миром, внутренним миром, культурой, в которой он живет, языком. Конкретный живой образ наполнен чувственной тканью (термин А.Н.Леонтьева). Это некое впечатление, некий отпечаток предметного мира, порождаемый в процессе практической деятельности с этим миром. Чувственная ткань выполняет функцию придания чувства реальности сознательным образам, то есть служит материалом, из которого строится перцептивный образ. В образе соединяются значение и чувственная ткань, они не тождественны, сам материал еще не обладает значением, осмысленностью, а значение бесчувственно. Чувственная ткань – это впечатление.

Важный шаг в теории образа в психологии сделал А.Н.Леонтьев, введя понятие «образ мира» [3]. Оно не было новым, его использовала когнитивная психология (картина мира, представление о себе и Вселенной и т.д.) как совокупность образов отдельных предметов и явлений. Семантически сходные понятия мы можем видеть, например, в работах Ж.Пиаже (термин «схема»), Э.Толмена («когнитивная карта»), Дж.Брунера («модель мира») и др.

У А.Н.Леонтьева понятие «образ мира» обретает самостоятельный статус. Не мир образов, а образ мира (как целостное качественное образование) регулирует деятельность и поведение человека в целом. Он является постоянным фоном, который предваряет любое чувственное впечатление и на основе которого оно приобретает статус составляющей чувственного образа внешнего предмета.

Интерес исследователей вызывает «Я-образ» личности (И.С.Кон, 1978, 1984; А.А.Реан, 1999, 2001; В.В.Столин, 1986; Е.Т.Соколова, 1994 и др.); представление о человеке и восприятие человека человеком (Б.Г.Ананьев, 1935; Г.М.Андреева, 1980, 1997; А.А.Бодалев, 1965, 1982; А.А.Реан, 1990 и др.).

Проблема восприятия, психического отражения должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности, и всякое актуальное воздействие вписывается в образ мира, то есть в некоторое «целое» [3]. Обращение к проблеме образа мира обусловлено необходимостью методологической разработки вопросов исследования восприятия. В

отечественной психологии принято понимание психического как процесса отражения, которое позволяет считать, что в любом психическом акте человек воспроизводит мир в образе.

В реальном психическом акте частные формы (процессы) слиты и неотделимы: невозможно создать условия, которые позволили бы восприятие, например, отпрепарировать от памяти, мышления, эмоций и т.д. [4]. Субъективный образ мира строится всеми процессами, являясь самой интегральной характеристикой психического.

Человек "строит" образ мира, активно "вычерпывая" его из объективной реальности. Главное, по А.Н. Леонтьеву, не в том, как, с помощью каких средств, протекает этот процесс "вычерпывания", а в том, что получается в результате этого процесса. То есть важно содержание образа "объективного мира". По А.Н. Леонтьеву, объективный мир открывается человеку в пяти измерениях. Первые четыре измерения традиционны: трехмерное пространство и время (движение), - к ним Леонтьев добавляет пятое квазиизмерение, свойственное только человеку - это смысловое поле, система значений. У человека мир приобретает в образе пятое квазиизмерение. Оно есть "переход через чувственность за границы чувственности, через сенсорные модальности к амодальному миру. Предметный мир выступает в значении, т.е. картина мира наполняется значениями". Признание существования значений (смыслов) в качестве относительно самостоятельной структуры, наряду с четырехмерной реальностью, дает возможность А. Н. Леонтьеву с полным основанием говорить о том, что в образе мира не только репрезентируются объекты, актуально присутствующие в поле восприятия субъекта, но и сам образ мира есть относительно устойчивое представление о реальности [3].

Дальнейшее развитие идея образа мира получает в работах таких отечественных исследователей, как С.Д.Смирнов, В.В.Петухов, А.А.Гостев, В.П.Зинченко и др. С.Д.Смирнов рассматривает образ мира по отношению к процессу познания (образ мира как универсальная форма знаний человека, обуславливающая возможности познания и управления поведением); В.В.Петухов – применительно к процессу мышления (предлагает в сфере мышления по аналогии с «образом мира» в сфере восприятия выделять категорию «представление мира»). В психосемантике также рассматривается «образ мира» как «интегратор следов взаимодействия человека с объективной действительностью» (Е.Ю.Артемьева) [1] и как категория, описывающая отражение мира на уровне восприятия.

Любой образ имеет свою структуру и содержание, которое может существовать как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровнях. Образ непосредственно дан носителю психики, сознания. Следовательно, «доступ» к содержанию образа имеет сам субъект, средством получения такого «доступа» является метод интроспекции.

Образ внутреннего мира. Метафора «внутреннего мира» в наши дни широко используется в обыденном языке. Помимо этого, она применяется и в научных областях, в первую очередь, в среде гуманитарных и социальных наук: психологии, философии, социологии и других дисциплинах, объектом изучения которых является человек; а также и в литературе, искусстве. Понятие внутреннего мира употребляется и в психологии, когда рассматриваются проблемы изучения целостного психического, репрезентация субъективного содержания психики, эмоций и других сложных психических явлений. В.Д.Шадриков [5] определяет внутренний мир как человеческую душу (в ее научном понимании), таким образом возвращаясь к античным истокам психологической науки, к самому первому определению предмета психологии.

Человек способен воспринимать как внешний, так и внутренний мир. Проблема восприятия внешнего мира основательно изучена в рамках познавательных процессов. Проблема восприятия внутреннего мира является не исследованной, актуально стоящей перед психологией субъекта.

Хотя изучение образа собственного внутреннего мира возможно посредством метода интроспекции, кажется, что восприятие внутреннего мира Другого маловозможно. Несмотря на всю сложность феномена внутреннего мира и выбора методов его фиксирования, человек так или иначе обращается к своему внутреннему миру, рефлексирует и занимается самоанализом. А также человеческому восприятию может быть доступно содержание психического не только собственного, но и другого человека [2].

Так, существует ряд современных исследований, посвященных проблемам восприятия собственной психической реальности и психической реальности Другого (Фирулева Е.В., 2002; Шевелева М.С., 2002; Бергфельд А.Ю., 2002; Шиленкова Н.А., 2003 и др.). Данные работы выполнены в рамках подхода «Психология познания в области психологии» (Левченко Е.В., 1995) [2]. А значит, особенности образа внутреннего мира в сознании эмпирически изучать вполне возможно.

Нас в данном исследовании интересует такая сторона проблемы изучения образа внутреннего мира, как **проблема передачи** данных о

собственном внутреннем мире наблюдателю, воспринимающему субъекту. Как, посредством чего человек – носитель внутреннего мира – может поведать о нем Другому.

В присутствии Другого объект восприятия как бы открывается в двух смысловых полюсах: «содержание для себя» и «содержание для других» (можно провести аналогию с кантовскими «вещь в себе» и «вещь для нас»). Наблюдатель, воспринимающий субъект, «требует» некоей понятности, формы изложения содержания внутреннего мира человека – носителя его. Человек может сообщать о своем внутреннем мире посредством различных техник, способов и приемов; задачей воспринимающего становится «уловить» содержание такого сообщения. Познание субъектом психических феноменов в себе и Другом опосредуется, таким образом, системой индивидуальных значений (слово, образ, действие и т.д.), которые одновременно выступают и средствами отображения явлений психики. С проблемой фиксирования «сообщений» о внутреннем мире связана методологическая сторона вопроса.

Нами было проведено исследование, участниками которого выступили 150 человек, являющихся студентами различных специальностей Пермского государственного университета: исторического, геологического, философско-социологического факультетов. Из них 57 мужчин и 93 женщины. Возраст участников исследования варьирует от 18 до 26 лет.

На *эмпирическом* этапе применялся метод интроспекции и его модификации (свободный самоотчет, свободное описание и рисуночный метод). Обработка данных производилась с помощью контент-анализа и последующей процедуры математико-статистической обработки данных.

В данной работе, таким образом, было выделено 10 категорий контент-анализа: метафорический образ, характеристики внутреннего мира, эмоционально-волевая сфера, когнитивная сфера, конативная сфера, индивидуальные характеристики носителя внутреннего мира, мотивационная сфера, психофизиологические состояния, внешние явления, система мировоззрения.

Эмпирическими индикаторами категорий служили высказывания и суждения участников исследования, отражающие различные стороны представлений о внутреннем мире.

Правомерность выделения категорий контент-анализа в текстах самоотчетов и категорий рисунков проверялась посредством осуществления процедуры экспертного оценивания.

Анализ полученных данных показывает, что чаще всего участники исследования предпочитают описывать свой внутренний мир посредством метафоры (первый ранг); упоминают эмоциональные явления, наблюдаемые в себе (второй ранг); указывают на объекты внешнего мира, связь внутреннего и внешнего миров (третий ранг). Вероятно, именно эмоции, переживания участники исследования считают наиболее важной составляющей собственного внутреннего мира, а также не мыслят отсутствие в своем внутреннем мире близких им людей, работы, учебы и других важных объектов внешнего мира. То, что метафора получает наивысший ранг, может свидетельствовать, на наш взгляд, либо о том, что участники исследования стремятся целостно, образно, емко описать свой внутренний мир, либо о такой функции метафоры, как защитная (метафора позволяет не вдаваться в подробности, детали и т.д.).

Наименее используемыми оказались категории «система мировоззрения», «конативная сфера». По-видимому, для участников исследования оказалось менее важным при описании своего внутреннего мира указание на собственное поведение, деятельность и на свои мировоззренческие установки, ценности, систему личного опыта.

При описании внутреннего мира близко знакомого человека участники исследования чаще всего склонны обращать внимание на его (человека) индивидуальные характеристики (первый ранг), описывать его внутренний мир метафорически (второй ранг), указывать на различные эмоциональные явления (третий ранг).. Вероятно, именно индивидуальные характеристики и эмоциональные проявления Другого (в данном случае близко знакомого Другого, который в достаточной мере респондентом познан) играют наибольшую роль при восприятии и описании его внутреннего мира. Наименее используемой оказалась категория «система мировоззрения», входящая в состав блока «смыслы и действия». По-видимому, эта сфера для описания внутреннего мира близко знакомого Другого оказалась менее важной; при восприятии его внутреннего мира воспринимающий меньше всего заостряет внимание (осознает) внутренние принципы, взгляды близкого Другого, не «проникает» в систему его личного опыта.

Наиболее часто в образе внутреннего мира малознакомого человека упоминается когнитивная сфера: мысли, образы, названия различных познавательных процессов и их процессуальная сторона (первый ранг); внутренний мир описывается метафорически (второй ранг); упоминаются индивидуальные характеристики малознакомого

человека. Вероятно, в восприятии внутреннего мира малознакомого Другого первое, что замечается, - это его (и свои по поводу этого внутреннего мира) мысли, образы и другие явления когнитивной сферы. Что касается индивидуальных характеристик, то в данном случае они (в отличие от индивидуальных характеристик близко знакомого человека) также упоминаются как наиболее очевидные, «лежачие на поверхности» особенности Другого и его внутреннего мира.

Сравнивая мужчин и женщин по параметру количества используемых в описаниях слов, можно отметить, что *женщины* в два раза «словоохотливее» мужчин.

Этот факт связан, в первую очередь, с гендерными особенностями. Женщинам более свойственно активнее использовать речь, больше говорить, в том числе о собственных переживаниях, о себе; обсуждать и оценивать окружающих людей. Женщины, кроме того, охотнее идут на контакт с исследователем, склонны выполнять задания добросовестно. Женщины в большей мере являются по своей природе экстарвертами.

Мужчины же, в силу своих гендерных особенностей, менее склонны к рассуждениям, оценкам, менее склонны к детальному самоанализу; кроме того, они менее охотно «выносят» свои внутренние переживания и мысли вовне, предоставляя их кому-либо. Мужчинам свойственна большая интровертированность.

Далее мы проанализировали полученные тексты с точки зрения представленных в них некоторых (основных) грамматических единиц (частей речи).

В описаниях *собственного* внутреннего мира всего было использовано респондентами 6721 слово (общее число слов в 150 самоотчетах); внутреннего мира *близко знакомого* человека – 4280 слов; внутреннего мира *малознакомого* человека – 3020 слов. По частям речи это количество распределилось следующим образом (таблица 1):

Части речи	Собственный внутренний мир (кол-во и % от общего числа слов)	Внутренний мир близко знакомого человека (кол-во и % от общего числа слов)	Внутренний мир малознакомого человека (кол-во и % от общего числа слов)
Существительное	1241 слово (18,5%)	753 слова (17,6%)	569 слов (18,8%)

Глагол	751 слово (11,2%)	417 слов (9,7%)	319 слов (10,6%)
Прилагательное	695 слов (10,3%)	505 слов (11,8%)	347 слов (11,5%)
Местоимение 1-го лица	502 слова (7,5%)	157 слов (3,7%)	104 слова (3,4%)

Имя *существительное* в описаниях внутреннего мира может обозначать некоторую номинативность, статическую сторону образа внутреннего мира (как перечисление, обозначение различных его составляющих, компонентов).

Глагол может трактоваться как обозначение активности, динамики, энергетической стороны образа внутреннего мира, а также деятельностной характеристики носителя внутреннего мира (собственный ли внутренний мир описывается или внутренний мир Другого).

Прилагательное – это, в первую очередь, обозначение характеристики объекта, ответ на вопрос: какой он?

Местоимения 1-го лица в описании собственного внутреннего мира – эгоцентризм, рассказ о себе самом более, чем о своем внутреннем мире. В описании внутреннего мира Другого – это обозначение собственного (автора текста) отношения к Другому, включенности в его жизнь.

Таким образом, существует такое интегральное психическое образование, как образ внутреннего мира (как собственного, так и Другого), который является частью целостного образа мира и раскрывается при его вербализации через содержательные особенности внутренней жизни человека. Образ внутреннего мира вербализуется по-разному в зависимости от того, кто является носителем внутреннего мира («свой» - «чужой»), а также в зависимости от гендерной принадлежности субъектам – носителя образа.

Список литературы:

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.
2. Левченко Е.В. Психология познания в области психологии // актуальные проблемы психологической теории и практики / Под ред. А.А.Крылова. Экспериментальная и прикладная психология. Вып.14. СПб., Изд-во СПбГУ, 1995. с.42-49.

3. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М., 1983. - с. 251-261.
4. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. М., Воронеж, 1996.
5. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М., 2006.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ И СООТНОШЕНИЕ СТАТУСОВ
ИДЕНТИЧНОСТИ, СТИЛЕЙ ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕГО
ПОВЕДЕНИЯ И СТЕПЕНИ ВЫРАЖЕННОСТИ
АКЦЕНТУАЦИИ ХАРАКТЕРА**

Жердева Елена Константиновна

*соискатель кафедры психологии личности и специальной психологии
НГПУ,
г. Новосибирск*

E-mail: elena_zherdeva@ngs.ru

В наших предыдущих статьях [7, 8] была показана взаимосвязь персональной идентичности и защитно-совладающего поведения, а также персональной идентичности и акцентуаций характера старших подростков и юношества. В указанных работах сформировались определённые предпосылки для постановки проблемы взаимосвязи и соотношения статусов идентичности, стилей защитно-совладающего поведения и степени выраженности акцентуации характера, необходимые и достаточные логические и теоретические основания для которой мы предпринимаем попытку представить в данной статье.

На основе анализа психологической литературы нами были сделаны следующие теоретические заключения: 1) персональная идентичность является детерминантой субъектной активности, то есть самововлечённости личности в такие ситуации жизненного пути, которые позволяют реализовать её гомеоретические тенденции (саморазвития), имманентно предполагающие использование стратегий преодоления (копингов); 2) «Я» человека постмодернизма (имеющего акцентуацию характера) переживается им как «акцентуированная идентичность», в силу того что доминирующую роль играет идентификация «Я» с «индивидуальным-в-личности» (как наиболее устойчивым психологическим образованием – в противовес

идентификации «Я» с «социальным-в-личности»), а именно, с акцентуацией характера.

Представленное выше первое положение теоретически согласуется с важной для нас точкой зрения Е.П. Белинской [3], изучавшей взаимосвязь идентичности личности подростков и юношей и их копинга в ситуации неопределённости, которая может служить ключевой психологической характеристикой общества постмодернизма. Придя к заключению о том, что современный молодой человек в ряде случаев выбирает ситуации неопределённости, с целью вовлечения себя в новый опыт самоактуализации, расширения ресурсов идентификации [3, с.166, 168, 192, 227], Белинская полагает, что копинг можно считать «ситуационной модификацией жизненного стиля личности» [3, с.287-288], стремящейся к конструированию собственной идентичности.

Несмотря на многообразие определений жизненного стиля в современной психологии после А.Адлера, который впервые ввёл в научный обиход это понятие, раскрывая его как «целостность индивидуальности», «уникальный способ мышления, поведения, выбираемый для следования своей жизненной цели и отличающий его от других людей» [по Созонтову, с.10], все они необходимо включают в себя идею жизненного пути личности как субъекта, конструирующего свою реальность. Определение жизненного стиля Дж. Ройсом и Э. Поуэлом также делает акцент на активности личности в созидании уникального «способа бытия», «стратегии воплощения индивидуальных ценностей и оптимизации личностных смыслов» [по Созонтову, с. 10].

Представляется необходимым отметить, что с точки зрения нарративного подхода к изучению идентичности [2, 6], само понятие «идентичность личности» обнаруживает релевантность концепту «жизненный путь», т.к. раскрывается во многом подобным образом как субъективная история о значимых событиях и ситуациях, в которых эксплицируются главные личностные смыслы, индивидуальные ценности и цели.

Вследствие этого, концепт «жизненный стиль» включает также идею «идентичности личности». Таким образом, открывается тесная логическая взаимосвязь понятий «жизненный стиль», или, по Белинской, как его ситуационная модификация, «копинг-стиль», и «идентичность личности», или «различные состояния «Я» на этапах жизненного пути».

В силу сказанного, проблема взаимосвязи персональной идентичности и копинга в контексте концепции жизненного пути

личности (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, Л.И. Анцыферова, Дж. Марсиа и др.) и субъектного подхода (А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн, Л.И. Анцыферова, В.А.Петровский и др.), как нам представляется, может быть конкретизирована как проблема взаимосвязи и соотношения персональной идентичности в её различных статусах (состояниях Я на субъективно значимых этапах жизненного пути личности) и стилей копинга в трудных (проблемных) жизненных ситуациях, ключевых на жизненном пути старших подростков и юношества.

Теоретическая же предпосылка к постановке проблемы взаимосвязи и соотношения статусов идентичности и стилей совладания сформировалась в западной психологии, в частности, в трудах Дж. Марсиа.

Концепт «статусы идентичности личности», который ввёл в психологическую науку Дж. Марсиа, имманентно включает не только идею личности и психологических защит, ей, бесспорно, присущих, но и идею субъекта «совладающего» (термин Крюковой) [10], поскольку статусы идентичности определяются автором на основе критерия успешности/ неуспешности решения личностью субъективно значимых проблем жизненного пути, или иными словами, от успешности/ неуспешности личности как субъекта совладания с трудными жизненными ситуациями. На что указывает представление Дж. Марсиа о путях достижения идентичности. Наряду с пассивно присваиваемой, он выделяет конструируемую идентичность, когда сам человек принимает решения о том, кем и каким ему быть [по Короленко, с.41].

Маркерами степени выраженности успешности личности в решении субъективно значимых проблем жизненного пути Дж. Марсиа полагает статусы идентичности: диффузную идентичность, предрешённую идентичность, мораторий и достигнутую идентичность. Более того, он допускает трактовку статусов идентичности как типов личности, основанных на характеристике стиля принятия решений (наряду с уровнем когнитивной сложности, отношением к родительским запретам и желаниям, стилем интерперсональных отношений) [по Короленко, с.41]. Здесь мы делаем акцент на том, что автор концепции статусов идентичности выделяет тот или иной статус, принимая во внимание не что иное, как лежащий в его основе копинг-стиль личности как субъекта, что представляется нам теоретически значимым и продуктивным положением для наших дальнейших рассуждений.

Проблема соотношения статусов идентичности со стилями копинга обнаруживается и в контексте анализа следующих данных.

С точки зрения А. Ватермана, развитие идентичности не является прогрессивным линейным процессом, в отличие от представления Дж. Марсиа, «оно иногда возвращается к более раннему состоянию. Чувство достижения идентичности может быть утрачено, в силу того что цели, ценности и убеждения перестают удовлетворять человека в изменяющихся условиях жизни. Даже имея достигнутую идентичность, человек может в кризисной ситуации «войти» в состояние спутанной идентичности. Чувство достижения идентичности разрушается по мере того, как цели, ценности и убеждения теряют свою жизненность, перестают соответствовать изменившейся жизни. Если при этом стимулируется процесс, способствующий решению кризиса, у человека есть шанс вновь достичь прежней, временно потерянной идентичности. Однако если же он не хочет замечать происходящих изменений и затрачивать усилия на личностные поиски, существует опасность погружения в спутанное состояние» [по Короленко, с. 44].

Описанная модель нелинейного развития идентичности, включающая возможность регрессии к прежним статусам, может получить новый ракурс рассмотрения в контексте сформулированной проблемы, которая, как нам представляется, требует принять во внимание, во-первых, идею Дж. Марсиа о том, что тот или иной статус идентичности основан на характеристике стиля совладания; во-вторых, положение Е.А. Сергиенко о соотношении личностной и субъектной составляющей индивидуальности в процессах совладания с трудными жизненными ситуациями (подростками в числе изучавшихся лиц других возрастных категорий).

Так, по данным Е.А. Сергиенко, степень согласованности ценностей личности, её жизненных смыслов и интегративных возможностей субъекта реализовать задачу совладания определяет выбор адекватных психологических защит и копинг-стратегий, которые «не только индивидуально-субъектны, но могут быть более и менее зрелыми в разные периоды жизни, и у одного человека». Тем самым постулируется такая организация субъектности, в структуре которой уровни развиваются гетерохронно и организованы гетерархично. (Надо заметить, что автором снимается на уровне субъектной организации индивидуальности дихотомия неосознаваемых психологических защит и осознаваемых копингов) [12, с. 71-72].

В контексте выше сказанного, причина регрессии к прежнему статусу идентичности может быть объяснена возникшей в изменившихся условиях жизни несоответствием личностного уровня индивидуальности субъектному, вследствие гетерохронности и гетерархичности организации (и функционирования) уровней последнего. Поэтому трактовка А.Ватермана «человек не хочет замечать происходящих изменений и затрачивать усилия на личностные поиски» получает иное звучание: в ряде случаев человек не может заметить происходящих изменений и поэтому затрачивать усилия на личностные поиски, вследствие работы неосознаваемых психологических защит, искажающих восприятие новых требований реальности.

Таким образом, достижение того или иного статуса идентичности личностью может иметь и регрессивный характер, в силу особенностей индивидуального копинг-стиля субъекта, имеющего гетерархично организованную и функционирующую структуру уровней совладания, гетерохронно формирующихся на протяжении всего жизненного пути человека.

Проблема взаимосвязи и соотношения статусов идентичности и жизненного стиля, ситуационной модификацией которого, по Е.П.Белинской, является копинг, затрагивается и в исследовании Н.В. Дмитриевой [6]. Выстраивая концепцию трансформации идентичности, автор придерживается точки зрения нелинейного развития идентичности, заключающего возможность регрессии к деструктивным состояниям, как и А. Ватерман. Обосновывая теоретическое положение о возможности изменения идентичности под воздействием на человека факторов различных измерений его бытия, Н.В. Дмитриева полагает два направления «движения», или трансформации, идентичности: от диффузной к достигнутой, через преодоление конструктивного кризиса; и трансформацию идентичности, через кризисы идентичности, приводящие к дезинтеграции самости и принимающие такие виды, как пограничное личностное расстройство (ПЛС) и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), наряду с другими деструктивными состояниями. Таким образом, трансформация идентичности подразделяется автором на два вида: позитивную и негативную. При этом «пунктами движения», или видами (а в терминологии Марсиа и Ватермана – статусами) идентичности полагаются: достигнутая идентичность, диффузная идентичность, конструктивный кризис идентичности, деструктивный кризис идентичности, ПЛС, ПТСР.

Имеющим отношение к рассматриваемой нами проблеме является тот факт, что в рамках концепции трансформации идентичности Н.В. Дмитриевой разработана общая модель идентичности, на основе которой может быть осуществлена, в том числе, диагностика состояния идентичности и выбраны направления коррекции негативной её трансформации. В основе данной модели лежит принцип множественного моделирования трансформации идентичности, реализованный восемью моделями, включёнными в общую. Это позволяет анализировать синдром трансформации идентичности с позиций восьми моделей, одной из которых является каузальная модель идентичности. Делая акцент на важности существовании данной модели, мы подчёркиваем постулируемую Н.В. Дмитриевой взаимосвязь между состоянием негативной трансформации идентичности и стилем жизни человека как субъекта. С позиций каузальной модели, состояние негативной трансформации идентичности рассматривается «как результат дезадаптивного стиля жизни – цепочки причинно-следственных связей. Субъект считается автором всего того, что он успел сделать» [6, с. 210].

Таким образом, концепция трансформации идентичности, фокусом которой является модель общей идентичности, необходимо включает в своё содержание идею взаимосвязи и соотношения состояния (статуса, по Дж. Марсиа и А. Ватерману, или вида, по Н.В. Дмитриевой) и стиля жизни, ситуационной модификацией которого является копинг (согласно Е.П. Белинской).

Принимая во внимание всё выше сказанное, мы можем заключить, что в современной психологической науке существуют теоретические и логические основания, указывающие на возможное соотношение статусов идентичности личности и стилей защитно-совладающего поведения личности как субъекта.

К постановке данной проблемы имеет непосредственное отношение теоретическое заключение, сделанное нами в результате анализа психологической литературы [8]: «Я» человека постмодернизма (старшего подросткового и раннего юношеского возраста с акцентуацией характера) переживается им как «акцентуированная идентичность», в силу того что доминирующую роль играет идентификация «Я» с «индивидуальным-в-личности» (как наиболее устойчивым психологическим образованием – в противовес идентификации «Я» с «социальным-в-личности»), а именно, с акцентуацией характера. Решение проблемы взаимосвязи и соотношения статусов идентичности и стилей защитно-совладающего поведения личности как субъекта, на наш взгляд, не может

осуществиться без учёта данной особенности «существования» идентичности современно молодого человека, имеющего акцентуацию характера.

По справедливому замечанию Б.А. Сосновского, в условиях социальной нестабильности в человеке проявляется нечто базисное, скрытое, индивидуальное (по типу проявления темперамента и характера), что менее всего подвержено социально-культурным и социально-психологическим влияниям [по Ахвердовой, с.3]. Характер открывается самосознанию, становясь единственной «опорой» представлений о себе, самоощущения молодого человека постмодернизма [8]. Характер «определяет границы психического «образа Я» в различных ситуациях» [11, с. 242] а, с точки зрения трёхуровневой модели индивидуальности В.М. Русалова, трактуется «как «темперамент второго порядка», формирующийся как система устойчивых поведенческих стратегий, опирающихся на позитивный и негативный личностный опыт в преодолении новых стрессовых, психотравмирующих ситуаций» [по Маноловой, с. 237]. При данном понимании характера, идентификации «Я» с характером есть отождествление себя с собственной системой устойчивых поведенческих стратегий, то есть с индивидуальным стилем совладания с трудными (проблемными) ситуациями. Таким образом, введённое нами понятие «акцентуированная идентичность» необходимо включает как идею типа акцентуации характера, так и идею индивидуального копинг-стиля, ему специфичного, с которыми происходит идентификация «Я», с целью обретения определённости линии поведения в том числе.

Последнее десятилетие ознаменовано появлением множества исследований, в разной степени касающихся соотношения типа акцентуации характера и поведенческого стереотипа, ему релевантного. В данных работах, а они относятся к ставропольской школе И.В. Боева (О.А. Ахвердова, Т.В. Белых, и др.), акцентуации характера рассматриваются с точки зрения их «места» в личностно-характерологическом (психотипологическом) [1] или конституционально-континуальном пространстве личности [4]. О.А. Ахвердова впервые ввела в обиход психологической науки понятие «личностно-характерологический континуум», который имеет «качественную, количественную градацию и динамику психотипологических особенностей подростков» [1, с. 310]. Личностно-характерологический континуум включает несколько диапазонов: диапазон нормы-акцентуации, диапазон пограничной аномальной личности (ПАЛ) и диапазон проявления психопатии.

Утверждается, что возможен дрейф личностно-характерологических особенностей подростка от одного диапазона к другому. Так, автор проводит идею личностно-характерологической изменчивости под влиянием как биологических факторов, как и факторов среды, то есть «личностно-характерологические особенности подростков имеют по степени своей выраженности непрерывное и неравномерное распределение, которые в одном случае в большей степени детерминированы обобщённо-биологическими факторами, а другом случае – меньше» [1, с. 311].

Идея степени выраженности личностно-характерологических особенностей позволила дифференцировать промежуточный, располагающийся между диапазонами нормы-акцентуации и психопатии, диапазон ПАЛ. Каждый диапазон психотипологического континуума феноменологически проявляется в характерном стереотипе поведения. А за определёнными рамками степени выраженности акцентуации, ПАЛ, психопатии закреплёны стереотипы поведения, феноменология которых описана автором для четырёх психотипов каждого диапазона: истеротимиков, циклотимиков, шизотимиков, эпилептотимиков (акцентуанты); истероидных, циклоидных, шизоидных, эпилептоидных радикалов (ПАЛ); истероидной, циклоидной, шизоидной, эпилептоидной психопатии.

Раскрывая существо личностно-характерологической изменчивости, О.А. Ахвердова постулирует: «Можно утверждать, чем больше удельный вес характерологических проявлений в структуре субъекта, тем ближе в континууме он будет располагаться к психопатиям. Если же в структуре субъекта мы будем регистрировать больше удельный вес личностных свойств по сравнению с чертами характера, то в континууме данный субъект будет располагаться в пределах границ акцентуаций» [1, с.312]. При этом черты характера автором трактуются как способы поведения, а личность с её свойствами понимается как субъект, выбирающий способы поведения для достижения поставленной им цели [1, с.42].

В этой связи значимым представляется исследование Т.В. Белых [4], определившее психологические закономерности динамики субъектных свойств в структуре индивидуальности в пределах конституционально-континуального пространства личности: диапазон психологической нормы-акцентуации и диапазон аномальной личностной и поведенческой изменчивости [4, с.31].

По данным Т.В. Белых, «позитивное развитие личности происходит за счёт усиления субъектности и преодоления «объектности», то есть тотальной зависимости человека от внешней

среды обитания, когда процессы осознания человеком собственного «Я», самоуправления и саморегуляции поведения достигают уровня индивидуальности, соответствующего уровню высокой рефлексии, проявляющейся в иницировании деятельности и принятии ответственности за её осуществление, то есть субъектности, что характерно для диапазона психологической нормы-акцентуации. Преобладание объектности над субъектностью личности подтверждает негативное (деструктивное) развитие личности, направленное в сторону диапазона аномальной личностной и поведенческой изменчивости» [4, с.34].

Приведённые результаты исследований О.А. Ахвердовой и Т.В. Белых позволяют прийти к следующему заключению. Поскольку психотипы диапазона ПАЛ тотально зависимы от факторов среды более, чем акцентуанты (по Белых), демонстрируют больше характерологических проявлений (биологически обусловленных реакций, закреплённых в поведенческом стереотипе, по Ахвердовой), то есть имеют по сравнению с подростками диапазона нормы-акцентуации менее развитую субъектность (по Белых), это может означать наличие у психотипов ПАЛ также более жёстко структурированного стереотипа поведения, имеющего неизменный набор стратегий совладания, слабо рефлекслируемый и поэтому мало поддающийся ревизии и обновлению, в сравнении с подростками нормы-акцентуации.

В данном контексте может быть понята трактовка Дж. Марсиа статусов идентичности как типов личности, основанных на характеристике стиля (стиля принятия решений, стиля интерперсональных отношений и т.д.). Стереотип поведения, который, как нам представляется, может быть рассмотрен как жизненный стиль, или как ситуационная модификация жизненного стиля – копинг-стиль, реализуемый на субъективно значимых этапах жизненного пути, феноменологически представляет тип личности (психотип – в концепции личностно-характерологического континуума, конкретизированный в четырёх вариантах поведенческих стереотипов для каждого диапазона). Тогда переживание «Я» в отношении своего конкретного психотипа, открытого субъектной рефлексии через стереотип поведения, или индивидуальный стиль, и может быть расценено как статус персональной идентичности, «застывшей» в одном из своих деструктивных состояний и переставшей развиваться, в силу преобладания объектности над субъектностью в структуре индивидуальности подростков диапазона ПАЛ.

Как заключает Т.В. Белых, «развитие индивидуальности с позиций конституциональной психологии представляется как процесс становления способности быть субъектом созидательного саморазвития, соответствующего в конституционально-континуальном пространстве диапазону нормы-акцентуации, в противоположность механизмам деструктивного саморазвития, препятствующего формированию субъектных свойств индивидуальности, что соответствует диапазону аномальной личностной и поведенческой изменчивости» [4, с. 33]

Полагая идентичность подростков нормы-акцентуации субъектным свойством, автор видит его динамику в возможности «обретения ценности Я», «расширения границ образа «Я», когда актуальное «Я» интегрируется в «высшее Я», достигая общественности между нравственными ценностями «Я» и системой общечеловеческих ценностей, «достижения самоощущенности в значимой для собственного образа «Я» деятельности», создания образа жизнедеятельности «Я», обеспечивая более высокий уровень саморегуляции и всех видов активности личности [4, с. 32-33].

Резюмируя сказанное, можно заключить, что Т.В. Белых, постулируя возможность созидательной динамики развития субъектности и идентичности как субъектного свойства для подростков диапазона акцентуированной личностной и поведенческой изменчивости, не исключает вероятности достижения ими статуса конструктивной идентичности, а также не исключает позитивной динамики повышения уровня саморегуляции, в систему которой, по И.И. Ветровой [5], включено защитно-совладающее поведение, на основе стилевых особенностей которого, согласно Дж. Марсиа, Н.В. Дмитриевой, могут быть охарактеризованы статусы идентичности.

Таким образом, введённые в психологическую науку приверженцами школы И.В. Боева концепты «диапазон личностной и поведенческой изменчивости», то есть степень выраженности количественных и качественных характеристик психотипа в личностно-характерологическом континууме, в частности, нормы-акцентуации, а также «динамика созидательной/деструктивной субъектности в конституционально-континуальном пространстве личности» представляют собой, наряду с приведёнными выше, важные теоретические предпосылки для постановки проблемы взаимосвязи и соотношения статусов идентичности, стилей защитно-совладающего поведения и степени выраженности акцентуации характера подростков.

Решение данной проблемы может быть развёрнуто в ракурсе количественной и качественной дифференциации субдиапазонов в границах нормы-акцентуации и выявления нюансов поведенческого стереотипа, реализуемых теми или иными копинг-стилями, соответствующими определённой степени выраженности акцентуации характера подростка. В силу установленной принципиальной возможности созидательной субъектности, потенциально присущей диапазону нормы-акцентуации, возникает вероятность эмпирического обнаружения такого субдиапазона выраженности нормы-акцентуации и присущего ему оптимального копинг-стиля, который лежит в основе статуса достигнутой идентичности подростка. Данная задача ставится в экспериментальной части нашего исследования, решающего проблему взаимосвязи и соотношения статусов идентичности, стилей защитно-совладающего поведения и степени выраженности акцентуации характера лиц старшего подросткового и юношеского возраста в трудной жизненной ситуации неопределённости (окончание школы и вуза).

В данной статье была предпринята попытка референтного анализа существующих в современной психологической науке концепций и идей, которые, как нам представляется, могут быть осмыслены как предпосылки постановки проблемы взаимосвязи и соотношения статусов идентичности, стилей защитно-совладающего поведения и степени выраженности акцентуации характера подростков и юношей, находящихся в ситуации неопределённости (окончание учебного заведения: школы, вуза). Референтный анализ психологической литературы позволяет заключить, что существуют следующие теоретические и логические предпосылки для постановки указанной проблемы:

1. Логические выводы теоретического анализа современных психологических исследований, представленные в наших предыдущих статьях [7, 8]:

а) персональная идентичность является детерминантой субъектной активности, то есть самововлечённости личности в такие ситуации жизненного пути, которые позволяют реализовать её гомеоретические тенденции (саморазвития), имманентно предполагающие использование стратегий преодоления (копингов); б) «Я» человека постмодернизма (имеющего акцентуацию характера) переживается им как «акцентуированная идентичность», в силу того что доминирующую роль играет идентификация «Я» с «индивидуальным-в-личности» (как наиболее устойчивым

психологическим образованием – в противовес идентификации «Я» с «социальным-в-личности»), а именно, с акцентуацией характера.

2. Трактовка Е.П. Белинской копинга как ситуационной модификации жизненного стиля подростка, в ситуации неопределённости стремящегося к конструированию собственной идентичности.

3. Отмечающаяся в современной психологической науке релевантность понятий «жизненный стиль», «жизненный путь», «идентичность личности» (нарративный подход).

4. Концепция Дж. Марсиа о статусах идентичности, прогрессивном линейном развитии идентичности личности, понимаемой как субъект жизненного пути, представление о статусах идентичности как типах личности, основанных на характеристике стиля (принятия решений, интерперсональных отношений и т.д.).

5. Концепция нелинейного развития идентичности А. Ватермана в связи с положением Е.А. Сергиенко об уровневой организации субъектности, гетерархии уровневой и гетерохронности их формирования.

6. Концепция Н.В. Дмитриевой о трансформации идентичности личности, фокусом которой является общая модель идентичности, включающая каузальную модель, с позиций которой негативная трансформация идентичности, получающая репрезентацию в нескольких деструктивных статусах, имеет непосредственное соотношение с жизненным стилем.

7. Трактовка характера с точки зрения трёхуровневой модели индивидуальности В.М. Русалова, «как «темперамент второго порядка», формирующийся как система устойчивых поведенческих стратегий, опирающихся на позитивный и негативный личностный опыт в преодолении новых стрессовых, психотравмирующих ситуаций.

8. Концепция О.А. Ахвердовой о личностной и поведенческой изменчивости подростка в пределах психотипологического континуума от диапазона нормы-акцентуации к ПАЛ и далее, к диапазону психопатии. В данной концепции получает развитие идея выраженности личностно-характерологических особенностей, феноменологически представленных двенадцатью стереотипами поведения; открывается взаимосвязь и соотношение степени выраженности особенностей психотипа и специфичного ему стереотипа поведения.

9. Концепция Т.В. Белых о созидательной/деструктивной динамике субъектных свойств в

структуре индивидуальности в пределах конституционально-континуального пространства личности: диапазон нормы-акцентуации и диапазон ПАЛ. Идентичность представлена как субъектное свойство, конструктивное развитие которого у подростков диапазона нормы-акцентуации детерминирует, в частности, высокий уровень саморегуляции, в систему которой, по И.И. Ветровой, входят защитно-совладающие стратегии.

Анализ перечисленных концепций и идей, актуальных для современной психологической науки, позволяет поставить проблему взаимосвязи и соотношения статусов идентичности, стилей защитно-совладающего поведения и степени выраженности акцентуации характера подростков и юношей, находящихся в ситуации неопределённости (окончание учебного заведения: школы, вуза).

Список литературы:

1. Ахвердова, О.А. Личностно-характерологический континуум современного подростка. Дисс. ... доктора психол.н. [Текст]/ О.А. Ахвердова. – Ставрополь, 1998. – 328 с.
2. Барский, Ф.И. Представления об идентичности в рамках нарративного подхода / Ф.И. Барский, Д.А. Кутузова [Текст]// Мир психологии. – 2004. – №2. – С. 67- 77.
3. Белинская, Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений. Дисс. ... доктора психол.н. [Текст]/ Е.П. Белинская. – М., 2006. – 479 с.
4. Белых, Т.В. Психологические закономерности динамики субъектных свойств в структуре индивидуальности. Автореф. дисс. ... доктора психол. н. [Текст]/ Т.В. Белых. – Ставрополь, 2004. – 38 с.
5. Ветрова, И.И. Связь совладающего поведения с контролем поведения и психологической защитой в системе саморегуляции [Текст]/ И.И. Ветрова // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы/ под. ред. А.Л. Журавлёва, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 474 с.
6. Дмитриева, Н.В. Психологические факторы трансформации идентичности личности. Дисс. ... доктора психол.н. [Текст]/ Н.В.Дмитриева. – Новосибирск, 1999. – 361 с.
7. Жердева, Е.К. Защитно-совладающее поведение и его взаимосвязь с личностной идентичностью [Текст]/Е.К. Жердева //Актуальные проблемы психологии личности: материалы межрегиональной научно-практической конференции (20 августа 2009 г.). – Новосибирск: Изд-во ЭНСКЕ, 2009. – 156 с.

8. Жердева, Е.К. Анализ акцентуаций характера в контексте изучения личностной идентичности [Текст]/Е.К. Жердева// Аспирантский сборник-2010. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2010. (В печати).
9. Короленко, Ц.П. Идентичность: Развитие. Перенасыщенность. Бегство: Монография / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Е.Н. Загоруйко. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2007. – 472 с.
10. Крюкова, Т.Л. Человек «совладающий»: качества субъекта и его совладающее поведение [Текст]/ Т.Л. Крюкова// Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы/ под. ред. А.Л. Журавлёва, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 474 с.
11. Манолова, О.Н. Акмеологический ресурс индивидуального характера: акцентуации и деакцентуации черт/ О.Н. Манолова [Текст]// Мир психологии. – 2008. – №1. – С. 236 – 245.
12. Сергиенко, Е.А. Субъектная регуляция совладающего поведения [Текст]/ Е.А. Сергиенко// Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы/ под. ред. А.Л. Журавлёва, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 474 с.
13. Созонтов, А.Е. Основные жизненные стратегии российских студентов. Дисс. ... канд. психол.н. [Текст]/ А.Е. Созонтов. – М., 2003. – 194 с.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Жуйкова Марина Владимировна

аспирант, Казанский государственный университет, г.Казань

E-mail: MarinaGuikova@yandex.ru

Развитие любой науки движется не только благодаря логике построения, смене концепций и личностным вкладам отдельных великих ученых, но и благодаря социальному контексту. В настоящее время данное утверждение является как никогда актуальным. Именно последние десятилетия характеризуются ускорением темпов общественного прогресса в экономической, политической, социальной, культурной и других сферах. При этом происходящие изменения характеризуются, как правило, крайней непредсказуемостью, неопределенностью, неустойчивостью. Это приводит к тому, что число трудных и стрессовых ситуаций значительно возросло. Стрессовые нагрузки, как на общество, так и на личность стали практически постоянной величиной. Для успешной и продуктивной деятельности человеку в современном быстро меняющемся мире приходится воспринимать большое количество информации; включаться в новые межличностные и общественные отношения; решать все более сложные ответственные задачи, сталкиваться с необходимостью преодоления физических и эмоциональных нагрузок.

Для ведения эффективной деятельности, для поддержания состояния физического и психического здоровья людям необходимо уметь быстро реагировать на возникающие изменения, чтобы выбрать те стратегии поведения, которые позволили бы преодолеть возникшие трудности и достичь состояния адаптированности.

То, что наше время интерпретирует себя как трудное и изобилующее разномасштабными стрессовыми ситуациями и событиями: от социальных потрясений, экономических трудностей, экологических бедствий (в масштабах стран и государств) до многочасовых стояний в пробках или поездках в переполненном транспорте (в жизни конкретного человека) —факт. Для того чтобы человек в современных условиях не ощущал состояние бессилия и безнадежности, не стремился избегать негативных моментов в жизни (что в принципе и невозможно), ему необходимы знания о том, как справиться с возникающими ситуациями с наименьшими потерями; «смягчить» их последствия. Более того, очень часто именно трудные

ситуации выступают в качестве необходимого условия для развития личности.

Современная действительность в буквальном смысле научила объяснять состояния людей во всех трудных ситуациях таким понятием как стресс (как наиболее характерное психическое состояние, развиваемое под влиянием трудных, экстремальных условий), но пока плохо учит тому, что с ним надо и можно бороться. Возникло своего рода желание «находить» у себя последствия стресса, имеющие широкий диапазон проявлений в виде: соматических болезней; сердечно-сосудистых заболеваний; депрессий и т.д.; чувствовать себя со всех сторон уязвимыми и действительно таковыми становиться, что подтверждают результаты многочисленных исследований.

Так, данные В. Д. Тополянского и М.В. Струковской, свидетельствуют о тенденции психосоматического реагирования людей на трудную ситуацию.

По их мнению, не менее 50% «больных», обращающихся в поликлиники и стационары, являются здоровыми людьми, нуждающимися лишь в психологической поддержке; в приобретении знаний, навыков, мастерства по преодолению жизненных препятствий. В частности, ими подсчитано, что 150 больных с псевдоорганическими жалобами получили 496 курсов консервативной терапии, 811 ненужных терапевтических вмешательств и 244 бесполезные операции [11].

Одним из разделов базисного Чикагского исследования процесса стресса явилось изучение алкоголизации как стратегии преодоления напряжения, вызванного стрессом. Ученые констатировали, что вероятность употребления алкоголя для купирования стресса, связанного с экономическими трудностями (в рамках проводимого исследования), увеличивалась втрое у людей с низким чувством мастерства и низкой самооценкой.

Причем можно предположить, что именно отсутствие мастерства и неспособность преодолеть, совладать с ситуацией повлияло на снижение самооценки. Поэтому концепция совладающего поведения («coping behavior», копинг-поведение), основной задачей которой является выявление того каким образом люди справляются с трудными, стрессовыми ситуациями, имеет большое практическое значение. Исследование совладающего поведения- актуальная задача как фундаментальных, так и прикладных отраслей психологии, (обусловленная запросом времени), а выявления основных механизмов совладания, выделение способов, используемых при совладании,

личностных и средовых ресурсов,- помогают успешно справляться с требованиями окружающей среды.

Если первые исследователи совладающего поведения фокусировали свое внимание на изучении опасных, экстремальных для жизни ситуаций (I.Greenberg, A.Henderson, F.Viney, 1975) и, как отмечает С.К. Нартова- Бочавер, существенным было положение о том, что «coping» вступает в действие, когда сложность задач превышает энергетическую мощность привычных реакций и требуются новые затраты, а рутинного приспособления недостаточно, то со временем, это понятие стало использоваться не только применительно к экстремальным условиям, но и для описания поведения людей в сложных жизненных ситуациях, при хроническом воздействии стрессоров и повседневных негативных событий [8]. Для обозначения таких ситуаций было введено понятие «повседневные неприятности»(daily hassles). В 1981 году группа ученых (A.D.Kanner, J.C.Сoyne, С.Schaefer, R.S.Lazarus,1981) весьма критически отозвались о "драматизирующей направленности" разработки проблемы совладания в ущерб обычным неприятностям людей в их трудовой, учебной, семейной жизни. Они заявили, что люди сходят с ума не из-за крупных превратностей судьбы, а по вине непрекращающихся, мелких, ежедневных «трагедий», негативный эффект которых аккумулируется с течением времени. Было обнаружено, что именно оценка «ежедневных спадов настроения» (по R.Lazarus), которые вызываются второстепенными на вид неприятными событиями повседневной жизни, позволяют лучше предсказать как состояние здоровья, так и моральное состояние человека в целом.

В условиях «обычной» повседневной жизнедеятельности, одно и то же событие может являться источником напряжения, вызывая нарушения различного рода для одного человека и не восприниматься как трудное, стрессовое другим человеком.

Психологи Кобаса С. и Мадди С. в середине 70-х годов провели исследование 200 менеджеров компании, переживающей кризис. Несмотря на то, что они находились в одинаковой стрессовой ситуации, только половина испытуемых сообщила о своем чрезвычайно болезненном состоянии. Кобаса С. обнаружила, что те работники, которые оставались «здоровыми», по-другому думали о происходящих с ними событиях. Они относились к изменению как к неизбежной части жизни и возможности для роста, а не как к угрозе для достигнутого [12].

Кроме того, если в экстремальных, чрезвычайных ситуациях (войны, аварии), которые имеют массовое воздействие,

преобладающее большинство будет реагировать психологическими и физиологическими нарушениями. Различия будут наблюдаться в степени выраженности нарушений и в применяемых способах «борьбы», совладания с возникшей ситуацией.

Предназначение совладающего поведения состоит в том, чтобы как можно лучше адаптировать человека к требованиям ситуации, позволяя ему овладеть ею, ослабить или смягчить эти требования, постараться избежать или привыкнуть к ним и таким образом погасить стрессовое действие ситуации. Механизмы совладающего поведения можно считать конструктивными в том случае, если состояние психической напряженности (по Н.И.Наенко) и чувство дискомфорта снижаются; если происходят изменения в отношении к проблеме [9]. Тогда как расстройства здоровья, «ухудшение качества жизни» будут выступать не как автоматические следствия длительного и интенсивного напряжения, а как результат применения «дезадаптивных», неконструктивных, неэффективных (конкретно по отношению к данной ситуации) стратегий совладания.

Люди зачастую годами не могут выйти из череды повторяющихся стрессовых ситуаций не потому, что они в принципе неразрешимы, а вследствие неумения правильно оценить ситуацию и найти верное решение, применив адекватную сложившимся условиям стратегию. Она требует от человека изменения взгляда на ситуацию, необходимости трансформации своего «стереотипного репертуара» действий к новым требованиям среды на основе поиска новых подходов, способов решения проблем. Процесс совладающего поведения, в большинстве случаев, не может осуществляться на основе «ригидных» установок или стереотипных форм поведения. «Ригидность» личностных установок включает в себя, как отмечает Г.В.Залевский, склонность к использованию широкого спектра фиксированных форм поведения и неспособность при объективной необходимости изменить мнение, отношение, установку и т.д. [2]. Как отмечает В.А. Бодров, «человек не обладает готовыми схемами интерпретации каждой ситуации. Это часто делает событие непредсказуемым и не позволяет заранее определить адекватное поведение для конкретной ситуации, в результате чего возникает чувство беспомощности и тщетности любых попыток повлиять на ситуацию» [1, с.80]. При таком рассмотрении важное значение приобретает активность субъекта: человек не просто подвергается воздействиям среды, а активно влияет и противостоит ей (Ковалев С.В., Ломов Б.Ф., Петровский В.А., Томэ Г., Филиппов А.В., Шибутани Т.).

Постоянная готовность к конструктивной перестройке своего поведения позволяет не только успешно совладать трудными, стрессовыми ситуациями, но, что особенно важно - личностно развиваться. По мнению А.В. Либина, от того, как человек реагирует на неблагоприятные жизненные обстоятельства, во многом зависит, насколько гармонично развивается его индивидуальность [6].

Несформированность навыков совладающего поведения

К сожалению, люди, в большинстве своем, как раз и стараются преодолеть стрессовые воздействия, трудные ситуации, основываясь на выработанных, стереотипных действиях, многие из которых не удовлетворяют требованиям возникшей ситуации в частности или требованиям современной действительности в целом.

Выбор пути наименьшего сопротивления, как правило, приводит к использованию «самопоражающих» стратегий (по Анцыферовой Л.И.), что выражается в стремлении изменить прежде всего свое психическое состояние, причем «искусственным» способом (за счет приема алкоголя, наркотиков, стимуляторов, чрезмерного употребления пищи и т.д.), а не решить возникшую ситуацию. Это приводит к формированию «иллюзорного» способа разрешения жизненных проблем, который действительно позволяет снять психоэмоциональное напряжение на некоторое время, но никоим образом не воздействует на источник проблемы. Тогда как возникновение негативных состояний свидетельствует, о том, что в наших действиях или в нашем окружении что-то не в порядке и нуждается в изменении. В этом случае нужно бороться не с самими состояниями, а с причинами, которые их вызывают.

Привлекательность выбора «самопоражающих» стратегий решения проблемных ситуаций заключается в их простоте. При их использовании, как отмечает Ц.П.Короленко: «Создается субъективное впечатление, что...обращаясь к фиксации на каких-то предметах или действиях, можно не думать о своих проблемах, забыть о тревогах, уйти от трудных ситуаций» [4, с.11]. Возможным результатом использования данных стратегии является формирование аддиктивного поведения (как альтернативная реакция совладающему поведению).

Кроме того, «стереотипность» форм поведения может быть причиной возникновения различных болезней «стрессовой этиологии»- сердечно-сосудистые расстройства, нарушение обменных процессов, заболевания вегетативной нервной системы (Хананашвили М.М, 1978; Sauter S.L & Murphy L.R.,1999) высока вероятность

формирования невротических, психосоматических, поведенческих расстройств (Александровский Ю.А., 1992; Положий Б.С., 1993).

В последнее время все большую распространенность получает идея о том, что болезнь представляет собой так же вид приспособления, который обеспечивает выживание в условиях нарушения или существенного превышения «физиологической и психической переносимости воздействий среды». Болезнь рассматривается как своеобразная стратегия адаптации, «развитие, возникновение» которой связано с невозможностью, неспособностью, незнанием никакого другого способа разрешения ситуации. Н.И.Косенков, рассматривает заболевания, в частности психосоматические, как раз в качестве того необходимого «импульса», толчка к поиску новых стратегий, механизмов «выживания», проявление которых в условиях нормального функционирования «человека», было затруднено (либо невозможно) [5]. А.Г.Маклаков полагает, что любое хроническое заболевание, особенно психосоматического генеза необходимо рассматривать как особого вида хронический стресс, растянутый во времени [7].

Выбор указанных выше «стратегий» совладания в большой степени обусловлен недостаточной сформированностью системы саморегуляции, отсутствием подходящих навыков, необходимых для решения возникших ситуаций.

В связи с этим, в настоящее время все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с необходимостью развития и совершенствования механизмов саморегуляции, как возможности человека управлять собой, своим поведением, своими состояниями.

Совладающее поведение как характеристика саморегуляции субъекта

Если ранее утверждалось, что некоторые индивиды испытывают затруднения при решении трудных, стрессовых ситуаций, то теория совладающего поведения исходит из предположения, что у таких людей просто нет подходящих навыков, необходимых для решения возникших ситуаций. Так, С. Минучин доказал, что некоторые люди усвоили неподходящие способы совладания, которые скорее способствуют сохранению проблемы, чем ее разрешению. Но при адекватном вмешательстве, они могут научиться новым стратегиям [13]. Это доказывают и результаты исследований, проводимых в рамках клинической психологии и медицины. Исследование совладающего поведения у лиц страдающих неврозами показало, что по сравнению со здоровыми людьми для них характерна большая

пассивность в разрешении проблем, им свойственно менее адаптивное поведение. Однако в «результате» активного участия в психотерапии, направленной на улучшение преодоления невротических проблем, лица, страдавшие невротическими расстройствами, не только улучшили состояние своего здоровья, но и развили способность к использованию более адаптивных и адекватных требованиям ситуации стратегий совладающего поведения. Таким образом, в настоящее время акцент делается на возможности обучения, формирования, развития навыков совладающего поведения с целью увеличения психосоциальной компетентности субъекта в разнообразных сферах деятельности [3].

Безусловно, что это длительный процесс, требующий также проявления активности. «Избавление» от неэффективных стратегий совладающего поведения возможно лишь при осознании их неадекватности, воли к переменам и тренировке желаемого поведения. В связи с этим, формирование таких качеств как: эмоциональная устойчивость, выносливость, усидчивость- не всегда надо рассматривать только как результат развития природных задатков или прямого социального воздействия. В немалой степени это результат целенаправленного воспитания и обучения, специальной «психологической тренировки», которые направлены (осознанно или подсознательно) на выработку адекватных внутренних способов преодоления трудных ситуаций (Кокс Т., 1981; Карвасарский Б.Д., 1985; Гринберг Дж., 2004).

В настоящее время произошел «перенос» внимания с рассмотрения человека в основном как объекта разнообразных воздействий, не способного выдерживать трудные жизненные ситуации, на признание его свободным и сознательным субъектом собственной жизнедеятельности. Подчеркивается его стремление к обретению собственной стратегии взаимодействия с окружающей реальностью; к преобразованию, расширению своих адаптационных возможностей. В качестве сущностной характеристики целостной психики человека рассматривается- саморегуляция целенаправленной активности, как системно организованный психический процесс по построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, который может привести к достижению принимаемых субъектом целей и выбору активных стратегий совладания с ситуациями жизнедеятельности. Именно субъект саморегуляции нарушает «ход вещей», проявляя «надситуативную активность», проявляя себя «не в адаптации, а в преодолении».

Актуальность и значимость изучения регуляторного опыта субъекта очевидны. При исследовании структуры и содержания данного опыта открывается возможность выявления динамики становления системы саморегуляции у человека, проектирования и прогнозирования регуляторных процессов в разных видах деятельности.

В силу определенных обстоятельств (напряжённость ситуации; степень рассогласования между объективной значимостью ситуации и ее субъективной оценкой; несформированность тех или иных регуляторных систем и т.д.), ни каждый человек способен на рациональный анализ. В ряде случаев людям может потребоваться профессиональная помощь для того, чтобы по-новому оценить собственное поведение в трудных жизненных ситуациях, осознать их непродуктивность, увидеть «недостатки», а главное, развить, приобрести адекватные ситуации способы, стратегии совладающего поведения.

Знания о возможностях формирования и развития продуктивных стратегии совладающего поведения имеют огромное значение для человека, так как они помогают не только «выживать», но лично развиваться. Именно в процессе их совершенствования происходит развитие, накопление личностного потенциала для совладания человека с трудными, стрессовыми ситуациями жизнедеятельности, формируется «психологическая стойкость» (Kobasa S., 1982; Тышкова М., 1987).

Список литературы:

1. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление [Текст] / В.А.Бодров. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 528 с.
2. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии): Монография [Текст] / Г.В.Залевский. -Томск: Изд-во ТГУ, 2004. - 458 с.
3. Клиническая психология: Учеб. для студентов мед. вузов и фак. клинич. психологии [Текст] / В. А. Абабков, А. П. Бизюк, Н. Н. Володин и др.; под ред. Б.Д.Карвасарского. - 3-е изд., стер. - СПб.: Питер, 2007. - 969 с. - (Национальная медицинская библиотека).
4. Короленко Ц.П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития [Текст] / Ц.П.Короленко // Обзрение психиатрии и медицинской психологии. – 1991. – № 1. – С. 8–15.

5. Косенков Н.И. Физиологические механизмы психологической адаптации при психосоматической патологии: Автореф. дис. ... докт. мед. наук / Н.И.Косенков.- СПб., 1997. – 35 с.
6. Либин А.В. Дифференциальная психология: На пересечении европейских, российских и американских традиций [Текст] / А.В.Либин. - М.: Смысл, 2000.- 549 с.
7. Маклаков В.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях [Текст] / В.Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – № 1. – С.16-24.
8. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности» [Текст] / С.К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. –1997. Т.18. – № 5. – С.20-30.
9. Русина П.А. Психологические защиты и механизмы совладания: отличия, проявления в психотерапевтической практике, эффективность [Текст] / Русина П.А. // Ярославский психологический вестник. Вып. 1. - Ярославль: РПО – ЯрГУ. – 1999 – С.157 – 173.
10. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю.Шведовой. – 22-е изд., стер.- М.: Рус.яз., 1990.- 921 с.
11. Тополянский В.Д., Струковская М.В. Психосоматические расстройства [Текст] / В.Д.Тополянский, М.В.Струковская. - М.: Медицина, 1986. - 384 с.
12. Kobasa S.C., Maddi S.R., Kahn S. Hardiness and health: a prospective study // J.of Personality and Social Psychology. 1982. Vol.42. N.1 P. 558-567
13. Minuchin S. Families and family therapy. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1974 – 268 p.

К ПРОБЛЕМЕ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ, СКЛОННОСТИ, ФОРМЫ И ФАКТОРЫ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Казакова Ирина Александровна

Аспирант, НГПУ

Управляющий, ООО «ЛеОл. Региональная студия», г. Новосибирск

E-mail: i.kazakova13@mail.ru

Термин «суицидальное поведение» объединяет все проявления суицидальной активности — мысли, намерения, высказывания, угрозы, попытки самоубийства [5, с. 436]. Этот термин особенно актуален для юношеского возраста, поскольку у них наблюдается множество форм суицидального поведения. Самоубийство (суицид) редко встречается у детей младше 13 лет. Это объясняется тем, что дети этого возраста еще очень зависимы от близких взрослых и у них только начинается процесс внутренней идентификации, поэтому мысль, что можно совершить враждебные агрессивные действия по отношению к себе самому, не приходит им в голову. С возрастом число самоубийств увеличивается.

Соотношение суицидных попыток и смертельных случаев самоубийства составляют 12:1 у детей и 5:1 у взрослых. Пропорция суицидных попыток и суицидов меняется год от года и связана с большим или меньшим напряжением в обществе или значительными социальными событиями. Так, в Чехословакии в период с 1961 по 1969 г. число суицидов, совершенных в возрасте 15-18 лет, на 100 тысяч населения колебалось от 13 до 36 для юношей и от 6 до 15 для девушек. Число попыток самоубийства было от 80 до 158 для мальчиков и от 192 до 386 для девочек. Рост числа проявлений суицидального поведения в Чехословакии к концу 60-х гг. был обусловлен социальным напряжением общества, в котором попытки социальных перемен окончились разгромом [5, с. 437]. В развитых странах подростковый суицид стал острой проблемой, начиная с 60-х гг. XX в. Так, в США на долю подростков до 1958 г. приходилось только 8% суицидных попыток, а после 1960 г. — более 20%. При этом среди мальчиков в возрасте 15-18 лет на 100 тысяч человек населения приходится 22 самоубийства, а среди девочек — 3,8. В 90-х гг. самоубийства занимали второе место среди причин гибели подростков в США, подобная статистика существует и среди большинства европейских стран, где подростковый суицид стоит на 3-м месте [3].

Подростковое суицидальное поведение относится к области «пограничной психиатрии» — области психопатий и не психопатических реакций на фоне акцентуаций характера, свойственных данному возрасту (Личко, 1999). Только 5% суицидов, включая попытки, падает на психозы, тогда как на психопатии по европейской статистике приходится 20-30%, а остальное — на «подростковые кризисы», а по отечественным данным, число попыток самоубийства среди юношей и девушек одинаково в случае психопатий и акцентуаций характера [3, с. 147].

Суицидные действия у подростков часто носят демонстративный характер, который обретает черты «суицидного шантажа». По данным А. А. Александрова (1973), кроме истинного суицида и демонстративных попыток можно выделить особый юношеский тип суицидального поведения — «недифференцированный», где трудно определить истинность намерения. Такие «неясные» попытки окрашены острым аффектом при потере или угнетении сознательного контроля, расстройством рассудочной деятельности. Отнести попытку к истинным или демонстративным действиям бывает невозможно. Объективно малоопасный способ самоубийства мог быть субъективно чрезвычайно эффективен. Так, 15-летний подросток принял несколько таблеток пипольфена, которые объективно не могут привести к летальному исходу. Однако этот подросток имел опыт употребления пипольфена, когда одна таблетка привела к развитию тяжелой аллергической реакции. Несколько таблеток он считал надежным средством совершения самоубийства [1, с. 40].

Французский психиатр Л. Мишо описал пять типов суицидных попыток: импульсивные, гиперэмотивные, депрессивные, паранойяльные и шизофренические — и три типа «суицидального шантажа»: истинный, аффективный и импульсивный. Однако данная классификация не имеет четких критериев разграничения форм суицидального поведения [5, с. 438].

А.Е. Личко (1999) предлагает выделять три формы суицидального поведения: демонстративное, аффективное и истинное. Исследования 300 подростков-юношей, проведенные А. Е. Личко, показали, что суицидальное поведение наблюдалось у 34%, из них демонстративное поведение — у 20%, аффективные попытки — у 11% и только 3% совершали обдуманные и спланированные покушения. В большинстве случаев суицидальное поведение в юношеском возрасте — это «крик о помощи», адресованный близким людям, надежда быть услышанным и понятым. 80% суицидных попыток совершается в дневное или вечернее время дома [3, с. 214].

Демонстративное суицидальное поведение — область находящихся в стадии созревания психических процессов, определяющая перспективу развития ребенка. Демонстративное суицидальное поведение — это изображение попыток самоубийства без реального намерения покончить с жизнью, с расчетом на спасение. Все действия направлены на привлечение внимания, возобновление интереса к собственной персоне, жалость, сочувствие, уход от наказания за совершение тяжелого проступка, возмездие за обиду, несправедливость, когда окружающие отомстят обидчику. Место совершения попытки самоубийства указывает на ее адресат: дома — родным, в компании сверстников — кому-то из них, в общественном месте — обществу в целом, властям.

Аффективное суицидальное поведение — область находящихся в стадии созревания психических процессов, определяющая перспективу развития молодого человека. Аффективное суицидальное поведение — тип поведения, характеризующийся, прежде всего действиями, совершаемыми на высоте аффекта. Суицид во время аффекта может носить черты спектакля, но может быть и серьезным намерением, хотя и мимолетным. Длительность аффективной ситуации определяет и колебания намерения суицидального поведения.

Истинное суицидальное поведение — намеренное, обдуманное поведение, направленное на реализацию самоубийства, иногда долго вынашиваемое. Истинное суицидальное поведение — намеренное, обдуманное поведение, направленное на реализацию самоубийства, иногда долго вынашиваемое. Молодой человек заботится об эффективности действия и отсутствии помех при их совершении. В оставленных записках звучит мотив собственной вины, самобичевания, забота о близких, которые не должны чувствовать причастности к совершенному действию [3, с. 234].

Суицидальному поведению способствуют многие факторы.

Неблагополучные семьи. Подростки, делающие попытки самоубийства, происходят из неблагополучных семей. В таких семьях часто возникают конфликты между родителями, родителями и детьми, порой с применением насилия. Родители относятся к своим детям недоброжелательно, без уважения и даже враждебно. Способствовать самоубийству могут и экономические трудности в семье: ранняя потеря родителей, утрата с ними взаимопонимания, развод родителей. Уход отца, его отсутствие или пассивная роль при властной деспотичной матери отягчает положение взрослого ребенка в семье.

В подростковом возрасте конфликт в семье, потеря родителя, экономические неурядицы часто воспринимаются как собственная вина. Возникает ощущение эмоциональной и социальной изоляции, чувство беспомощности и отчаяния. Появляется уверенность, что ничего не возможно сделать, что нет будущего. В одном исследовании, проведенном американскими психологами в 1993 г., было показано, что существенным фактором, предопределяющим попытки совершения самоубийства, было отсутствие поддержки со стороны семьи [5, с. 440].

Школьные проблемы играют важную роль в дезадаптации, особенно старшеклассников, вызывают утрату контактов со сверстниками. Группа сверстников является референтной группой в подростковом возрасте, ориентиром в развитии собственной идентичности, развитии самооенок, представлений о себе, нормах социального поведения, освоении гендерных ролей. Потеря или осуждение группой может стать тем социально-психологическим фактором, который способен подтолкнуть или усилить желание юноши к суицидному действию. Это фактор особенно значим для юношей с невысоким интеллектом, сочетающимся с выраженной сенситивностью и уязвимостью.

Сексуальные проблемы, дополненные другими факторами, могут стать причиной дезадаптивного поведения, ведущего к суициду. Измена возлюбленного (или возлюбленной) может привести к суициду, если она сочетается с унижением достоинства или при условии сильной эмоциональной привязанности юношеского возраста, которая характерна особенно для юношей и девушек из неблагополучных семей, или у эмоционально-лабильных молодых людей, лишенных поддержки дома, ощущающих эмоциональное отвержение родителей. Беременность несовершеннолетней девушки, импотенция, неудачный половой контакт, страх гомосексуализма («гомосексуальная паника») — все это может толкнуть молодых людей к суицидальному поведению.

Сексуальные проблемы становятся более значимыми в пубертатном возрасте, тогда как для предпубертата на передний план выступают семейные проблемы. Проблемы полового созревания более всего отягощены суицидами у мальчиков, выросших без отца при чрезмерной привязанности к матери.

Одним из наиболее часто встречающихся факторов, способствующих покушению на самоубийство, является депрессия. Она может быть следствием потере объекта любви и проявляться в печали, подавленности, потере интереса к жизни, отсутствии желания

решать актуальные жизненные проблемы. Могут появляться психосоматические расстройства: потеря аппетита, нарушения сна, усталость, снижение сексуального интереса. Часто депрессия может носить скрытые формы: она маскируется повышенной активностью, вниманием к мелочам, а иногда социальными провокациями — правонарушениями, употреблением наркотиков, беспорядочными половыми связями.

Риск самоубийств более высок среди употребляющих алкоголь или наркотики. Употребление алкоголя и наркотиков снижает способность контролировать импульсивное поведение, осознать последствия своих действий. Бывает, что смерть наступает от передозировки наркотиков и является непреднамеренной.

Причиной самоубийства может стать стресс. Семейные конфликты, неприятности в школе, институте, на работе, неудачи в отношениях с любимыми, потеря друга и тому подобное могут вызвать стрессовую ситуацию. Любой человек подвергается стрессу в повседневной жизни, однако юношеский возраст особенно уязвим и раним, что объясняется их особенно острым восприятием существующих проблем. Это обостряет чувство собственной неполноценности, незащищенности, безвыходности ситуации. Стрессовые ситуации, вызывающие острые аффективные реакции, провоцируют разные типы суицидального поведения.

Для подростков, совершающих самоубийства, характерна незрелость личности и слабый контроль эмоциональных состояний. Склонные к самоубийству подростки отличались высокой импульсивностью, агрессивностью или недостаточным уровнем личностной идентификации, что необходимо для чувства собственного достоинства, осмысленности существования и целеустремленности.

Некоторые подростки, склонные к самоубийству, характеризуются высокой внушаемостью или подражанием. Эти факторы обнаруживаются при анализе случаев «эпидемий самоубийств», случившихся в США и в нашей стране, когда несколько молодых людей совершают самоубийства вместе или друг за другом. Небольшие группы даже объединяются и создают общества самоубийц.

Самоубийства в подростковом возрасте часто связаны с проблемами межличностных отношений. В этих случаях обида на партнера, товарища переносится на самого себя. Внешняя агрессия, направленная на противника, обидчика, трансформируется во внутреннюю агрессию на себя, чтобы заставить другого почувствовать вину.

Попытка самоубийства — это крик о помощи, желание привлечь внимание к своей беде, отчаянию, а иногда попытка оказать давление на окружающих. Попытка самоубийства не всегда обусловлена желанием умереть, а скорее намерением обратить на себя внимание, просьбой о помощи, сострадании. Некоторые особенности характера также обуславливают склонность к самоубийству. Эти подростки особенно чувствительные, тонкие, с чувством ответственности за свои поступки, ранимые, берущие вину за происходящее на себя, зависимые от мнения окружающих, отличающиеся низкой самооценкой, неуверенные в себе, в своих возможностях. Жизненные проблемы у подростков такого типа вызывают обостренное чувство вины и отчаяния, мысли о собственной никчемности и бесполезности [5, с. 441-443].

А.Е. Личко приводит следующую статистику подросткового суицидного поведения: «Семейные» проблемы были ведущими при демонстративном или аффективном типе суицидального поведения в 52% случаев и только в 13% — при истинном суициде. «Школьные» проблемы связаны с 29% аффективных суицидов, 26% - демонстративных и 12% - истинных. «Сексуальные» проблемы доминировали при истинном суициде в 61% случаев, при аффективном — в 28% и при демонстративном — в 24%. При истинном суицидальном поведении мотивом поступков была чаще не неудачная любовь, а переживание собственной сексуальной неполноценности. 70% молодых людей пытающихся покончить с собой, в той или иной степени злоупотребляли наркотиками или алкоголем. 93%, пытавшихся покончить с собой, были знакомы с кем-то, кто уже совершал попытку самоубийства [3].

Знание особенностей разных типов характера позволяет прогнозировать поведение, предвидеть вероятность суицидов. Разные типы акцентуированных характеров также проявляют склонность к разным формам суицидального поведения.

Для гипертимного типа акцентуаций склонность к суицидальному поведению совершенно не характерна. Молодые люди этого типа не наносят себе ни физического, ни социально-психологический ущерб. Они скорее могут подвергнуться разрушительным воздействиям или саморазрушению вследствие тяги к риску, новым впечатлениям, острым ощущениям. Суицидные попытки или намерения им не свойственны, зато характерно аддиктивное поведение. Гипертимы пробуют на себе действие разнообразных дурманящих веществ, причем они избегают стадии привыкания, поскольку часто меняют свой выбор.

У циклоидов возможность суицида зависит от фазы. В гипертимной фазе они не отличаются от молодых людей гипертимного типа. Однако в субдепрессивной фазе для циклоидного типа акцентуаций характерно суицидальное поведение. Суицидные попытки совершаются обычно в стрессовой ситуации на высоте аффекта, когда самолюбие юноши, девушки уязвлено публично, его (ее) не покидают мысли о собственной неполноценности, непригодности, безволии. Молодого человека охватывает отчаяние, и он неосознанно или недостаточно осознанно идет к суициду.

Эмоционально-лабильные подростки склонны к суицидному поведению аффективного типа. Они быстро принимают решение и быстро его осуществляют (в тот же день). Мотивом этих действий служит не столько желание умереть, сколько сделать с собой что-то из-за невозможности пережить данное событие. Риск, приключения мало привлекательны для подростков этого типа. Они ищут эмоциональные связи и поддержку у друзей и близких. Эмоциональное отвержение, потеря поддержки значимых людей, на пример родителей, толкает подростков эмоционально-лабильного типа к суицидным попыткам. Это — крик о помощи, чувство вины из-за невозможности удержать значимого другого, агрессия на самого себя.

По данным А. Е. Личко (1999), распределение типов характера связано с типами суицидального поведения. При демонстративном суицидальном поведении преобладали подростки истероидного, истероидно-неустойчивого и гипертимно-истероидного типов (50%), 32% — эпилептоиды и эпилептоидно-истероидного типа. 18% составляли подростки всех остальных типов, причем шизоидов, циклоидов и сенситивных подростков при демонстративном типе вообще не встречалось. При аффективном типе суицидального поведения основную группу составляли подростки с лабильным и лабильно-истероидным типами (37%), другие варианты истероидного типа — 23%, сенситивный и конформно-неустойчивые типы — по 18% и только 4% — эпилептоидный тип характера. Истинные суициды были характерны для сенситивного (63%) и циклоидного (25%) типов. Для подростков шизоидного типа свойственна чрезвычайно низкая выраженность суицидального поведения в юношеском возрасте.

Уязвимым звеном в характере сенситивного типа является чувство собственной неполноценности. Такие подростки зависят от окружающих, нуждаются в их добром отношении, поддержке и оценке. Недоброжелательность окружения, несправедливые обвинения, предательство друзей и возлюбленных, насмешки или подозрения легко приводят к развитию реактивной депрессии.

Сенситивные подростки не делятся своими переживаниями, накапливая, аккумулируя чувство вины за свою неполноценность, постепенно приходя к мысли о невозможности и бессмысленности своего существования. Незаметно для окружающих у них вызревают суицидные намерения, которые реализуются неожиданно для всех.

Психоастеническая акцентуация вообще не предрасположена к суицидам. Страх и нерешительность этих молодых людей исключают вероятность самоуничтожения.

Шизоидного типа подростки не склонны к суицидальному поведению, к нанесению себе физического ущерба. Для них в некоторой степени привлекательно аддиктивное поведение, которое облегчает неформальные контакты со сверстниками.

Эпилептоидный тип акцентуации предопределяет риск самоубийства. Истинные суициды встречаются у эпилептоидных психопатов. При акцентуациях характерна демонстративная форма суицидального поведения. Мотивом служит желание причинить обидчику вред, напугать кого-то, добиваясь своих целей. Но демонстративные по форме намерения при сильной аффектации эпилептоидов могут стать неконтролируемыми и обернуться трагически. Аффективные реакции эпилептоидов чаще всего агрессивны, если юноша или девушка остаются в одиночестве, в безвыходной ситуации, то агрессия может быть направлена на себя. Характерны порезы, самоповреждения горящими предметами как проявление мазохистических тенденций эпилептоидов.

По данным Отто (1972), среди молодых людей подросткового возраста, совершающих суицидные попытки, чаще встречаются истероиды (36%) и инфантильные эмоционально-лабильные (33%), астеники (13%). Шизоиды и циклоиды встречаются крайне редко.

Главной чертой истероидного характера является демонстративность, что обуславливает склонность к суицидному шантажу у подростков данного типа акцентуаций. Подросток стремится произвести наибольшее впечатление на окружающих, разжалобить или напугать, но главное привлечь к себе внимание, добиться желаемого. Демонстративность суицида может обернуться реальным самоубийством из-за несчастного случая. Желание выделиться приводит к неверному расчету усилий или последствий поступка.

При неустойчивом типе акцентуаций характерными являются слабость волевой сферы в организации поведения и гедонистическая направленность молодого человека. Риск суицида отсутствует из-за невозможности нанести себе физические повреждения. Представители

этого типа скорее составляют группу риска развития алкоголизма, наркомании, токсикомании, вовлечения в асоциальные группы, но не суицидального поведения [5, с.444-447].

Таким образом, понимание дифференциальных основ личности подростка, скрытых мотивов позволяет предсказать возможное поведение подростка, его склонность к суицидальному поведению, предотвратить психогенные факторы, способствующие трагическому исходу.

Попытки самоубийства в большинстве случаев можно предугадать и предупредить. До совершения самоубийства подростки могут попытаться выразить протест в другой форме: уйти из дома, совершить антисоциальные поступки (воровство, хулиганство, напиться). Испробовав варианты и потерпев неудачу, подросток решается покончить с собой. Большинство покушавшихся на самоубийство говорили об этом окружающим до совершения попытки. Если вовремя обнаружить признаки надвигающейся катастрофы, то ее можно предотвратить. Иногда предвестники самоубийства трудно распознаваемы. Человек строит планы на будущее, а сам поглощен мыслями о самоубийстве. Это одна из самых тяжелых ситуаций для родных и близких молодого человека.

Суицидальное поведение может быть обусловлено и психическими расстройствами, сопровождающимися галлюцинациями, когда чей-то голос приказывает совершить самоубийство или убеждает человека в совершенном якобы им злодеянии. В этих случаях для подростков характерны периоды длительного нарушения поведения: депрессия, тревожность, неуравновешенность, беспокойство, навязчивые мысли.

Список литературы:

- 1 Александров, А.А. Нарушения поведения у подростков как один из критериев оценки степени психопатизации. / А.А. Александров // Патологические нарушения поведения подростков. – Л., 1973. – С. 37-48.
- 2 Вагин, Ю.Р. Профилактика суицидального и аддитивного поведения у подростков. / Ю.Р. Вагин. – Пермь, 1999. – 103 с.
- 3 Гуткина, Н.И. Подростковая рефлексия. / Н.И. Гуткина М.: «Дрофа» 1998. – 234 с.
- 4 Кон, И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон – М.: Педагогика, 1989. – 246 с.
- 5 Крайг, Г. Психология развития. / Г. Крайг - СПб.: Питер, 2000. - 467 с.
- 6 Личко, А.Е. Типы акцентуации характера и психопатий у

- подростков. / А.Е. Личко – М.,1999. – 413 с.
- 7 Личко, А. Е., Подростковая наркология. / А.Е.Личко, В.С. Битенский — М.1991. – 214 с.

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПАТОПСИХОЛОГИИ

Курносова Марина Григорьевна

Преподаватель, ВГИПУ, г. Нижний Новгород

E-mail: marina-grignn@yandex.ru

Патопсихология заняла прочное место в системе психологических, медицинских и биологических наук, изучение ее многообразных проблем безостановочно продвигается вперед путем систематического естественнонаучного наблюдения при содействии экспериментальной психологии и психиатрии.

Каждое историко-психологическое исследование ставит вопрос о периодизации рассматриваемых явлений. Построение периодизации – итог изучения истории области науки, движения в развитии различных вопросов во времени, а также учета исторических и социально-экономических условий.

Опираясь на принципы, предложенные Ю.Н. Олейником (1990), мы выделяем основания для периодизации истории разработки патопсихологических проблем и становления патопсихологии как научной дисциплины. Критериями периодизации истории патопсихологического знания выступают:

- 1) влияние внешних социально-экономических, культурных факторов (так называемый исторический фон) на развитие патопсихологии;
- 2) внутренняя логика развития самой науки;
- 3) связь исследуемой проблемной области с другими областями знания (психологической и психиатрической) и с практикой.

Данная совокупность критериев периодизации истории разработки проблем становления патопсихологии как научной дисциплины позволяют отразить и исследовать комплексный и целостный характер детерминации развития научного патопсихологического знания с учетом взаимодействия социокультурных и внутринаучных факторов, выявить единство исторического и логического.

В истории становления патопсихологии на основании обозначенных критериев можно выделить три основных периода: донаучный (примитивно-теологический этап - охватывает древнейшие времена до VII-II в. до н.э. и метафизический этап – охватывает II в н.э. – средние века); естественнонаучный (конец XIII в. – 20-30 гг. XIX в.), подразделяющийся на три этапа (первый этап – социально-политический - конец XVIII – начало XIX в.; второй этап – научно-экспериментальный – XIX век.; третий этап - экспериментально-психологический - 20-30 гг. XX в.) и современный период, в котором можно выделить два этапа (советский – 20-30 гг. – 80-90 гг. XX века и новейший (конец XX в. – наше время).

Следует подчеркнуть, что обозначение хронологических рамок остается приблизительным, поскольку мы имеем дело с непрерывно развивающимся процессом научного познания, в котором одно событие подготавливает другое, и новое, зарождаясь, лишь постепенно завоевывает свое место в борьбе со старым.

Донаучный период можно условно подразделить на два этапа: примитивно-теологический - охватывает древнейшие времена до VII в. до н.э. и метафизический – охватывает II в н.э. – средние века. Характерными чертами этого периода является полное отсутствие медицинской помощи при душевных болезнях, которые рассматриваются и истолковываются в духе примитивно-теологического мировоззрения. В это время происходило примитивное и бессистемное, но крайне важное для будущего накопление фактов и наблюдений, получивших образное запечатление в мифологии и народном творчестве. Теологическое направление сменилось метафизическим, одновременно с которым, все с большей настойчивостью пробивалась сильная научная мысль. Именно в это время иногда возникали научно-реалистические подходы и предпринимались первые попытки общественного призрения душевнобольных.

Во втором (естественнонаучном) периоде становления истории патопсихологии можно выделить следующие этапы формирования научных воззрений и организации помощи лицам с отклонениями в психике.

Первый этап – социально-политический - конец XVIII века – начало XIX века - представляет решительный шаг вперед: повсеместно в Европе и Америке развивается госпитализация душевнобольных, наполовину лечебного, наполовину полицейского характера. Следствием этого явилась, наконец, возможность хоть сколько-нибудь организованной научной работы над психопатологическим

материалом. Огромный социально-политический сдвиг – Великая французская революция, коренные изменения всей структуры Средней Европы повлияли одновременно на прогресс целого ряда отечественных наук, в том числе психологических и медицинских.

Второй этап (научно-экспериментальный) – XIX век. В это время ставятся и частично разрешаются некоторые основные проблемы науки о душевных болезнях, составляются многочисленные классификации психических расстройств, развиваются экспериментальная психология и невропатология, научное преподавание психологии и психиатрии постепенно поднимается на значительную высоту. Это время господства так называемой симптоматологической психиатрии, период симптомокомплексов на психологической основе, при одновременном, напряженном поиске других критериев для создания научных единиц в области патологической психологии и психопатологии.

Третий этап – экспериментально-психологический (20-30 гг. XX в.): происходит влияние учения Э. Крепелина на патопсихологические взгляды отечественных ученых и дальнейшее развитие экспериментально-психологического направления. Распространению новых идей способствовала деятельность таких ученых, как А.Н. Бернштейн, Г.И. Россоломо, Т.Ф. Богданов, Ф.Е. Рыбаков, А.Ф. Лазурский и др.[2;3;4].

После Октябрьской революции 1917 г. в России происходило дальнейшее развитие патопсихологии.

На становление патопсихологии как особой области знаний в современном периоде большое влияние оказали идеи выдающегося советского психолога Л.С. Выготского, получившие дальнейшее развитие в работах его учеников и сотрудников А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, Л.И. Божович, А.В. Запорожца. Они во многом определили путь патопсихологических исследований в нашей стране.

Б.В. Зейгарник [1] внесла весомый вклад в становление современной патопсихологии, благодаря которому она и выделилась в самостоятельную научную дисциплину.

Полная характеристика новейшего этапа патопсихологии еще не может быть сделана. Но некоторые черты могут и должны быть отмечены. За последнее время в патопсихологии на первый план выступает направленность на психокоррекцию. Делается попытка обоснования психологических рекомендаций для проведения психокоррекции (например, при лечении неврозов, алкоголизма). Однако для того чтобы психокоррекционная направленность была

эффективной, она должна базироваться на углубленном анализе и квалификации психического состояния больного человека.

В теоретическом отношении патопсихология наших дней отличается небывалым уточнением своих основных понятий и усовершенствованием диагностических методов. Системный науковедческий подход к исследованию проблем истории патопсихологии, безусловно, является наиболее прогрессивным, поэтому мы стараемся следовать именно ему. В связи с этим нельзя не отметить, что в отечественной патопсихологии пока имеется отставание в разработке и освещении исторических проблем, что, конечно, связано с недооценкой данного раздела науки как важного инструмента в освоении её материала и определении возможных перспектив развития патопсихологии.

Работа в данном направлении может быть развернута в широких масштабах, так как тема практически неисчерпаема, возможности её освоения достаточно широкие. Рост и развитие патопсихологии выражаются в расширении круга ее задач, возникновении новых проблем и направлений патопсихологических работ, а также в возрастании интереса психиатров к современной психологической теории и методикам экспериментально-психологического исследования больных.

Патопсихология еще в XIX начале XX вв., предложившая собственный путь опытного исследования психики, возникла и развивалась достаточно интенсивно. Не случайно она и сегодня представляет огромный интерес, является наименее разработанной в теоретическом плане и наиболее сложной в практическом плане частью медицинской психологии.

Список литературы:

1. Зейгарник Б.В. Введение в патопсихологию. М.: Издательство Московского университета, 1969 – 172 с.
2. Лазурский А.Ф. Психология общая и экспериментальная. Издание исправленное с предисловием Л.С. Выгодского. – Государственное издательство Ленинград – 1925. – 290 с.
3. Россолимо Г.И. Психологические профили. Количественное исследование психических процессов в норме и патологических состояниях. Методика. М., 1917. – 37 с.
4. Рыбаков Ф.Е. «Атлас для экспериментально-психологического исследования личности с подробным описанием и объяснением таблиц, составленных применительно к цели педагогического и врачебно-диагностического исследования». М., 1910. – 46 с.

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АППАРАТНО-КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Куруськина Марина Григорьевна

Научный сотрудник ФГУ «13 ГНИИ Минобороны России»

E-mail: aviasob@gmail.com

Мартышова Наталья Ивановна

Младший научный сотрудник ФГУ «13 ГНИИ Минобороны России»

E-mail: Marsiashka@yandex.ru

Для успешной деятельности специалист должен обладать необходимыми для данной профессии профессиональной подготовкой и личностными характеристиками.

На сегодняшний день отечественными психологами разработан целый ряд психодиагностических методик, позволяющих оценивать различные индивидуальные качества человека: особенности его интеллектуальной, познавательной, когнитивной сферы, социально-психологические и личностные качества, адаптационный потенциал, уровень нервно-психической устойчивости, а также методические средства, позволяющие изучать профессии и группы профессий с точки зрения тех требований, которые профессия предъявляет к человеку и тех условий, которые она предоставляет для выполнения профессиональных обязанностей.

Несмотря на высокую результативность и множество быстрых методик, хорошо известно, что главный недостаток тестовых психологических методик это – субъективизм, как испытуемого, так и самого эксперта, психолога. Тестовые методики зачастую социально обусловлены и легко подвержены произвольным субъективным искажениям. Выбор методик из большого ряда общеизвестных возможен не всегда, так как именно те из них, наиболее точно диагностирующие определенные индивидуальные качества, личностные характеристики специалистов, являются и наиболее время затратными, что в определенных условиях делает невозможным их применение. Поэтому при выборе современных диагностических средств экспресс-диагностики был рассмотрен вариант использования аппаратно-компьютерных технологий, позволяющих за минимальный отрезок времени провести экспресс-диагностику

психофизиологического состояния человека. Мы остановились на программно-аппаратном комплексе «РОФЭС».

Психологический аспект «РОФЭС - тестирования» заключается в зависимости физиологического состояния человека от его психоэмоционального фона. То есть, любая информация, имеющая положительное или отрицательное значение для коммуникативной системы восприятия, проходит не только через органы чувств, но и через меридиональную систему организма, а, следовательно, и через те физиологические системы, которые ею контролируются. [«РОФЭС-диагностика» для целей экологического мониторинга. (Практическое руководство по применению комплекса «РОФЭС» для врачей, психологов, экологов). – Екатеринбург, 2004. – 136 с.]

После проведенных измерений на аппарате на сетку шаблон наносится профиль электрохимической проводимости биологически активных точек – диаграмма (Рисунок), общее название которой «рофограмма».

Двенадцать секторов диаграммы соответствуют 12 парным меридианам озаглавленным латинскими буквами согласно принятой международной терминологии [2].

По экспертной оценке метода «рофэс-диагностика» каждый из 12 парных меридианов имеет психологическую интерпретацию [2]:

- **Р** - отражает критерии свободы человека: свобода от нереализованных желаний, притязаний, самооценку и оценку окружающих;

- **GI** –отражает адаптационные возможности человека в социальной среде, его самоутверждение и самореализация;

- **Е** - отражает состояние работоспособности, целеустремленности (волевые качества). Показатель наличия физических и душевных сил для решения конкретных задач при достижении цели;

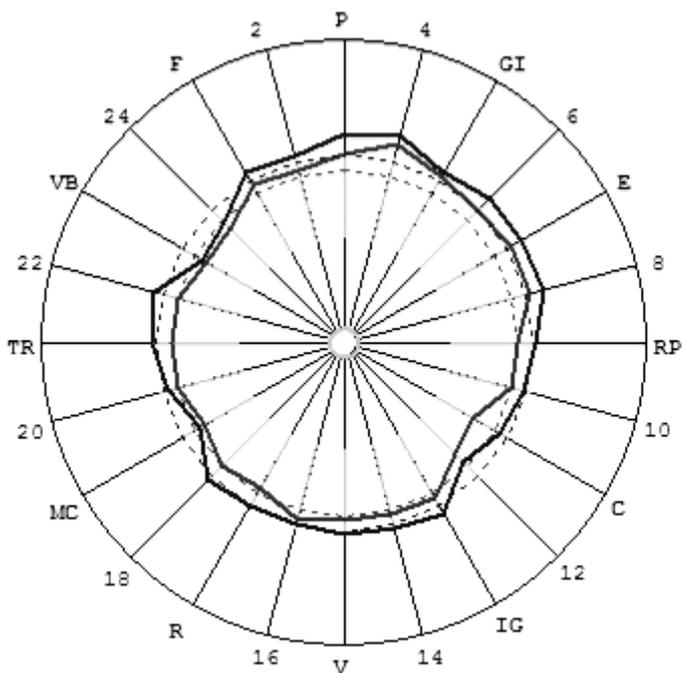

Рисунок - Гармоничная рофограмма (эталонная)

- **RP** - отражает функциональные возможности в сфере образного восприятия мира и мышления, изменения в чувственной сфере человека;

- **C** - отражает состояние чувственной сферы человека, его душевность

- **IG** - отражает глубину чувств, переживания;

- **V** - отражает эмоциональный настрой человека (шкала нейротизма);

- **R** - отражает фобии, страхи, переживания человека;

- **MC** - отражает состояние центральной нервной системы;

- **TR** - показатель воли, упрямства, внушаемости и мнительности, управляет аффективными состояниями, наиболее показательный меридиан влияния стрессогенных факторов

- **VB** - отражает критерии функционирования интеллектуальной сферы человека;

- **F** – отражает эмоциональное состояние: раздражительность, гнев, ярость, состояние депрессии.

Правая ветвь **d** - отвечает за взаимоотношения человека с социумом, левая ветвь **s** – за отношения с близкими людьми.

Исходя из имеющихся результатов по тестовым методикам, была поставлена задача по выявлению корреляционной зависимости между интегральными оценками состояния личности, определенными с помощью метода РОФЭС-диагностики и данными теста 16-ФЛЮ Кэттелла (вариант А), используемого при отборе специалистов необходимого профиля [1].

В результате проделанной работы была определена корреляционная зависимость по Спирмену [3] и получены значимые корреляции между значениями рофогрмм по показателям двенадцати меридианов и 16-ФЛЮ.

Рассматривалась взаимосвязь факторов и меридианов в блоках: интеллектуальные особенности: факторы М, Q₁; эмоционально-волевые особенности: факторы С, G, I, O, Q₃, Q₄; коммуникативные свойства и особенности межличностного взаимодействия: факторы А, Н, F, E, Q₂, N, L.

С фактором В корреляционная связь не проверялась.

1. Интеллектуальные особенности: М, Q₁

Фактор **М** – «Непрактичность – практичность» имеет по отрицательным значениям (практичный, тщательный, вникает в детали, сохраняет присутствие духа в экстремальных ситуациях, присутствует воображение) корреляции с меридианом: **VB(d)** – при показателях меридиана «норма»: высокая работоспособность в интеллектуальной сфере деятельности человека, контроль над аффективными состояниями осуществляется за счёт напряжения компенсаторных сил организма, аналитические способности; и по положительным и по отрицательным с меридианом **F(s)** отражающим адаптационные возможности человека и уровень аффективных состояний - как результирующие эмоционального состояния: депрессия, раздражительность, гнев, ярость. При показателях меридиана «норма» - хорошая адаптабельность, эмоциональная уравновешенность, ниже нормы по **s** - результат сильного огорчения, возможна обида или злость.

Фактор **Q₁** – «Радикализм – консерватизм» по значениям < 5,5 стенов – (склонность к осторожности и к компромиссам в отношении новых людей) коррелирует с меридианами: **R(s)**, отражающего страхи и переживания, где показатели меридиана «норма» указывают на хорошую адаптабельность, уверенность в своих силах, незначительно

ниже «нормы» - чрезмерная активность, для рациональных людей – показатель порога рационального использования поступающей энергии по экспертной оценке «рофэс-диагностики»; **F(d)** – индикатор адаптационных возможностей, по значениям $> 5,5$ стенов – с **F(s)** и **IG(s)**- индикатором ситуативных характеристик сферы чувств человека при взаимодействии с внешней средой: близкими людьми.

2. Эмоционально-волевые особенности: факторы С, G, I, O, Q₃, Q₄. Фактор **С** – «Эмоциональная устойчивость» - по отрицательным значениям ($< 5,5$) коррелирует с меридианами: **GI(d)**, индикатор импульсивности у молодых сотрудников и **VB(d)**; по положительным : с **RP(d)** отражает результат умеренных неприятностей во взаимоотношении с людьми, с событиями, приведших к некоторому огорчению, разочарованию; корреляция с меридианом **VB(s)**, отвечающего за решительность и волю и служащего индикатором таких психологических состояний как: отсутствие целеустремленности, неуверенность в своих силах, чем ниже «нормы» показатели меридиана VB по левой ветви, тем больше неуверенность в своих силах, боязнь перемен.

Фактор **G** – «Выраженная сила "Я" – беспринципность» по отрицательным значениям ($< 5,5$) коррелирует с меридианами: - **GI(s)**, отражающим самоутверждение и самореализацию человека в социальной среде; - **E(s)** - показатель наличия физических и душевных сил для решения конкретных задач при достижении цели, целеустремленности (волевые качества); - **RP(d)**- отражает восприятие внешнего мира; - **R(d)** - отражает страхи, переживания человека, связанные с социумом: показатели меридиана «норма» указывают на хорошую адаптабельность, уверенность в своих силах, незначительно ниже «нормы» - чрезмерная активность.

Фактор **I** – «Податливость – жестокость» коррелирует по отрицательным значениям ($< 5,5$ стенов) с меридианами: - **P(d)** отражает критерии свободы человека: свобода от нереализованных желаний, притязаний, самооценку и оценку окружающих; - **GI(s)** отражает адаптационные возможности человека, его самоутверждение, самореализацию и служит индикатором таких психологических состояний как: отсутствие желаний, жизненного стимула, повышенной конфликтности, потери жизненных ориентиров; - **TR(d)**, управляющего аффективными состояниями, указывающего на склонность к внушаемости и мнительности, умение управлять собой. Сотрудники, имеющие показатели по меридиану «норма» и выше, имеют повышенную самооценку, упорны, зачастую упрямы, склонны к достижению поставленных целей любыми средствами –

соответствуют характеристикам фактора **I**. По положительным значениям (>5,5 стенов) выявлена корреляция с меридианом **VB(s)**, отвечающего за работу интеллектуальной сферы, решительность и волю, готовность взять на себя ответственность при принятии важных решений и служащего индикатором таких психологических состояний как: отсутствие целеустремленности, неуверенность в своих силах, боязнь перемен, депрессия и бессонница, чем ниже «нормы» показатели меридиана **VB** по левой ветви, тем больше неуверенность в своих силах, боязнь перемен.

Фактор **O** – «Тревожность – спокойствие» коррелирует по положительным и отрицательным значениям с меридианом **IG (s и d)**, являющимся индикатором ситуативных характеристик сферы чувств человека при взаимодействии с внешней средой: близкими людьми и социумом; по значениям >5,5 стенов – с меридианом **VB(s)**.

Фактор **Q3** - «Высокий самоконтроль – низкий самоконтроль» имеет корреляции по отрицательным значениям (< 5,5 стенов) с меридианами: **VB(d)** - чем ниже «нормы» показатели меридиана **VB** по правой ветви, тем ярче выражен конфликт с социумом, человек переносит ответственность за свои успехи на внешние обстоятельства; **F(s)** – индикатор эмоционального состояния: состояние депрессии, раздражительности: чем меньше нормы показатели меридиана, тем более дестабилизирована личность, и менее способна отвечать собственными действиями (ярость, гнев).

Фактор **Q4** – «Напряженность – релаксация» имеет корреляции по положительным значениям (>5,5 стенов) с меридианами: - **RP (d)** отражающего изменения в чувственной сфере и служащего индикатором таких психологических состояний как: сильные переживания, огорчения, разочарования, ревность при показателях меридиана значительно ниже «нормы» по ветви **d** – принятие себя в роли пострадавшего, обвинения других в случившемся; - **R (d)**, отражающего страхи и переживания и служащего индикатором таких состояний как: чрезмерная активность поведения, реакция тревоги при возникновении стресса, испуг, потеря жизненных ориентиров, безвыходное положение. Показатели меридиана «норма» указывают на хорошую адаптабельность, уверенность в своих силах, незначительно ниже «нормы» - активность, приводящая к затрате сил, но для активных людей – возможность расходования накопленной энергии. По отрицательным значениям (< 5,5 стенов) фактор **Q4** коррелирует с меридианом **VB(s)**.

По совокупности наибольшее количество значимых коэффициентов корреляций в эмоционально-волевом блоке было

получено между психологическими характеристиками и показателями меридианов: **VB**, **GI**, **RP** и **R** отражающими адаптационные возможности человека в социальной среде, изменения в чувственной сфере человека, страхи, переживания человека, состояния нерешительности, застенчивости, результат длительных умственных нагрузок или сильного конфликта с социумом.

3. Коммуникативные свойства и особенности межличностного взаимодействия: факторы А, Н, F, E, Q₂, N, L.

Фактор **A** «Общительность-замкнутость» по положительным значениям значимые корреляции получены по двум меридианам: **IG(s)**, **VB(s)** по левой ветви. Состояние меридиана **IG** в норме и **VB** в норме и незначительно выше является индикатором для выявления: в первом случае спокойных уравновешенных личностей, во втором выступает как показатель мобилизации интеллектуальной сферы деятельности человека на познавательные функции, повышенная скорость принятия решений - для аналитиков. По отрицательным значениям (<5,5) выявлена корреляция – по меридиану **MC (d)**. Состояние меридиана **MC (d)** в норме - это показатель твёрдого, волевого человека и одновременно хорошая адаптация к воздействиям внешней среды. Человек, имеющий низкий балл по фактору **A**, склонен к ригидности, холодности, скептицизму и отчужденности. Таким образом, показатели меридианов подтверждают полученные значения по фактору **A**, характеризующие такие качества как: сдержанность, отстраненность, скепτικότητα, склонность к точности и критической настроенности, иногда несгибаемости, что является желательным для этой профессии.

Фактор **H** – «Смелость – робость» по отрицательным значениям (< 5,5 стенов) коррелирует с меридианами: - **E (d)**, характеризующего состояние работоспособности, целеустремленности, при показателях меридиана «норма» - сдержанность, малообщительность, нет склонности к авантюрам; - **RP (d)**, отражающего изменения в чувственной сфере и служащего индикатором таких психологических состояний как: сильные переживания, огорчения, разочарования, ревность при показателях меридиана значительно ниже «нормы» по ветви d – принятие себя в роли пострадавшего, обвинения других в случившемся; - **V (d)**, отражающего эмоциональный настрой и служащего индикатором повышенного эмоционального состояния или эмоциональной заторможенности; - **IG(s и d)** показатель глубины чувств, при показателях меридиана норма и ниже нормы, **s=d**, человек чутко реагирует на отрицательные и положительные события ("принимает близко к сердцу происходящее), сложно переносит

критические замечания. По положительным значениям ($> 5,5$ стенов) фактор **H** коррелирует с **IG s** – при показателях меридиана «норма» и выше нормы: характерно для людей с железной волей, спокойные уравновешенные личности.

Фактор **F** – «Озабоченность – беспечность» коррелирует только в одном случае: с меридианом **V(s)** по значениям $> 5,5$ стенов, может быть индикатором повышенного эмоционального фона.

С фактором **E** корреляций не выявлено.

Фактор **Q2** – «Самостоятельность – внушаемость» по отрицательным значениям коррелирует с меридианами: - **GI (d)** при показаниях меридиана «норма» и выше человек стремится адаптироваться к требованиям, предъявляемым средой, - **E (d)** по показателям меридиана «норма» - сдержанность, малообщительность, нет склонности к авантюрам, ниже нормы – накопление усталости. По положительным значениям с меридианами: - **V (d)** при показаниях меридиана «норма» - внешне и внутренне спокойный, не проявляющий своих эмоций человек, ниже нормы -слабое проявление эмоций, возможно следствие сильного эмоционального всплеска (фаза усталости после напряжения).; **F (s)** ниже нормы по **s** - результат сильного огорчения, возможна обида или злость.

Фактор **N** – «Гибкость – прямолинейность» имеет две корреляции: по значениям $< 5,5$ стенов с меридианом **GI (s)** – при показаниях меридиана «норма» - оптимистичный настрой, осознанная оценка собственных сил и возможностей, реальная оценка окружающей среды. Показатель самореализации, гармоничного взаимодействия со средой; и по значениям $> 5,5$ стенов с меридианом **VB(d)** - показатели меридиана «норма»: хорошая работоспособность в интеллектуальной сфере, несколько ниже нормы - показатель интеллектуальной усталости, результат повышенных умственных нагрузок, замедление процессов мышления.

Фактор **L** - «Подозрительность-доверчивость» по положительным значениям коррелирует с меридианами: - **P (d)** – при показаниях меридиана по экспертной системе выше нормы-завышенная оценка окружающей среды. (нереально поставленные цели), **GI (s)** – при показаниях меридиана «норма» и значительно выше нормы – стремление адаптироваться к требованиям, предъявляемым средой, не всегда придерживается общепринятых принципов; **IG (s)** - при показателях меридиана «норма» и выше нормы – индикатор сильной воли, спокойные уравновешенные личности. По отрицательным значениям: с меридианом **MC**, отражающим состояние центральной нервной системы - по правой ветви – **d** при показаниях

меридиана норма и ниже нормы - показатель твёрдого, волевого человека, повышенный уровень адаптабельности к воздействиям внешней среды, сознательный контроль над сферой чувств; **IG (d)** – при показаниях норма и выше - свойственна лояльность, справедливость, стабильность в отношениях с окружающим миром, адекватная реакция окружающего мира на взаимоотношения с данным индивидуумом, натура чувствительная и увлечённая.

Наибольшее количество значимых коэффициентов корреляций в коммуникативном блоке было получено между психологическими характеристиками и показателями меридианов: **GI, IG, V**, являющиеся индикаторами таких психологических состояний как отсутствие желаний, жизненного стимула, повышенной конфликтности, справедливость, стабильность в отношениях с окружающим миром.

По факторам второго порядка наибольшее количество корреляций было получено по фактору **F2** - «Экстраверсия» со следующими меридианами по отрицательным значениям: - **GI** - по левой ветви; - **C** - по правой ветви – отрицательные коэффициенты; - **IG** по правой ветви; по положительным значениям фактора **F2** отрицательная корреляция получена по обеим ветвям меридиана **TR**, положительная по левой ветви меридиана **MC**.

Фактор **F1** – «Тревожность» коррелирует по отрицательным значениям с меридианом **MC** по левой ветви, по положительным значениям получены отрицательные корреляции по обеим ветвям меридиана **C**.

По фактору **F3** - «Эмоциональная стабильность – нестабильность» по отрицательным значениям корреляция получена с меридианом **C** по левой ветви и по фактору **F4** - «Подчиненность – зависимость» с меридианом **RP** по правой ветви.

Так как факторы второго порядка диагностируют эмоциональное состояние личности, то и корреляции получены с меридианами отражающими эмоциональную и чувственную сферу человека: **C, MC, RP, IG**.

Таким образом, полученные результаты указывают на возможности использования аппаратно-программного комплекса «РОФЭС» для экспресс-диагностики личностных характеристик.

Список литературы:

1. Батаршев А.В. Темперамент и характер: Психологическая диагностика.- М.:Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. – 336 с.: ил. (Психология для всех).

2. "РОФЭС-диагностика" для целей экологического мониторинга. (Практическое руководство по применению комплекса "РОФЭС" для врачей, психологов, экологов). – Екатеринбург, 2004. – 136 с.
3. Сапегин А.Г. Психологический анализ в среде Excel. Математические методы и инструментальные средства. – М.: Ось-89, 2005. – 144 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОСТОЯНИЯ «ОДИНОЧЕСТВА» РЕБЕНКА В СЕМЬЕ

Малин Игорь Игоревич

*соискатель кафедры психологии НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний
Новгород*

E-mail: malinigor@mail.ru

В статье анализируются причины и психологические последствия заброшенности ребенка в семье. Мы обозначаем возникающее в связи с таким положением семьи психологическое состояние ребенка как состояние "одиночества". Подобное состояние может иметь место даже в том случае, если ребенок живет в полной и, казалось бы, благополучной семье. Возникновение таких состояний связано с так называемым психологическим одиночеством, которое связано с дефицитом функции общения и взаимодействия родителей с ребенком, его психологической заброшенностью, оставлением ребенка на откуп современным СМИ и в первую очередь телевидению.

Анализ причин состояния одиночества ребенка приводит к следующим выводам. *Первая причина* заключается в банальной нехватке времени. Родители большую часть своего времени *проживают* на работе, и, оказываясь в пространстве семьи, чаще всего не способны перестроиться. Отсюда и одна из самых распространенных ошибок в диалоге с ребенком – начинается разговор о том, что создает проблемы для родителей: оценки, учебный процесс и успеваемость, здоровье ребенка, его поведение и даже целостность одежды и обуви. Шаблонные вопросы родителей «как сегодня в школе?», «спрашивали?», «чем кормили на обед?», «уроки сделал?», «устал?» предполагают стандартные ответы ребенка: «нормально», «нет», «как обычно» и т.п. Подобное механистичное коммуникативное

поле, создаваемое родителями, способствует формированию негативного чувства одиночества ребенка: «у них до меня нет

По справедливому замечанию французского психоаналитика и педиатра Франсуазы Дольто, «о ребенке говорят много, но с ним не говорят» [8]. Родители говорят с ребенком о внешнем: друзьях, учителях, оценках и т.п. Сам ребенок, его ощущения, переживания, мечты, радости и страхи остаются вне поля зрения родителей. Тем самым все самое главное ребенок осмысливает самостоятельно, один на один с самим **Выбором** причина связана с перегрузкой информацией и отсутствием четких ориентиров, как для ребенка, так и для его родителей. Сегодня место ведущее место в сфере информационного и познавательного влияния на ребенка, по мнению многих ведущих специалистов, активно занимают «медиакоммуникации» [12]. Воздействие массмедиа на протяжении определенного времени способно полностью изменить представления человека о мире и социальной реальности (*теория культивирования*). СМИ формируют общественное отношение и интерес к важным вопросам современности, прежде всего, с помощью информационных сообщений (*теория диктовки повестки дня*). Информационный продукт содержит в себе обязательный стимул для вызова запланированной реакции потребителя (*теория социального научения*). В конечном итоге, массмедиа претендует на роль единственно верного источника наших знаний о мире и нашей роли в нем (*теория социализации*).

Таким образом формируется массовая культура. На первый взгляд кажется, что термин «массовая культура» то же самое, что и культура масс. «Однако, то, что им обозначается на самом деле, представляет собой культуру для масс, ориентированную на манипулирование их сознанием... Как правило, под красивой внешней оболочкой скрывается главная - идеологическая функция массовой культуры, которая заключается в формировании выгодных обществу ценностных ориентаций личности. Одним из назначений массовой культуры выступает таким образом «организация» свободного времени человека, для интенсивного идеологического воздействия на него. Свободное время оказывается регламентированным обществом, создающим для каждого конкретного индивида определенную иллюзию свободы выбора, - свободы выбрать из

предлагаемой ему для потребления средствами массовой коммуникации той или иной продукции» [10, с. 71].

Третья причина проистекает из страха ребенка остаться один на один с действительностью, остаться без присутствия родителей: собственным взрослением, очередной проблемой, новыми ощущениями, нестандартным событием и т.п. Ответственность родителей в данном случае заключается в умении сформировать навык самостоятельности у своего ребенка. В противном случае любой *разрыв* для личности ребенка в процессе социализации будет чересчур болезнен и психологически травматичен.

Способность отпустить собственного ребенка, привив ему навык самостоятельного, осознанного мышления, является своеобразным табу как для матери («он/она еще совсем ребенок... тебе еще рано»), так и для отца («мал еще принимать решения, пока живешь со мною *будешь делать то, что я тебе скажу*»).

Таким образом, ребенок соглашается с навязанной ему моделью пассивного ожидания самостоятельного будущего, без ответственного, осознанного, собственного поведения в настоящем. Ощущая внутренний разрыв между тем, что он слышит и тем, что ощущает, ребенок, подчиняясь авторитету взрослых, опять таки остается один на один с самим собою.

Польский педагог, врач и писатель Януш Корчак (1878-1942) отстаивал точку зрения, согласно которой нет просто детей, есть люди. И задача взрослых, осознающих огромную ценность детства в развитии личности, создать необходимые условия для полноценного развития личности ребенка [11]. Мысли Я. Корчака были в значительной мере развиты и реализованы в трудах французского психоаналитика, представителя парижской школы фрейдизма Ф. Дольто.

Франсуаза Дольто (1908-1988), разделяя взгляды философа и психоаналитика Жака Лакана (1901-1981) на структурирование бессознательного, как структурирование языка, и придавая важнейшее значение в развитии личности коммуникативным законам, в 70-е годы XX века сформулировала теорию *бессознательного образа тела* [9]. Упомянутая теория более известна педиатрам и детским психологам как модель *Зеленого Дома (La Maison Verte)*.

Модель *Зеленого Дома* представляет собой место социализации детей в возрасте до трех лет, включающую комплексную профилактику различных отклонений детского развития, помогающую детям перейти от семейной жизни к общественной. Это специально организованная пространственная и психологическая среда,

способствующая становлению независимости ребенка, его *психологическому отрыву* от родителей, являющаяся принципиально новым этапом в жизни ребенка.

Первый *Зеленый Дом* был организован Франсуазой Дольто в январе 1979 года в Париже. Сегодня подобные центры существуют во многих странах Европы. В 1995 году в Москве усилиями Российского общества Януша Корчака был открыт подобный центр, правда, с несколько иным названием «Зеленая дверца».

Четвертая причина лежит в духовной сфере личности ребенка. Интерес представляют, прежде всего, работы, выполненные в русле экзистенциальной и религиозно-ориентированной психологии. В частности упомянем о знаковом событии в мире отечественной психотерапии и психологии. 25 апреля 2007 года Комитет модальностей объединенной профессиональной психотерапевтической Лиги России утвердил в рамках Лиги новое направление (модальность) – «Религиозно-ориентированная психотерапия» [4].

Рассматривая направление религиозно-ориентированной психотерапии, С.А. Белоусов справедливо замечает, что «в ее парадигме практикующие специалисты не используют веру в те или иные религиозные ценности, но апеллируют к самой возможности веры, принимая во внимание духовное измерение человеческой личности... Настоящей религиозно-ориентированной психотерапии присуща открытость. Это свойство включает в себя такие параметры, как спонтанность, диалогичность, «присутствие Третьего», упование на милость Высшего. Это терапия устремленная вверх. Ее целью является выход из стагнации отживших психологических защит. Ее результат непредсказуем ни для терапевта ни для клиента. Оба они, в меру возможности веры, отпущенной каждому из них, надеются на обетованное: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам», Мф 7:7» [3].

Целый ряд авторитетных отечественных психологов указывают на важность духовного компонента в работе с человеческой личностью (В.В. Абраменков, Б.С. Братусь, В.В. Рыжов, Ф.Е. Василюк, В.И. Слободчиков, С.А. Белорусов, А.Н. Кричевец). К слову сказать, в 2007 году целый номер Московского психотерапевтического журнала был посвящен вопросам христианской психологии. Проф. Б.С. Братусь в своей

статье «Заметки о внешнем оппонентном круге христианской психологии» подробно рассмотрел основные линии оппонирования христианской психологии со стороны представителей светского психологического сообщества. Анализируя точку зрения оппонентов христианской психологии, проф. Б.С. Братусь предлагает свой взгляд на существо «отечественной вершинной психологии», рассматривая ее как развитие заложенных в культурно-исторической традиции возможностей [5].

Появляются новые отечественные школы, к примеру, школа *понимающей психотерапии* (Ф.Е. Василюк, 2007). Проводится концептуальная разработка предмета *социальной психологии детства*, как нового междисциплинарного направления исследования ребенка в истории развития культуры и общества (В.В. Абраменкова, 2000) и т.д.

В своем диссертационном исследовании проф. Ф.Е. Василюк говорит о преодолении структурной проблемы в современной отечественной психологии, преодолении разрыва между общей психологией и психологическим консультированием, путем создания консультативной (терапевтической) психологии, как области научного знания и построения в рамках данной области психотехнических систем на основании отечественной научной психологической традиции [6, с.10].

Делая следующий шаг, проф. Ф.Е. Василюк в другой работе указывает на «глубинную связь между страданием и познанием», справедливо обозначая трехкатегорийную схему реагирования человека на ситуацию беды, – «действие-переживание-молитва» образующую единую смысловую целостность [7, с. 5-6].

Проф. В.В. Абраменкова предлагает в рамках *социальной психологии детства* рассматривать сущностное пространство отношений ребенка с Богом, которое образуется в силу мифологичности детского сознания, его веры в сверхъестественное (В.В. Абраменкова, 2000). «Духовность ребенка, по мнению В.В. Абраменковой, есть составная часть детской субкультуры, ее вертикальное измерение, отношений ребенка с миром, которые эксплицированы в детском творчестве и фольклоре (играх, рисунках, стихах, песенках, детских молитвах). На примере экспериментального изучения сострадания/сорадования в детских группах В.В. Абраменкова продемонстрировала, что феноменология отношений к другим людям не может быть понята лишь из житейской логики без учета нравственно-духовной природы ребенка» [2, с. 6-7].

Сегодня наблюдается широкое распространение нарушений психического развития детей, получивших в последнее время

название *антропогеней* (В.И. Слободчиков, А.В. Шувалов, 2001). Это нарушения психики и личности ребенка, обусловленные неблагоприятным влиянием на него другого человека, в первую очередь родителей. Эти проблемы, как показывает анализ, проистекают из духовно-психологических причин. Как ни парадоксально, но родители, давая жизнь ребенку, могут ее забрать или сделать невыносимой. Родители способны как на чудеса любви, так и на причинение ребенку непоправимого вреда. Связанность ребенка с родителями таит в себе как целительную силу, так и болезнетворную опасность.

Духовно-нравственное нездоровье родителей, как свидетельствуют данные исследований (А.А. Адрущакевич, 2003; Б.С. Братусь, 1988; В.В. Рыжов, 2006; Е.Ю. Шулакова, 2002), их нездоровый образ жизни и лежащие в его основе безнравственные ценности обладают свойством воспроизводиться в детях. то зависит от содержания создаваемой в семье психологической среды.

Чтобы обеспечить ребенку условия здоровой и полноценной жизни необходимы психологически благополучные условия семьи. Что касается душевного и духовного здоровья и психологического состояния ребенка, то оно, по мнению специалистов, имеет интерсубъектную природу (В.И. Слободчиков, А.В. Шувалов, 2001). Это означает, что в течение периода детства человека подлинным субъектом его развития является не ребенок сам по себе, но общность ребенка и взрослого. И если родители не проявляют любви, эмоционально не привязаны к ребенку, если ребенок нежеланный, если он психологически "заброшен" родителями, то его развитие будет очень осложнено. Это значит также, что если душевно и духовно нездоров значимый для ребенка взрослый, если он ведет нездоровый образ жизни, то и ребенок не сможет быть здоровым. Если неблагополучны родители, то не будет с психологической точки зрения благополучным, а значит и здоровым ребенок.

В детстве важны содержательные взаимодействия ребенка со взрослыми. Без любви, тепла, эмоционального и физического контакта у ребенка не будет уверенности в защите и благополучии. Ребенок сможет стать взрослым и независимым, только обретя эту уверенность. Если не будет полноценного общения ребенка со значимыми взрослыми, родителями, матерью или это общение будет иметь пагубное

влияние на ребенка, возможно возникновение психологического неблагополучия.

Именно это и лежит в основе антропогений, то есть психологических болезней ребенка, обусловленных влиянием значимых взрослых. Специалисты единодушны в том, что состояния ребенка непосредственно зависят от окружающей его обстановки и, в первую очередь, отношений с близкими ему и значимыми для него людьми.

Список литературы:

1. Абраменкова В.В. Генезис отношений ребенка в социальной психологии детства: автореф. дис. ... д-ра психол. наук [Текст] / В.В. Абраменкова. - М., 2000. - 34 с.
2. Абраменкова В.В., Слободчиков В.И. Христианская антропология и современная психология [Текст] / Воскресная школа. № 25. июль 2001. сс. 6-7.
3. Белорусов С.А. Православие и производные от него психотерапевтические парадигмы [Текст] // Московский психотерапевтический журнал. -2006. -№3.
4. Белоусов С.А. Религиозно-ориентированная психотерапия в ОППЛ [Текст] // Московский психотерапевтический журнал. - 2007. -№3.
5. Братусь Б.С. Заметки о внешнем оппонентном круге христианской психологии [Текст] // Московский психотерапевтический журнал. -2007. -№3.
6. Василюк Ф.Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система: автореф. дис. ... д-ра психол. наук [Текст] / Ф.Е. Василюк. - М., 2007. - 48 с.
7. Василюк Ф.Е. Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования) [Текст] / Ф.Е. Василюк. - М.: Смысл, 2005. - 191 с.
8. Дольто Ф. На стороне ребенка: Пер. с фран. [Текст] / Ф. Дольто. - СПб: Изд-во «Аграф», 1997. - 527 с.
9. Дольто Ф. Бессознательный образ тела. / Ф. Дольто. - Ижевск: ЭРГО, 2006. - 376 с.
10. Иванова Р.А. Культура масс или культура для масс? // Российская массовая культура конца XX века. С. 71. // Российская массовая культура конца XX века. Материалы круглого стола. 4 декабря 2001 г. Санкт-Петербург. - СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
11. Корчак, Я. Как любить ребенка: Книга о воспитании: Пер. с польск. [Текст] / Я.Корчак. - М.: Политиздат. - 493с.
12. Луман Никлас. Медиа коммуникации [Текст] / Никлас Луман - М.: Логос, 2005. - 276 с.
13. Фромм, Э. Душа человека. [Текст] / Э.Фромм. - М.: «АСТ-ЛТД». 1998. - 664с.
14. Экман, П. Почему дети лгут?: Пер. с англ. [Текст] / П.Экман. - М.: «Педагогика-Пресс», 1993. - 272с.

ЗНАЧЕНИЕ АРХЕТИПИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ИЗМЕНЁННЫХ СОСТОЯНИЯХ СОЗНАНИЯ

Полянская Екатерина Борисовна

соискатель МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

E-mail: elena_greece@pochta.ru

В психологии феномены гипноза и гипнотического транса известны с очень давних времен. Сама природа транса на протяжении всей истории психологии понималась по-разному. Данная статья имеет своей целью построение новой трансовой методики с учетом новейших разработок в области как философии, так и клинической психологии (которая представляет собой раздел психологии на стыке с психиатрией). В основу статьи положены строго научные разработки данных наук, а также серии клинических экспериментов.

Прежде чем перейти к проблеме трансовых состояний сознания, необходимо обратиться к теме коллективного бессознательного, которая наиболее полно освящена в работах К.Г.Юнга, где бессознательное определяется как совокупность всех психических явлений, не обладающих качеством сознания. Чем меньше ценность сознательного содержания, тем легче оно исчезает под порогом сознания. Из этого Юнг делает вывод, что «бессознательное является вместилищем всех утраченных воспоминаний и всех психических содержаний, которые еще слишком слабы, чтобы стать сознательными. Эти содержания являются продуктами бессознательной ассоциативной деятельности, которая также порождает сновидения» [4, с. 132]. Кроме того, сюда следует включить, по мысли Юнга, все более или менее намеренно подавленные мучительные мысли и чувства. Сумму всех этих содержаний Юнг называет «личным бессознательным». Но, помимо этого, как считает Юнг, мы можем обнаружить среди бессознательных качеств и такие, которые не приобретаются индивидуально, а наследуются – то есть инстинкты как импульсы к осуществлению необходимых действий без осознанной мотивации. В этом, «более глубоком» слое содержатся априорные врожденные формы «интуиции», а именно архетипы восприятия и понимания, являющиеся априорными детерминантами всех психических процессов [5, с. 89]. Юнг пишет, что точно так же, как инстинкты принуждают человека вести специфический для людей образ жизни, архетипы направляют

способы его восприятия и формирования представлений в русло специфически человеческих паттернов. Инстинкты и архетипы вместе образуют «коллективное бессознательное». Юнг называет его коллективным потому, что оно состоит из универсальных содержаний, проявляющихся с неизменной регулярностью. Инстинкт в своей основе является коллективным, то есть универсальным и регулярным явлением, не имеющим ничего общего с индивидуальностью. В этом качестве архетипы сходны с инстинктами и также представляют собой коллективные феномены.

Юнг считает, что коллективное бессознательное может манифестировать себя в качестве каких-либо мифологических мотивов и некоторых геометрических форм, которые, в свою очередь, образуя значительный слой универсальных культурологических знаков и символов, выступают как коды внешнего мира, оказывающие влияние на определенные структуры психики человека и моделируя при этом его новую психическую реальность.

Юнг подтвердил свою гипотезу о том, что геометрический код представляет собой одну из основных информационных стратегий, с помощью которой устанавливается взаимосвязь между психикой человека и окружающей действительностью, в ходе клинических экспериментов с рисованием, в результате которых было обнаружено спонтанное воспроизведение многими людьми, находившимися в трансе, первичных геометрических форм – внешнего круга с вписанным в него квадратом. При этом исключалась предварительная осведомленность испытуемых об этом образе как имеющим обширное распространение в мифах и ритуальных изображениях.

Следуя теории Юнга, мы попытались выявить другие геометрические формы, представляющие собой архетипические символы. Символы культуры рифленой керамики представляют собой определенные геометрические формы, которые были созданы людьми в процессе творческой деятельности и имели распространение на достаточно большой территории. Исходя из этого, возможно предположить, что именно символы данной культуры являются тем самым геометрическим кодом психики, который пытался выявить Юнг в ходе своих исследований.

Если посчитать данную гипотезу истинной и признать, что символы рифленой керамики каким-то непонятным образом воздействуют на массы, то придется допустить, что эти символы содержатся в коллективном бессознательном, чем и объясняется их повсеместное тоталитарное воздействие в разные эпохи на совершенно разные народы в совершенно разных социальных ситуациях. Если это

так, то обоснование этого должно состоять в следующем: человечество имеет некий общий психический пласт, который Юнг обозначил как коллективное бессознательное. Оно, в свою очередь, задается некими априорными принципами (источник которых может находиться, к примеру, в космическом универсуме), которые определяют нашу пространственно-временную структуру сознания (И. Кант считал, что пространство и время представляют собой априорные формы чувственности) [2, с. 70]. Исходя из этого, данные априорные формы можно рассматривать как врожденные в человеке, следовательно, коллективное бессознательное, имеющее свой источник в некоторой априорной области, тоже врожденно. Согласно Юнгу, в этом едином общем для всех людей ядре психики содержатся архетипы. Если и далее придерживаться концепции Юнга, то коллективное бессознательное передается от человека к человеку на генетическом уровне.

Возможно предположить, что влияние того или иного архетипа будет дифференцированным в зависимости от его исторического распространения на определенной территории. Следующим шагом нашего исследования будет применение архетипических символов в трансовых состояниях сознания.

В состоянии транса сознание позволяет подсознанию обеспечить себя информацией. Преимущество транса заключается в том, что это состояние позволяет нашему сознанию полностью сфокусироваться на определенном переживании и погрузиться в него. Таким образом, транс может быть вызван всем, что позволяет человеку внутренне находиться на неосознанном уровне. Так как архетипы представляют собой априорные формы чувственности, следовательно, они заложены в каждом человеке на генетическом уровне, и являются врожденными, а значит, они столь же неосознанны, как и любая другая информация, передающаяся генетически. Поэтому при воздействии архетипов на человеческое сознание, информация на неосознанном уровне активизируется, вследствие чего возникает состояние транса.

В науке существует факт, не имеющий объяснения: при введении в транс группы людей независимо друг от друга, им внушался определенный цвет. После выведения из гипнотического состояния данную группу лиц просили нарисовать внушенную ранее цветовую гамму. Их рисунки оказались практически идентичными многим символам культуры рифленой керамики. Ученые до сих пор не нашли объяснения, почему подсознание подвергшихся гипнозу людей кодирует информацию именно в этих символах, которые имеют явное сходство с символами рифленой керамики, т.е. возможно говорить о

том, что бессознательные аспекты разума интерпретируют бессистемно поступающую информацию в архетипических символах.

Из этого можно сделать вывод, что архетипические структуры являются изначальными в сознании людей и образуют своеобразную «сетку» сознания, которая является неосознанной до того момента, пока она не проявится в человеческом опыте при измененных состояниях сознания.

Список литературы:

1. Джеймс Т. «Гипноз. Эффективные методики внушения. – М.: Эксмо, 2007.-267с.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо. 2007.-438с.
3. Тукаев Р.Д. Гипноз. Механизмы и методы клинической гипнотерапии. – М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2006.-345с.
4. Юнг К.Г. Структура и динамика психического. М.: «Когито-Центр», 2008.-387с.
5. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М.: Академический Проект, 2007.-294с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕЙ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И САМОСОЗНАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Рубцова Мария Олеговна

к.п.с.н., доцент НГПУ, г. Новосибирск

E-mail: for.mashi@gmail.com

На современном этапе развития психологической науки одной из наиболее актуальных является проблема развития самосознания как важнейшего составного компонента личности. В психологической литературе убедительно показано, что являясь “ядром личности”, самосознание оказывает регулирующее влияние на все стороны жизнедеятельности человека [2].

Изучение специфики развития самосознания ребенка в период становления его личности имеет большое значение. Это важно в целях профилактики, адекватной компенсации и коррекции нарушений в сфере самосознания ребенка. Известно так же, что наиболее эффективными являются меры психопрофилактического, нежели собственно коррекционного характера. А в связи с этим изучение

развития самосознания на ранних этапах онто-, социо-, и культурогенеза личности – один из ключевых вопросов в детской практической психологии, так как результаты исследования дают возможность наметить направления, определить приоритеты в работе с семьей [1].

В нашем исследовании представлены результаты выявления взаимосвязи стилей детско-родительских отношений с самосознанием детей младшего школьного возраста, поскольку мы предположили: от того, какую систему взаимоотношений родители выстраивают с ребенком, будет зависеть его восприятие самого себя и окружающих.

По "материалу" того, что усваивается и затем используется в самосознании ребенка и конституирует его, можно выделить: 1) ценности, параметры оценок и самооценок, нормы, по которым ребенок начинает оценивать сам себя, в том числе стандарты выполнения тех или иных действий, и моральные нормы; 2) образ самого себя, как обладающего теми или иными способностями и качествами, чертами; 3) отношение к ребенку и конкретную оценку ребенка родителями, как эмоциональную, так и интеллектуальную, которая затем определяет самооценку ребенка; 4) чужую самооценку (прежде всего самооценку родителей), которая может быть усвоена; 5) способ регуляции поведения ребенка родителями и другими взрослыми, который становится способом саморегуляции [4].

По способу, т.е. по тому, как происходит "интериоризация" самосознания ребенка, можно выделить:

1) прямое или косвенное (через поведение) внушение родителями образа или самоотношения;

2) опосредованную детерминацию самоотношения ребенка путем формирования у него стандартов выполнения тех или иных действий, формирования уровня притязаний;

3) контроль за поведением ребенка, в котором ребенок усваивает параметры и способы самоконтроля;

4) косвенное управление формированием самосознания путем вовлечения ребенка в такое поведение, которое может повысить или понизить его самооценку, изменить его образ самого себя;

5) вовлечение ребенка в такое взаимодействие со взрослыми и в такие более широкие социальные отношения, в которых происходит усвоение реально действующих правил поведения, моральных норм;

6) идентификацию ребенка со значимыми для него другими [3].

Для детей младшего школьного возраста характерна эмоциональная впечатлительность, эмоциональная отзывчивость, неустойчивость чувств, быстрая смена настроений. Из-за

недостаточного внимания родителей к ребенку, младший школьник может испытывать тяжелые и сильные эмоции, которые его травмируют. С приходом в школу ребенок психологически переходит в новую систему отношений с окружающими его людьми. У младшего школьника ведущей деятельностью становится учебная: появляются новые обязанности, к нему предъявляются новые требования. В младшем школьном возрасте изменяется содержание общения, выделяется как особое деловое общение со взрослыми. Родители начинают по-новому контролировать ребенка, все в большей степени требуют проявления ответственности за свои школьные дела. Эмоциональные отношения с ребенком сменяются на отношения, центрированные на учебной деятельности, на школьных проблемах. Все это очень часто приводит к возникновению у младшего школьника чувства одиночества, отчужденности себя от близких. Такие изменения в детско-родительских отношениях могут неблагоприятно сказаться на развитии личности ребенка, успешности его деятельности, его эмоциональном благополучии [2].

Таким образом, семейная среда — это сочетание личностных особенностей родителей, условий, в которых живет семья, стиля воспитания. Существенное влияние на формирование личности ребенка оказывает стиль организации жизни, преобладающий в семье. Кроме сознательного, целенаправленного воспитания, которое дают ему родители, на ребенка воздействует вся внутрисемейная атмосфера, характер взаимоотношений между ее членами, причем эффект этого воздействия накапливается с возрастом, преломляясь в структуре личности.

Экспериментальное исследование проходило в период с февраля по март 2010 года. В исследовании приняли участие 56 детей двух первых классов в возрасте 7 - 8 лет, среди которых 25 девочек и 31 мальчик. Все дети из семей со средним достатком. Возраст родителей от 27 до 48 лет. 51 первоклассник имеет полную семью, 5 мальчиков живут только с мамой. В опросе приняли участие 56 родителей, т.е. на вопросы теста отвечал один из родителей, либо мама (47 человек), либо папа (9 человек).

В исследовании использовались следующие методики: тест-опросник родительского отношения (ОРО) А.Я. Варга, В.В. Столина; методика «Какой ты?» (для выявления эмоциональной направленности общей самооценки ребенка); методика «Особенности развития частной самооценки» (для выявления уровня самооценки и характера её дифференциации); методика «Портреты» (для выявления

коэффициента самопринятия) [1]; методика «Крестики» (для выявления уровня притязаний).

По результатам корреляционного анализа были получены следующие результаты. Между стилем родительского отношения «авторитарная гиперсоциализация» и общей самооценкой школьников был получен коэффициент $R_s = -0,379$ при уровне значимости 0,004. Коэффициент отрицательный, т.е. чем выше уровень проявления в воспитании такого стиля, как авторитарная гиперсоциализация, тем ниже общая самооценка младших школьников.

Между стилем родительского отношения «авторитарная гиперсоциализация» и самооценкой физического «Я» был получен коэффициент $R_s = -0,373$ при уровне значимости 0,005. Коэффициент отрицательный, т.е. чем выше уровень проявления авторитарной гиперсоциализации, тем ниже самооценка физического «Я» у школьников.

Между стилем родительского отношения «авторитарная гиперсоциализация» и самооценкой умственного «Я» был получен коэффициент $R_s = -0,303$ при уровне значимости 0,023. Коэффициент отрицательный, т.е. чем выше уровень проявления авторитарной гиперсоциализации, тем ниже самооценка школьниками своего умственного «Я».

Между стилем родительского отношения «авторитарная гиперсоциализация» и самооценкой эмоционального «Я» был получен коэффициент $R_s = -0,286$ при уровне значимости 0,033. Коэффициент отрицательный, т.е. чем выше уровень проявления авторитарной гиперсоциализации, тем ниже самооценка эмоционального «Я».

Между стилем родительского отношения «образ социальной желательности» и самооценкой эмоционального «Я» был получен коэффициент $R_s = -0,286$ при уровне значимости 0,033. Коэффициент отрицательный, т.е. чем выше уровень проявления в воспитании образа социальной желательности, тем ниже самооценка эмоционального «Я».

Между стилем родительского отношения «образ социальной желательности» и эмоциональной направленностью самооценки был получен коэффициент $R_s = -0,346$ при уровне значимости 0,009. Коэффициент отрицательный, т.е. чем выше уровень проявления социальной желательности, тем ниже показатели эмоциональной направленности самооценки.

Между стилем родительского отношения «образ социальной желательности» и уровнем притязаний был получен коэффициент $R_s = -0,278$ при уровне значимости 0,038. Коэффициент отрицательный,

т.е. чем выше уровень проявления в воспитании образа социальной желательности, тем ниже уровень притязаний.

Между стилем родительского отношения «симбиоз» и самооценкой эмоционального «Я» был получен коэффициент $R_s = -0,284$ при уровне значимости 0,034. Коэффициент отрицательный, т.е. чем выше уровень проявления в воспитании такого стиля, как симбиоз, тем ниже самооценка эмоционального «Я».

Между стилем родительского отношения «принятие-отвержение» и «эмоциональным «Я»» был получен коэффициент $R_s = -0,299$ при уровне значимости 0,035. Коэффициент отрицательный, т.е. чем выше уровень проявления в воспитании стиля отвержение, тем ниже самооценка эмоционального «Я».

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии взаимосвязи между показателями самосознания младших школьников и стилями семейного воспитания.

Так стиль семейных отношений, построенный на авторитарной гиперсоциализации, ведет к подавлению общей самооценки, физического, умственного и эмоционального Я. Т.е. фактически ребенку отказывается в проживании своей собственной жизни, что обязательно в дальнейшем скажется на содержании его личностной идентичности.

Стиль семейного воспитания «образ социальной желательности» также снижает социальную активность и потребность в достижениях, делая ребенка и потенциального взрослого конформистом, заложником общественного мнения, боящегося предьявлять подлинного себя.

А самым уязвимым компонентом самосознания оказывается эмоциональное Я, представляющее собой фундамент зрелой личности, на базе которого строится уверенность в своих силах и доверие к окружающим. Деформация эмоционального Я под воздействием негативных детско-родительских взаимоотношений наносит непоправимый ущерб диалогу личности с самим собой и окружающими.

Список литературы:

- 1 Белобрыкина О.А. Диагностика развития самосознания в детском возрасте / О.А.Белобрыкина. – СПб.: Речь. 2006.-320с.
- 2 Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – СПб.: Питер,2009. – 400с.
- 3 Маралов В.Г. Основы самопознания и саморазвития: учеб. пособие для студентов / В.Г. Маралов. - М.: Академия, 2002. – 256с

- 4 Минияров В.М. Психология семейного воспитания / В.М. Минияров. - М. – Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 256с.

СЕКЦИЯ 2: ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ЭРГОНОМИКА

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ МЫШЛЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИЗАЙНЕРА МОДЫ

Казанцева Елена Александровна

аспирант кафедры психологии, философии и образовательных технологий Украинской инженерно-педагогической академии, г.

Харьков, Украина

E-mail: kazzantsev@mail.ru

Исследуя психологическую структуру профессиональной деятельности дизайнера моды, на базе Украинской инженерно-педагогической академии города Харькова, при помощи методики «опросный лист О. Липмана» [3], было установлено, что исследуемая специальность требует разносторонних психологических качеств от потенциального дизайнера. Исходя из сформированной структуры профессионально важных качеств дизайнера швейных изделий (рис. 1) видно, что специальность выдвигает к потенциальному работнику требования относительно всех групп психологических качеств. Наиболее значимыми среди них, по мнению экспертов, в профессиональной деятельности дизайнера являются психологические качества **группы мышления**.

Мышление – это процесс обработки информации, которая поступает через органы чувств (зрения, обоняния, слуха и т. д.) и от внутренних органов. Рассмотрим отдельные виды мышления и их основные проявления в профессиональной деятельности дизайнера.

Наглядно-действенное мышление – основа манипулирования телом и предметами окружающего пространства [7]. Указанный вид мышления, в профессиональной деятельности дизайнера является базой для воплощения идеи – осознание необходимости выполнения определенных действий при решении профессиональных заданий, осмысление специалистом вероятного результата этих действий, поиск наилучшего способа выполнения поставленных задач и т. д.

К специфическим проявлениям этого вида мышления в профессиональной деятельности дизайнера одежды можно отнести:

- рисование, в связи с необходимостью фиксации и презентации идей. В отличие от художников, рисование дизайнера имеет не

эмоциональный, а логичный характер – анализ событий и информационных источников помогает формировать прогнозы относительно актуальности определенного аспекта моды, сформированные на этом основании образы хоть и имеют эмоциональную окраску, однако в целом они логично обусловлены. Рисование в этом процессе средство фиксации полученного образа, где сам эскиз – не цель деятельности, а ее промежуточный элемент;

- работа с программным обеспечением по проектированию и конструированию изделий легкой промышленности и т. д.

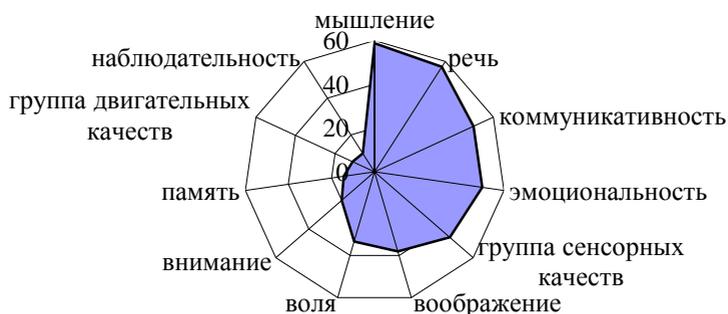

Рис. 1 – Соотношение групп психологических качеств по уровню их необходимости в профессиональной деятельности дизайнера одежды (в процентах).

Наглядно-образное мышление – эмоционально чувственное восприятие предметов и явлений внешней и внутренней среды человека [4]. С его помощью осуществляется мысленное вращение объектов, комбинации в мозге разнообразных свойств предметов (фактур, цветов тканей) и их варьирование.

К специфическим проявлениям этого вида мышления в профессиональной деятельности дизайнера одежды можно отнести:

- способность специалиста-дизайнера учитывать возможные варианты деформации задуманного образа при его изображении и,

далее, при его воплощении; учитывать возможность искажения общего вида готовой продукции в зависимости от физиологических особенностей потребителя, фонового окружения и т. д.

Беря во внимание возможности наглядно-образного мышления относительно основных профессиональных задач дизайнера, целесообразным является развитие и культивирование соответствующим специалистом этого вида мышления. Стоит также отметить непосредственную зависимость качества функционирования наглядно-образного мышления от успешности работы образной памяти специалиста.

Абстрактно-логическое мышление – понятийное, знаковое мышление, которое основывается на отражении причинно-следственных связей и тесно связано с работой памяти [8]. *К специфическим проявлениям этого вида мышления в профессиональной деятельности дизайнера одежды можно отнести:*

- способность специалиста осуществлять прогностическую деятельность (анализ актуальных событий и обстоятельств для корректного прогнозирования на определенный сезон модных цветовых решений, особенностей фасона и т. д.);

- проектирование конструктивно корректных моделей одежды;

- формирование логичных алгоритмов выполнения собственной деятельности и деятельности подчиненного коллектива (организация последовательного, быстрого и качественного производственного процесса).

Большинству научных деятелей [4, 5, 6, 9 и др.] свойственно рассматривать деятельность дизайнера как такую, что базируется на творчестве. И хотя, при детальном рассмотрении профессиональной деятельности дизайнера одежды видно, что этот аспект занимает лишь некоторую ее часть, целесообразно рассмотреть творческое мышление и его роль в деятельности дизайнера. Мышление творческих личностей, по мнению Э. Де Боно [2], характеризуется как латеральное мышление, т. е. мышление которое позволяет творчески решать стереотипные задания, чем способствует созданию нового и оригинального. Задание латерального мышления – «расшатать» жесткую структуру стереотипа, притом, что его целью является не порождение сомнений ради сомнений, а поиск новых идей, нового виденья будничного [2]. Мышление, которое направлено на создание нового предотвращает в профессиональной деятельности дизайнера копирование (плагиат) образов, которые предлагает память специалиста. В профессиональной деятельности дизайнера одежды такое мышление имеет непосредственное отношение к возможности

самореализации специалиста как высокотворческой и нестандартной личности [1]. В свою очередь степень проявления этого показателя зависит от целеустремленности специалиста, его смелости, настойчивости и уверенности в популярности конечного продукта собственной деятельности. Правильное использование дизайнером приемов латерального мышления – это сохранение порядка в структуре модели с параллельным разрушением стойких образов (сочетание эмоционального и рационального аспектов), результатом чего является обновление, исправление недостатков и усовершенствование.

Рассматривая творческий этап профессиональной деятельности дизайнера, стоит также отметить необходимость наличия у специалиста таких характеристик мышления, как ассоциативность и креативность [4, 5]. *Ассоциации* контраста и сходства являются регулярными в умственной деятельности дизайнера на творческом этапе его профессиональной деятельности. Степень ее проявления зависит от качества функционирования образной памяти.

Всесторонне развитая личность характеризуется как *креативная*. Ввиду частоты употребления этого определения относительно личности дизайнера, целесообразным является рассмотрение сущности этого понятия. Креативность мышления играет решающую роль в профессиональной деятельности дизайнера в целом. Креативность – это личностное качество человека, которое формируется под воздействием среды на базе его потенциальных возможностей и гармонично совмещает через творчество его индивидуальные и социальнозначимые интересы, это способность человека к конструктивному, нестандартному мышлению и поведению [4].

Относительно креативного мышления И.П. Павлов и Б.М. Теплов, в исследованиях особенностей формирования условных рефлексов, доказали несостоятельность людей с четко выраженными показателями креативности формировать шаблоны и стереотипы на уровне естественных нейрофизиологических задатков, чем объясняется их потребность в новизне, способность к гибкой и стремительной умственной деятельности [8]. Ученые заметили, что при частом повторе условного и безусловного раздражителя вместо укрепления условной связи у таких людей происходит ее разрушение. Отсюда сопротивление креативных личностей к стереотипным явлениям общества, для преодоления которых ими создается собственная творческая динамичная система, ориентированная на виденье оригинального в повседневном, на трансформацию внешних

стандартов адекватно собственному мировоззрению [1].

Безусловно, развитое креативное мышление в профессиональной деятельности дизайнера – залог успеха. Универсализм дизайнера проявляется в его возможности охватить широкий круг проблем разного характера (прогностические вопросы, организационные, производственные, творческие и т. д.).

Подводя итоги, отметим, что в случае достижения дизайнером высокого уровня развития всех указанных видов мышления можно говорить о потенциальной возможности такого специалиста высококачественно решать профессиональные задачи. Развитию мышления дизайнера способствует выполнение в процессе его совершенствования определенных упражнений, решение проблемных ситуаций на практике и т. д.

Список литературы:

1. Грановская Р.М. Творчество и преодоление стереотипов / Р.М. Грановская, Ю.С. Крижанская. – СПб.: OMS, 1994. – 192 с.
2. Де Боно Э. Латеральное мышление. – СПб.: Питер Паблишинг, 1997. – 316 с.
3. Дмитриева М.А. Психология труда и инженерная психология / М.А. Дмитриева, А.А. Крылов, А.И. Нафтульев. – Л.: изд.Лен.ун-та, 1979. – 224 с.
4. Ермолаева-Томина Л.Б. Психология художественного творчества: Учебное пособие для вузов. / Л.Б. Ермолаева-Томина. – М.: Академический Проект, 2003. – 304 с. – («Gaudeamus»)
5. Килошенко М.И. Психология моды: Учебное пособие для вузов / М.И. Килошенко. – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во Оникс, 2006. – 320 с.
6. Романова Е.С. 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. / Е.С. Раманова. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 464 с.
7. Тарас А.Е. Боевая машина: Руководство по самозащите. / А.Е. Тарас – Мн.: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 592с.
8. Теплов Б. М. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1985. 360 с.
9. Тэтхем К. Дизайн в моде. Моделирование одежды. Принципы, практика, техника: подробное руководство для дизайнера / Кэролайн Тэтхем, Джулиан Симен; пер.с англ. О.Ю. Змеевой. – М.: РИПОЛ классик, 2006 – 144с.

СЕКЦИЯ 3: ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

ОПОЗНАНИЕ ЛИЦЕВОЙ ЭКСПРЕССИИ ЭМОЦИЙ В СТРУКТУРЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ

Иванова Екатерина Сергеевна

*к.п.с.н., доцент кафедры психофизиологии и психофизики
ГОУ «Уральский государственный университет им. А.М. Горького»
г.Екатеринбург*

E-mail: ivanova_rina@mail.ru

Пашкевич Олеся Владимировна

*магистрантка 2 года обучения факультет психологии
ГОУ «Уральский государственный университет им. А.М. Горького»
г.Екатеринбург*

E-mail: lis1201@yandex.ru

Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009-2013гг.

Исследование способности опознавать эмоции по лицевой экспрессии как структурного элемента эмоционального интеллекта имеет в своей основе следующие теоретические и экспериментальные предпосылки: 1) опознание эмоций возникает в онтогенезе очень рано, еще в довербальный период, что связано с наличием у новорожденного специализированных комплексов нейронов, отвечающих за восприятие лица человека [2]; 2) для детей раннего и дошкольного возраста характерно копирование мимических проявлений окружающих, обмен эмоциями, эмоциональное заражение [5, 6]; 3) лицевая экспрессия активно развивается и дифференцируется в дошкольном и школьном возрасте [5], однако в дальнейшем мимические проявления эмоций все чаще маскируются, подавляются и проявляются в микровыражениях [6]; 4) на всех этапах онтогенеза мимика используется как средство коммуникации с окружающими, что имеет двоякий эффект – передача собственного эмоционального состояния (истинного или желаемого), восприятие эмоциональной реакции окружающих [1].

Таким образом, опознание эмоций является неотъемлемой базисной структурной единицей эмоционального интеллекта. Однако в настоящее время работ по соотношению способности опознавать

эмоции по мимике с показателями тестов эмоционального интеллекта явно недостаточно, хотя такого рода исследования могли бы существенно прояснить вопрос о том, насколько соотносятся представления испытуемого о своем эмоциональном интеллекте с объективными показателями перцепции и интеракции в общении. Особый интерес представляет изучение возрастного аспекта, а именно, выявление, насколько связаны самооценка эмоционального интеллекта и показатели реальных коммуникативных навыков опознания и вербализации эмоций в различные жизненные периоды. В этом отношении наиболее значимыми с исследовательской точки представляются подростковый, юношеский и молодой возраст. Перечисленные этапы онтогенеза могут быть особенно сензитивны с точки зрения эффективности развития эмоционального интеллекта через тренировку базисных способностей вербализации и опознания эмоций, которые начинают развиваться в онтогенезе очень рано, но приобретают особое значение начиная с подросткового возраста, когда ведущей деятельностью становится общение, а задачей этого и последующих периодов являются достижение идентичности и построение доверительных межличностных отношений с окружающими.

В нашем экспериментальном исследовании, направленном на выявление взаимосвязи точности опознания эмоций по лицевой экспрессии с уровнем эмоционального интеллекта приняли участие: 79 испытуемых подросткового возраста (14-15 лет), 68 испытуемых студенческого возраста, (49 девушек, 19 юношей в возрасте 18-19 лет), 47 испытуемых молодого возраста (25 женщин и 22 мужчины в возрасте 25-35 лет). Испытуемым предъявлялся набор фотографий эмоциональной экспрессии молодой девушки, содержащий мимические проявления следующих эмоций: *радость, печаль, страх, гнев, смущение, вина, отвращение, презрение, удивление, напряжение, гордость, недоверие, спокойствие (нейтральное выражение)*. Далее испытуемым предъявлялся опросник «ЭМИн» Д.В. Люсина, направленный на самооценку межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта [4]. Дополнительно испытуемые работали с методикой «Торонтская шкала алекситимии», позволяющая выявить трудности в вербализации эмоций. и методикой «Словарь эмоций» - авторской модификацией ассоциативного теста, позволяющей выявить объем активного словаря эмоций испытуемых и соотнести его с нормативными показателями [3].

Достоверность возрастных различий определялась с помощью t-критерия Стьюдента. Затем производился корреляционный анализ

взаимосвязи точности опознания перечисленных выше эмоций и субшкал эмоционального интеллекта, его интегративных показателей, алекситимии и объема словаря эмоций с использованием g -коэффициента Пирсона в рамках обследованных поло-возрастных групп.

Анализ различий с помощью t -критерия Стьюдента показал, что точность опознания эмоциональной экспрессии в выборке студентов и взрослых людей значимо (на уровне 0,95) выше, чем в выборке подростков. Различия между студентами и работающими специалистами недостоверны. Вероятно, это объясняется превалированием в обследованной выборке студентов-психологов, обучающихся на дневном отделении, которые в силу первичной профессионализации более осведомлены об особенностях об эмоциональном реагировании и настроены на восприятие экспрессии окружающих.

Важно отметить, что точность опознания эмоций у представителей мужского и женского пола внутри возрастных групп достоверно (на уровне 0,95) различается только в выборке взрослых. В более молодом возрасте различия не значимы. Этот факт частично подтверждает имеющуюся точку зрения, что женщины более компетентны в восприятии эмоциональных реакций партнера по общению [1, 4]. Выявленные нами возрастные различия вносят важное уточнение, что это свойство, скорее, носит приобретенный характер, формирующийся в процессе онтогенетического развития.

Сравнение объема словаря эмоций показало, что представительницы женского пола также более осведомлены о вариантах вербализации эмоционального опыта: во всех трех возрастных группах показатели словаря эмоций значимо выше у девушек и женщин по сравнению с юношами и мужчинами. Достоверность этих различий была выявлена нами в более ранних исследованиях [3]. Полученные результаты указывают, что данная тенденция неслучайна и устойчиво воспроизводится, независимо от возраста тестируемых.

Показатели эмоционального интеллекта также значимо выше в выборках студентов и взрослых по сравнению с подростками. При сопоставлении данных студентов и работающих специалистов выявлено, что в выборке девушек-студенток значимо выше показатели межличностного интеллекта и контроля экспрессии, чем в группе молодых женщин. Юноши-студенты лучше опознают эмоции по фотографии, однако взрослые мужчины выше оценивают свое влияние на переживания окружающих, в некоторой степени манипулируя ими.

Корреляционный анализ показал, что в подростковом возрасте взаимосвязи между субшкалами эмоционального интеллекта и точностью опознания эмоций, а также объемом словаря эмоций и уровнем алекситимии не достигают критических значений. Более того, в выборке девушек наблюдаются слабые положительные связи, в выборке юношей – слабые отрицательные связи между этими показателями. Это объясняется специфичной для подросткового возраста диссоциацией между самооценкой своих черт, особенностей поведения и их проявлениями в непосредственном общении. Фактически, подросток, который успешно опознает эмоции окружающих, может затрудняться давать точное вербальное обозначение и потому испытывать недовольство, переживать неуверенность в своих коммуникативных способностях, занижая баллы, выставляемые при работе с опросником-самоотчетом (тест «ЭМИн»).

В выборке студентов ситуация несколько меняется. В группе девушек на уровне тенденции (0,80) наблюдаются слабые отрицательные связи между показателями межличностного интеллекта и точностью опознания эмоций по лицевой экспрессии. Этот результат выглядит парадоксально только на первый взгляд. Так как показатели по всем субшкалам эмоционального интеллекта высокие и очень высокие, то можно заключить, что в этом возрасте девушкам крайне важно быть уверенными в своей компетентности в общении, даже если это убеждение несколько противоречит реальности. В выборке юношей точность опознания лицевой экспрессии имеет слабые положительные связи с показателями эмоционального интеллекта, т.е. они более критично и обоснованно оценивают свой уровень эмоционального интеллекта.

В выборке взрослых у обследованной группы женщин корреляции между точностью опознания и показателями эмоционального интеллекта слабые и противоречивые. В группе мужчин наблюдаются слабые отрицательные корреляции с показателями межличностного интеллекта. Интересно, что выявляется сильная положительная связь между контролем собственной экспрессии и точностью опознания эмоций окружающих.

Во всех группах отсутствуют связи между точностью опознания эмоций по мимике и объемом активного словаря эмоций, а также алекситимией. Это наталкивает на мысль, что процессы получения информации о состоянии собеседника через невербальные каналы (восприятие экспрессии) и вербальным путем – осуществляются независимо друг от друга. Автономность данных систем получения

знаний об эмоциях окружающих, с одной стороны, выступает как осложняющий фактор с позиций эффективного и быстрого развития базиса эмоционального интеллекта, а с другой – указывает на сложность и многоуровневость данной системы, обеспечивающие ее надежность. Возникновение рассогласования между вербальными и невербальными компонентами межличностного восприятия – важный сигнал, получая который, мозг запускает программы поведения, направленные на сбор более расширенной информации, уточнение уже имеющейся, ее переоценку и анализ.

Результаты представленного исследования показали, что вербализация эмоций как когнитивно-понятийная система и опознание эмоций как отражение непосредственного опыта общения автономны друг относительно друга и слабо связаны с самооценкой межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта. Наблюдается динамика показателей эмоционального интеллекта и точности опознания эмоций по лицевой экспрессии от подросткового к юношескому возрасту, однако уже в молодом возрасте темпы развития снижаются, а направленность этих изменений во многом подвержена влиянию гендерных стереотипов.

Список литературы:

1. Барабаншиков В.А., Болдырев А.О. Лицо человека: природное образование и орган коммуникации [Текст] // Научные труды аспирантов и докторантов. – М.: Издательство МосГУ, 2005, №3 (40). – С.3-8.
2. Данилова Н.Н. Психофизиология: уч. для вузов [Текст] – М.: Аспект-ПРЕСС, 2004. – 368с.
3. Иванова Е.С. Возможности методики «Словарь эмоций» для диагностики и развития эмоциональной сферы [Текст] // Психологическая диагностика, 2008, №1. – С.101-112.
4. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования [Текст] / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – С. 29 - 36.
5. Нгуен М.А. Психологические предпосылки возникновения эмоционального интеллекта в старшем дошкольном возрасте [Текст] // Культурно-историческая психология. 2007. №3. – С.46-51.
6. Экман П. Психология эмоций [Текст] / Пер. с англ. – СПб: Питер, 2010. – 334с.

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СОЦИОПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ

Кузьмина Кларисса Ивановна

д.б.н., вед.н.с., ИПС НАН Украины, г. Киев

Сёмик Татьяна Михайловна

к.б.н., с.н.с., ИПС НАН Украины, г. Киев

E-mail: somik@isofts.kiev.ua

Погорелая Ирина Олеговна

к.пед.н., доцент, НМУ им. А.А. Богомольца, г. Киев

Андон Татьяна Андреевна

аспирантка, ИПС НАН Украины, г. Киев

E-mail: oopsgirl@mail.ru

Проблему человека и современного человековедения можно считать «вечно актуальной», начиная с античных времен до настоящего времени информационных технологий и компьютерных систем. К сожалению, темпы реализации этой проблемы крайне неадекватны все нарастающей потребности знаний о глубинных междисциплинарных социопсихофизиологических механизмах индивидуальной адаптации человека и общества в условиях все возрастающей сложности экосреды. Информация в XXI веке – это стратегический ресурс, в том числе в плане понимания эволюции жизненного цикла человечества – homo erectus, homo sapiens, homo entelligence.

Современному человеку необходимо иметь высокий уровень профессиональной и жизненной компетенции, гражданской ответственности для принятия грамотных решений, умения работать с многоаспектной информацией и адекватно отражать усиливающуюся геофизическую и социальную напряженность.

Эффективность сказанного напрямую связана с особенностями индивидуальной психофизиологической структуры личности, отражающей интегративное приспособительное поведение человека. В настоящее время структура личности - это размытое множество эскизов, теорий, тенденций, уходящих своими корнями в очень древние предположения Гиппократ (V век до н.э.), которые не систематизированы и очень слабо востребованы практикой.

Касаясь очень коротко эволюционных аспектов становления проблемы типологии личности и ее теорий в отечественной и зарубежной литературе [10] можно отметить следующее.

К биологическому детерминизму психологической динамической теории личности З. Фрейда (1856-1939) создатели индивидуальной и аналитической теорий (А.Адлер, 1870-1937 и Густав Юнг, 1875-1961) прибавляют социальные детерминанты, открывая человечеству только одну конечную цель - развивать свою культуру.

Последнее более развито в постфрейдистских представлениях (Эрик Эриксон, 1909 -1994), гуманистической и социокультурной теориях личности (Ерих Фромм, 1900-1980; Карен Хорин, 1885-1952).

Эмпирические подходы, психометрическая техника, были введены Г. Айзенком (1916) и Р. Кеттелом (1907). Социально-когнитивное направление в теории личности А. Бандуры (1925) дало возможность понимать функционирование как взаимный детерминизм: факторы предрасположенности и ситуационные факторы - взаимозависимые причины поведения.

Поведение человека как результат той или другой конфигурации личностных черт рассматривал Г. Олпорт (1897-1967); гуманистическое направление теории личности, оптимистичная точка зрения на человечество и человека в плане его самоусовершенствования отражено в работах А. Маслоу (1908-1970). В отечественной литературе исследования в области дифференциальной психофизиологии нашли отражение в трудах И.П. Павлова, Б.М.Теплова, В.С. Мерлина, В.Б. Небылицина, П.В. Симонова.

В 1935 году классификация темпераментов человека получила подлинное научное истолкование на основе учения И.П. Павлова о высшей нервной деятельности [6]. Синтезирующими принципами, положенными им в основу понимания индивидуальных различий, были вариации силы процессов возбуждения и торможения, их подвижность и уравновешенность. Было выделено 4 основных типа ВНД: *сангвиник* - сильный, уравновешенный, подвижный тип нервной системы; *холерик* - сильный, неуравновешенный, подвижный; *флегматик* - сильный, уравновешенный, инертный; *меланхолик* - слабый, неуравновешенный, инертный.

Выделяя 12 количественных характеристик индивидуальных особенностей поведения человека, учитывая "трехчленность" по возбуждению, торможению и уравновешенности Б.М. Теплов и В. Б. Небылицин [4,9] в то же время указывают на то, что последнее

является нейрофизиологической основой "разнообразных психологических проявлений".

Наряду с современным, многоаспектным пониманием структуры личности рассматриваются сегодня соционические вопросы взаимодействия человека с внешней средой: социальной, естественной, искусственной или комбинированной [7]. По мнению этих авторов, соционическая модель информационного метаболизма, теория интертипных отношений А. Аугустанавичюте [1], основанная на юнговской типологии, является в настоящее время одним из самых действенных инструментов по изучению и пониманию структуры и функций психики, прогноза поведения человека.

Сказанное выше еще более ориентирует на необходимость создания **целостного междисциплинарного адаптивного «образа» человека**, изучения структуры его личности с помощью современных информационных технологий и компьютерных систем [3].

Поэтому целью исследования является повышение информативности и компьютерная реализация междисциплинарного социопсихофизиологического портрета личности студента-медика на основе принципиально новых данных о ее внутренней типологической структуре.

Методика исследования (200 человек) включает определение типа личности по экспресс-диагностическому тесту Айзенка [5]: сангвиник - С, холерик – Х, меланхолик – М, флегматик – Ф, центр (малый круг Айзенка – СХМФ) и построение профиля по тесту ММРІ [8].

Далее проводится анализ: I - круговых диаграмм типологических групп, отражающих степень выраженности личностных свойств; II - особенностей их функциональных взаимодействий по структуре максимальных корреляционных путей (МКП) и корреляционных плетей (КП) [2].

Анализ экспериментальных данных. I. Полученные данные в большой степени полезны для технологической разработки еще более эффективного и надежного психофизиологического портрета личности по Айзенку, начальный вариант которого был реализован ранее [5]. Усиление информативности теста Айзенка - ценного автоматизированного экспресс-диагностического средства 13-ю шкалами ММРІ делает его полезным как в плане понимания организации структуры личности, формализации ее свойств, так и в плане простоты его практического применения.

Даже визуально легко идентифицируется наибольшее количество испытуемых в **группе СХМФ** с наибольшим разбросом

показателей от среднего, с соответствующим уменьшением в группах **М, Х, С и Ф** (Рис. 1 - 5).

Отмеченное, видимо, отражает «сборный» состав свойств в структуре личности «центра», эмоциональную нестабильность **М** и **Х**, достаточно сгармонизированную личность **С** и самую устойчивую, ригидную личность **Ф**.

Результаты по «**центру**» (максимум, минимум, среднее) для женщин и мужчин (по шкалам ММРІ 1-13) указывают: для первых (по среднему) несколько завышены напряжённость (**F**), оптимизм (9) и мужественность (ролевая позиция – 5); для мужчин – более неровная с повышенными шкалами напряжённости (**F**), импульсивности (4), своеобразия (8) и тревожности (7).

Для **женщин группы М** характерен значительный разброс показателей от среднего, очень неровная траектория диаграммы: доминируют шкалы контроля (1,2,7), напряжённости (**F**), своеобразия (8) и интроверсии (0).

Для **мужчин группы М** - показатели среднего, минимума и максимума достаточно сходны, локализованы, отражая жёсткость, ригидность, локальность организации структуры личности с высокими показателями шкал актуальной (2) и постоянной тревожности (7), эмоциональной неустойчивости (4), особенно – шкал своеобразия (8), интроверсии (0) и фрустрации (неудовлетворённости, напряжённости - **F**).

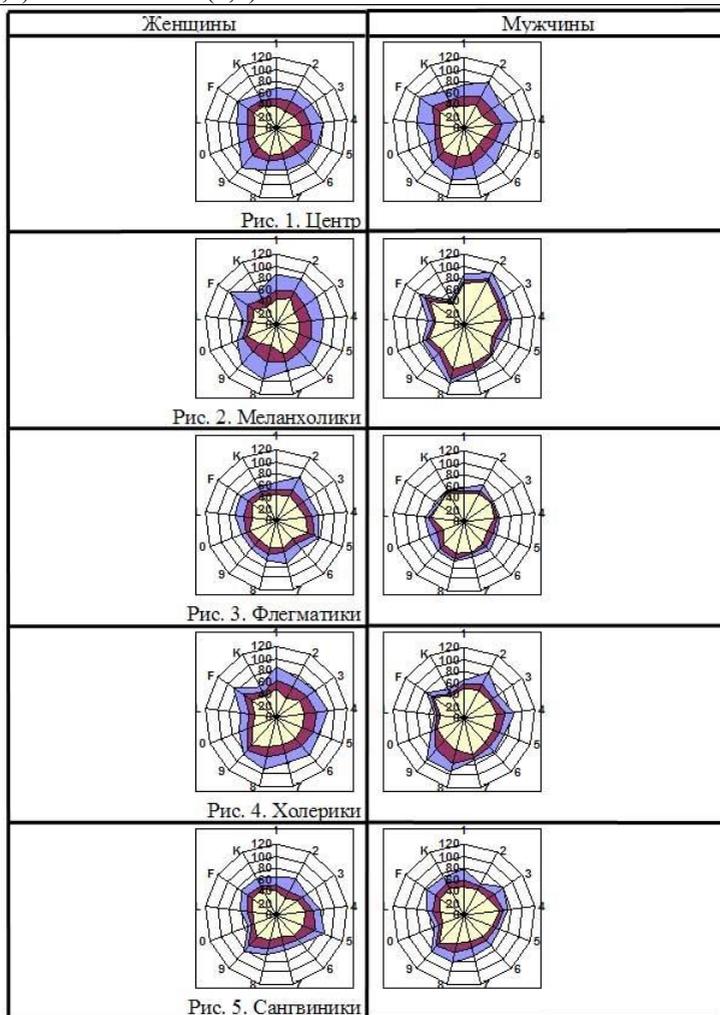
Диаграммы для **женщин группы Ф** опять-таки имеют довольно округлые контуры портрета (по средним показателям). Доминирующими шкалами являются шкалы контроля (2, 7), импульсивности (4), особенно мужественности (5) и своеобразия (8).

Мужчины группы Ф, как и в **группе М**, отличались почти круговой диаграммой с очень малым разбросом, с увеличенными шкалами контроля (2), импульсивности (4), ригидности (6) и лжи (**L**).

Структура личности **женщин группы Х** (Рис. 4) отражает достаточный разброс показателей по сравнению с «мужской» диаграммой. Отмечается пограничное (≈ 70 т) повышение контролирующей шкалы соматического здоровья (1), оптимизма (9), фрустрации (**F** – неудовлетворённости и напряжённости).

Контуры разброса параметров на диаграмме **мужчин группы Х** намного лаконичней, хотя доминирует эмоциональная нестабильность (4), женственность (5), постоянная тревожность (7). Особенно завышены своеобразии (8), оптимизм (9) и фрустрация (**F**). Вырисовываются контуры портрета личности **мужчин группы Х**:

эмоциональная неудовлетворённость из-за дисгармонии астенических (2,7,5) и стенических (8,9) свойств.

Диаграммы **женщин группы С** (Рис. 5) отмечают незначительный разброс показателей этого достаточно устойчивого типа личности. Характерны выражено сниженные шкалы контроля (1, 2, 3, 7), творческого потенциала (8), повышены шкалы оптимизма (9), мужественности (5) и импульсивности (4).

Разброс показателей у **мужчин группы С** ещё меньший. Различия диаграмм **мужчин и женщин группы С** слабые (Рис. 5): оба они мужественны, импульсивны, оптимистичны, с недостаточным контролем над поведением

Очень интересный материал получен при анализе отдельных свойств в структуре личности изучаемых индивидуально-типологических групп на основе 13 шкал ММРІ. Так, 1 шкала (соматического благополучия) доминирует у меланхоликов, холериков; 2 (контроля) – у меланхоликов, центра и флегматиков; 3 (демонстративности) – одинакова у всех, у флегматиков менее выражена; 4 (эмоциональной лабильности) – у сангвиников, менее у флегматиков; 6 (ригидности) - доминирует у холериков, меланхоликов, менее у сангвиников; 7 (постоянной тревожности) - у меланхоликов, центра; 8 (своеобразия) - у меланхоликов, холериков, менее у сангвиников; F (фрустрации) - у меланхоликов, центра, холериков.

II. Корреляционный анализ профиля ММРІ, построение МКП и КП, применение метода повышения уровня КП от 0.3 до 0.99 (Рис. 6) дало возможность рассмотреть путь и фокусы максимальных взаимодействий свойств личности, их направленность, жёсткость или гибкость, уровень взаимосвязи, семантической ориентации.

Так, для **женщин группы Центр** характерны высокие корреляционные зависимости контролирующих механизмов, находящих отражение в актуальной и постоянной тревожности, эмоциональной лабильности и реализаторском потенциале. **Мужчины группы Центр** – имеют структуру МКП более линейного типа, с большим количеством элементов и $K_{вк}$, чем у женщин этого типа.

Для МКП **мужчин группы М** характерно наличие достаточно большого количества отрицательных корреляций высокого уровня, отражающих, возможно, противоречия, дисгармонию в структуре личности: ригидного, только линейного типа МКП с очень высокими приоритетными плеядами (1,7), отражающими постоянную тревожность.

У **женщин группы М** МКП более трапецевидного типа со средними показателями $K_{вк}$, при уровне КП 0,8 образуются равнозначные плеяды линейного типа контролирующей и реализационной направленности.

Мужчины группы Ф по своей корреляционной структуре сходны с **мужчинами группы М**: ошутимое количество отрицательных корреляций высокого уровня, МКП – линейного типа, ригидный, распадающийся только при очень высоком уровне

корреляций (0,975) на плеяды с сохранением их семантического значения (Рис.6).

По сравнению с **мужчинами группы Ф** женщины такого типа по структуре МКП более генерализованы, менее напряжены, с меньшей жесткостью корреляционной связи, хотя также с достаточно ригидной структурой МКП, приоритетной напряженностью контролирующих, полоролевых и реализаторских механизмов.

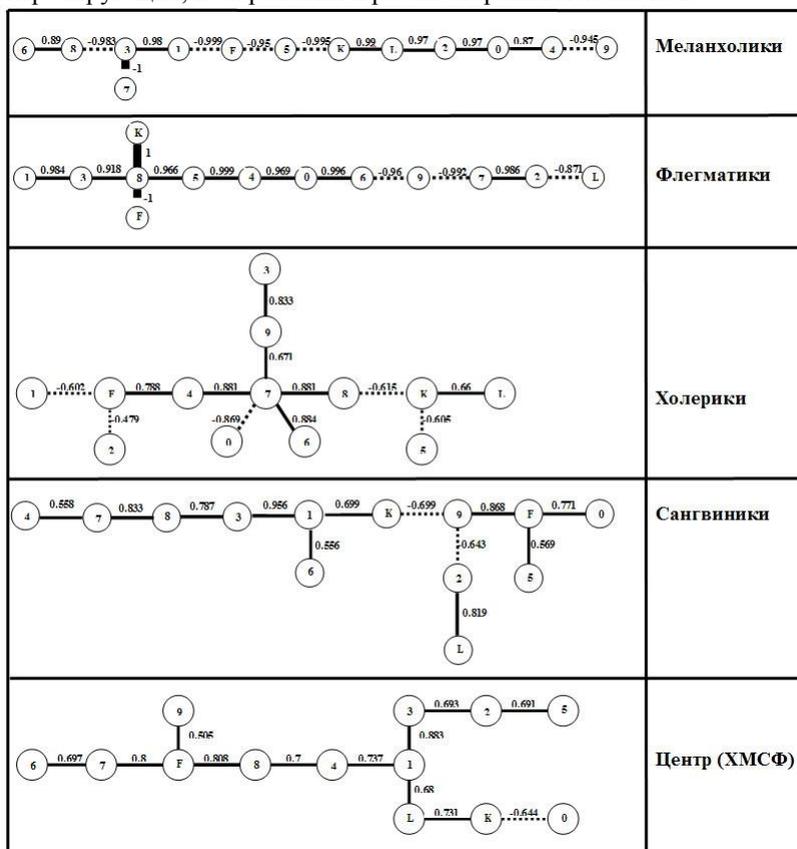

Рис. 6. Максимальный корреляционный путь различных индивидуально-типологических групп (мужчины). Уровень до 0.3.

У **мужчин группы Х** отрицательных корреляций почти столько, сколько у **мужчин группы Ф**, хотя структура МКП не столь

монотонно-линейная и напряжённая. Доминируют несколько убедительных фокусов максимальных взаимодействий типа «звезда» (Рис. 6). В центре самой мощной «звезды» находится шкала 7 (постоянная тревожность), связанная очень высокими положительными корреляционными связями со шкалами оптимизма (9), эмоциональной лабильности (4), ригидности (6), и отрицательной – с интроверсией (0). Во втором фокусе находится шкала F (фрустрации), которая отрицательно коррелирует с уровнем контроля за поведением (2), теряющие связи уже с очень слабого упрощения структуры МКП.

У **мужчин группы С** отрицательных корреляций значительно меньше, чем у других типов, $K_{вк}$ - среднего уровня, фокусы максимальных взаимодействий не выражены. Трапецивидная плеяда распадается на несколько плеяд линейного типа при уровне 0,8 с элементами эмоционально-физического дискомфорта.

Выводы

1. На основании рассмотренных МКП и КП пяти индивидуально-типологи-ческих групп – сангвиника, холерика, меланхолика, флегматика и центра можно говорить о внутренней структуре свойств этих типов и их организации, уровне внутрличностных корреляций, особенностях их семантических связей.
2. Так, для левосторонних на схеме Айзенка (меланхолик и флегматик) характерны МКП – линейного типа, ригидный, с высокой степенью скоррелированности элементов; для правосторонних – более генерализованный, лабильный, слабый уровень взаимосвязи между элементами. Первые системы с более жёсткой, монотонной структурой организации распадаются при очень высоких уровнях связности элементов, вторые – при значительно меньших её показателях.
3. У правосторонних меньше высоких корреляций, но более сложная лабильная структура МКП (сетка, трапеция), позволяющая более лабильно и генерализованной формировать адаптивные реакции.
4. Полученные знания ориентируют на глубокое понимание гармонии контролирующих, эмоциональных, симбиотических, творческих и реализаторских свойств в структуре личности человека и делают тест Айзенка надёжным экспресс-диагностическим современным средством для получения компьютерного портрета личности человека.

Список литературы:

1. Аугустанавичюте А. Теория интERTипных отношений // Соционика, ментология и психология личности. – 1997. - №№ 1-5.
2. Выханду Л.К. Об исследовании многопризнаковых биологических систем // Применение математических методов в биологии. – Л.: Наука, 1964. - №3. – С. 19-22.
3. Кузьмина К.И., Сёмик Т.М., Андон Т.А. Современные информационные технологии для изучения механизмов индивидуальной психофизиологической адаптации человека // Проблемы программирования. – 2008. - № 2-3. – С.695-702.
4. Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. – М.: Наука, 1976. – 336с.
5. Опросник Айзенка / Психологические тесты – 1: сост. В.Д. Коновалов. – М.: Светотон, 1996. – С. 63-82.
6. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Изд 2-е. – Т.4. – М.-Л., 1951. – 452с.
7. Рейнин Г.Р. Теоретический анализ типологических описаний личности в психологии // Соционика, ментология и психология личности. – 1999. - №6. – с.9-19.
8. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. –М.: Институт прикладной психологии, 1998. - 512с.
9. Теплов Б.М., Небылицын В.Д. Изучение основных свойств нервной системы и их значение для психологии индивидуальных различий // Вопросы психологии. – 1963. - №5. – С.38-47.
10. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – 3-е изд. - СПб: Питер, 2007. – 607с.

СЕКЦИЯ 4: ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ, АКМЕОЛОГИЯ

О ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ СЕМЕЙНОЙ МИКРОСРЕДЫ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

Алиева Заира Абдуллаевна

к.псх.н., доцент ДГПУ, г. Махачкала

E-mail: Uma-sh@mail.ru

В современных социокультурных условиях значительно возрастает интерес к проблеме развития личности младшего школьника, актуализируется проблема ее системного изучения.

Несколько десятилетий психология интеллекта пытается выявить вклад наследственности и среды в общую вариативность развития интеллекта. Долгое время внимание исследователей в основном было сосредоточено на поиске доказательств обусловленности интеллекта биологическими факторами. И только в последние годы социальная среда становится предметом специального анализа интеллектуального развития ребенка.

В настоящее время влияние на интеллектуальное развитие ребенка таких средовых условий, как культурный и социоэкономический статус семьи, образование родителей, не оставляет сомнения. Среда, в которой живет ребенок, имеет не одну, а несколько зон, из которых наиболее значимой для интеллектуального развития ребенка является семья.

Российские психологи в качестве одной из сторон в развитии личности называют социальный опыт, воплощенный в продуктах материального и духовного производства, который усваивается ребенком на протяжении всего детства. В процессе усвоения этого опыта происходит не только приобретение детьми отдельных знаний и умений, но и осуществляется развитие их способностей, формирование личности.

Проблеме влияния семьи на интеллектуальное развитие ребенка посвящены исследования с.а.кулагина, р.с.немова, е.г.силаевой, л.б.шнейдера, и.в.шаповаленко, н.н.посысоевой.

Изучением проблем детско-родительских отношений и их влияния на интеллектуальное развитие ребенка занимаются т.с.абрамова, ю.с.алешина, р.мей, а.а.бодалев, р.кочюнас, р.с.немов и др.

Изучение проблемы влияния семейной микросреды на развитие личности в целом и на интеллектуальное развитие в частности имеет большое значение в современных условиях модернизации образования и не потеряет своей актуальности в будущем по мере развития общества.

Возрастающие в связи с обучением в школе требования социума к интеллектуальному развитию ребенка опосредуются оценкой родителей соответствия наличного интеллекта ребенка социально-желательному и вызывают изменения ценностного отношения родителей к развитию креативности детей.

Стили семейного воспитания и виды взаимоотношений в семье по-разному влияют на развитие творческих способностей и интеллекта ребенка: содержательно креативность младшего школьника раскрывается в общении и совместной деятельности со взрослым.

Психология развития ребенка показывает, что факторы, влияющие на становление детской психики, в одном случае способствуют, а в другом препятствуют оптимальному развитию личности ребенка. Так, взаимоотношения в родительской семье, отношение к ребенку со стороны родителей могут формировать эффективную потребностно-мотивационную систему ребенка, позитивный взгляд на мир и на самого себя, и те же самые факторы, но с другим психологическим содержанием могут приводить к ущербному развитию потребностей и мотивов, низкому самоуважению, недоверию к окружающим [1].

Как правило, трудности детей служат проекцией отношений в семье. Соотношение себя и семьи у взрослого и ребенка в известном смысле зеркальны: для взрослого семья – производное от «я», для ребенка «я» - производное от семьи.

В результате взаимоотношения индивидов в семье она выступает как персональная микросреда развития личности.

Основными звеньями семьи как микросреда развития являются: коллективное мнение, межличностные внутрисемейные отношения, семейные традиции, обычаи, настроения, нормы внутрисемейного поведения, нравственно-духовный климат [3].

Младший школьный возраст обещает ребенку новые достижения в новой среде человеческой деятельности – учении. В этом возрасте ребенок проходит через кризис развития, связанный с объективным изменением социальной ситуации развития. Поступление в школу и начальный период обучения вызывают перестройку всего образа жизни и деятельности ребенка. Ребенок, поступающий в школу, должен быть зрелым в физиологическом и

социальном отношении, он должен достичь определенного уровня умственного и эмоционально-волевого развития. Поэтому понятие «готовность ребенка к школе» комплексное, многогранное и охватывает все сферы его жизни [2].

Проблема выявления взаимосвязи уровня интеллектуального развития детей и внутрисемейных отношений основывается на происходящих социально-экономических процессах в современном обществе и, как следствие, трудностях в определении целей воспитания, подготовке детей к новой реальности. Современные родители пытаются создавать условия для развития интеллектуальных способностей своих детей по ряду причин. Во-первых, из-за «моды» на дошкольное образование, престижности разностороннего образования; во-вторых, из-за нереализованности самих родителей в социальной сфере, которые за счет воспитания своих детей пытаются ее компенсировать.

Эти причины стимулируют родителей на создание специальных условий для ребенка: нужно обеспечить ребенка необходимым материалом (инструментами, книгами, компьютером...); выделить ему рабочее место; организовать посещение учреждений дошкольного образования. Кроме того, сюда относятся воспитательные и просветительские усилия членов семьи: походы в театр, кино, музеи, на концерты, места общественного досуга.

Но определяющую роль в интеллектуальном развитии младшего школьника внутри семьи играют стили семейного воспитания, общение и совместная деятельность членов семьи.

Сами по себе стили воспитания и виды взаимоотношений в семье не детерминируют творческие способности ребенка, но по-разному влияют на их развитие в семье.

Так, авторитарный стиль с высоким уровнем контакта и контроля над ребенком может способствовать росту продуктивной деятельности, ускорению темпа развития, а при излишней критичности взрослых замедлять и пресекать креативность как таковую.

Попустительский стиль при высоком уровне контакта с ребенком и низким контроле над ним может побуждать его к широкому экспериментированию социальным опытом, полученным в общении с родителями, а при низком уровне контакта или запущенном контроле может приводить к педагогической запущенности.

Демократический стиль воспитания является более благоприятным для интеллектуального развития ребенка, так как ставит ребенка в позицию соучастника в семейной жизни, учитывает

его жизненные интересы, предоставляет право выбора, побуждая тем самым принимать осознанные самостоятельные решения, действовать гибко в зависимости от ситуации.

Стиль семейного воспитания отражает особенности детско-родительских отношений, особенности выстраивания контакта с ребенком, предъявления ему норм и правил семейного уклада.

Развитие ребенка и помощь ему невозможно оторвать от реалий семейной жизни. Больше всего благополучию ребенка способствуют доброжелательная атмосфера и такая система семейных взаимоотношений, которая дает чувство защищенности и одновременно стимулирует и направляет его развитие.

Подчеркивая специфичность воздействия на ребенка внутрисемейных отношений, особо следует выделить родительскую любовь. Она величайший и незаменимый источник духовного развития ребенка, эмоциональной стабильности, нравственных качеств, уверенности в себе. В атмосфере любви и близости удовлетворяется потребность ребенка в положительных эмоциях, в которых он нуждается с момента рождения. Общение в атмосфере любви и доверия, забота друг о друге оказывают сильнейшее влияние на детскую психику, и в дальнейшем дает широкий простор для эмоциональных переживаний ребенка, реализации его потребностей, и, тем самым, становится для него подлинной школой социального развития.

Список литературы:

1. Алешина Ю.Е. Индивидуальное семейное психологическое консультирование. М., 1994
2. Овчарова Р.В. Практическая психология в образовании. М., 2007
3. Шнайдер Л.Б. Семейная психология. М., 2005

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЗАОЧНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

Востокова Юлия Игоревна

ассистент ГОУ ВПО «АГПИ им. А. П. Гайдара, г. Арзамас

E-mail: vostokova_julia@mail.ru

Проблема профессионального становления студентов актуальна в настоящий момент и достаточно интенсивно изучается.

В современных исследованиях рассматривается методическая составляющая процесса обучения студентов заочной формы обучения, технологии и методики образования взрослых. Однако не затрагивается вопрос о развитии их профессионального самосознания в ситуации получения второго высшего образования, получения образования другого профиля. Не рассмотрен так же вопрос об особенностях психолого-акмеологического сопровождения профессионального развития студентов заочной формы обучения.

Тем временем, в условиях, когда в высшее учебное заведение поступают абитуриенты с внешней учебно-профессиональной мотивацией, инфантилизированные, профессиональная подготовка специалистов должна опираться, прежде всего, на профессиональное развитие личности студента, как основу развития его профессионализма.

Данный аспект является особенно важным в подготовке специалистов помогающих профессии (педагогов, психологов, социальных работников и т.д.), для которых личность является средством профессиональной деятельности. При этом основой, процессом и результатом развития личности профессионала является профессиональное самосознание студента.

Согласно В.А.Сластенину, самосознание предполагает «осознание себя в определенной позиции, роли», то есть человек должен «взаимоувязывать себя и профессию, личные проблемы и профессиональные, личные задачи и ценности с ценностями и задачами профессиональными». Таким образом, самосознание позволяет «интегрировать личность и профессиональную позицию» [7, с. 382].

Профессиональное самосознание – это осознание субъектом самого себя в профессии и отношение к себе в системах профессионального развития, профессиональных взаимодействий, профессиональной деятельности в соотношении реального и

идеального представлений во временной перспективе развития, а так же саморегулирование на основе данного самоотношения посредством обратной связи и рефлексии.

Высокий уровень развития профессионального самосознания характеризуется в когнитивном компоненте наличием знаний о своей профессиональной деятельности, представлений о себе в контексте данной деятельности, образ «Я-профессионал» интегрирован с «Я-концепцией». В аффективном компоненте – это положительное отношение к себе, адекватная профессиональная самооценка. Поведенческий компонент характеризуется наличием мотива к самоактуализации, стремлением к саморазвитию.

Выполняя функции детерминации и регуляции профессиональной деятельности, конструирования и саморазвития, а так же самоконтроля личности, профессиональное самосознание выступает движущей силой профессионального развития студента. Так как «осознавая свои достоинства и недостатки, достижения и перспективы, сопоставляя их с требованиями профессиональной деятельности и своими целями, личность самосовершенствуется, становится субъектом собственного развития» [3, с. 66].

Динамику профессионального самосознания непосредственно определяет самооценка личности, так как «после того как самооценка профессионала сформирована, она становится главной детерминантой в его профессиональной деятельности» [4, с. 58], может, как ускорять, так и удерживать профессиональное развитие.

Самооценка является результатом взаимодействия когнитивного и аффективного компонентов профессионального самосознания, и «условием всякого целеполагания, важным фактором организации и реализации деятельности» [2, с. 103].

При этом «сочетание адекватной самооценки и высокой степени ее сближенности с профессиональным эталоном» повышает способность личности к самопознанию, рефлексии и саморазвитию [1, с. 134]. Поэтому самооценка студента определяет развитие его профессионального самосознания, структура которого зависит от сложившегося в процессе обучения образа будущей профессии.

Движущей силой развития профессионального самосознания является интериоризированное и актуализированное личностью противоречие между достигнутыми и желаемыми «Я-образами». Данное противоречие в позитивном варианте развития профессионала начинает преодолеваться через механизмы самоанализа, обратной связи и рефлексии с помощью самооценки личности. То есть студент в процессе обучения должен осознавать свой действительный

(реальный) и желаемый (идеальный) образ профессионального развития относительно временной перспективы (прошлого, настоящего и будущего). Если результат самооценивания не удовлетворяет обучающегося (проявляется отрицательное самоотношение к сформированным профессиональным «Я-образам»), он начинает развиваться с целью преодоления данного несоответствия.

Контингент студентов вузов в настоящее время представлен достаточно разными возрастными группами, среди которых и лица, получающие второе высшее образование без отрыва от производства в условиях заочной формы обучения. Данные учащиеся уже, как правило, имеют среднее профессиональное образование разнообразного профиля, а так же опыт работы в различных сферах. Таким образом, у студентов заочной формы обучения уже сформирован определенный образ «Я-профессионал» и определенный уровень развития профессионального самосознания.

Однако структура и содержание профессионального самосознания, согласно В.А.Сластенину, определяются «содержанием и структурой деятельности человека и приобретают свойства и характеристики этой деятельности» [7, с. 383]. В таком случае у студентов, работающих не в педагогической сфере, имеющих образование не относящееся к системе «человек-человек», наполнение профессиональных «Я-образов» не соответствует содержанию получаемой специальности (например, педагога-психолога). Данный факт будет тормозить профессиональное развитие студента в той профессии, которой он обучается, так как профессиональное самосознание будет развиваться вне контекста осваиваемой сферы деятельности.

Поэтому студенты заочной формы обучения психолого-педагогических факультетов особенно нуждаются в психологическом сопровождении развития их профессионального самосознания в процессе обучения с целью совершенствования их личностного и профессионального становления.

Средствами психолого-акмеологической поддержки являются консультации, игротехники и тренинги. «Способ организации и проведения последних ориентирован на динамику, на изменчивость уровня развития субъекта и собственные индивидуальные – рефлексивные, интеллектуальные ресурсы» [5, с. 62].

Целью психолого-акмеологического сопровождения категории студентов заочной формы обучения психолого-педагогических специальностей является формирование и развитие «Я-образов» специалиста именно помогающих профессий: знание и отношение к себе в системах личностного развития, взаимоотношений с субъектами

профессионального взаимодействия и профессиональной деятельности.

Новые чувства и мотивы личности, возникающие в процессе сопровождения профессионального развития специалиста помогающей профессии, «приводят к интериоризации данной роли с ее когнитивными, эмоциональными и конативными компонентами, и человек вскоре начинает видеть себя и относиться к себе как к носителю данных характеристик» [7, с.287].

В результате данной работы со студентами будет развиваться адекватная самооценка в осваиваемой ими профессии, переводя на более высокий уровень развития их профессиональное самосознание, которое в свою очередь обеспечивает становление компетентного конкурентноспособного профессионала в своей деятельности, достижение им высоких результатов в получаемой профессии.

Все это подтверждает актуальность и значимость дальнейшего проведения исследования проблемы механизмов развития профессионального самосознания студентов заочной формы обучения, разработки системы способов, методов и средств психолого-акмеологического сопровождения данной категории обучающихся.

Список литературы:

1. Белоконь М.А. Личность, самооценка, эталон в профессиональном становлении субъектов обучения [Текст]: дисс. ... канд. психол. наук./ М.А. Белоконь. – Краснодар, 1999. – 168 с.
2. Захарова, Л.Н. Психологическая подготовка педагога [Текст] / Л.Н.Захарова. – Н.Новгород: ННГУ, 1993. – 214 с.
3. Зеер, Э.Ф. Профессиональное становление личности инженера-психолога [Текст] / Э.Ф.Зеер. – Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1988. – 120 с.
4. Козиевская, Е.В. Профессиональная самооценка в развитии мотивации достижения государственных служащих [Текст]: дисс. ... канд. психол. наук./ Е.В. Козиевская. – Москва, 1998. – 155 с.
5. Крюкова, Т.В. Акмеологическая модель развития профессиональной компетентности руководителей муниципальной службы [Текст]: дисс. ... канд. психол. наук./ Т.В.Крюкова. - Тамбов, 2009. – 263 с.
6. Налчаджян, А.А. Самопознание, самосознание и этническая Мы-концепция [Текст] / А.А. Налчаджян // Вестник СамГУ: Психология. – 2006. - № 10/2. – С. 284-291.

7. Слостенин, В.А. Слостёнин [Текст] / В.А.Слостенин. – М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2000. – 488 с.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЭМОЦИЙ ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Комкова Елена Ивановна

к.пс.н., доцент МИУ, г. Минск

E-mail: lena-kotkova@yandex.ru

Недвецкая Татьяна Михайловна

магистр психологических наук,

аспирант Национального института образования, г. Минск

E-mail: nedvetskaja-tatjana@rambler.ru

Эмоциональный интеллект — устойчивая ментальная способность, часть обширного класса ментальных способностей, в частности, Он может рассматриваться как подструктура социального интеллекта. Как ментальная способность, он является также частью более обширной группы свойств личности. Это один из многих факторов индивидуальности, скорее позитивных, чем негативных для межличностного взаимодействия.

Особую важность и актуальность развитие эмоционального интеллекта приобретает в дошкольном и младшем школьном возрасте, поскольку именно в эти периоды идет активное эмоциональное становление детей, совершенствование их самосознания, способности к рефлексии и децентрации (умения встать на позицию партнера, учитывать его потребности и чувства).

В отечественной психологии эмоциональный интеллект иногда понимается как некий дефектный компонент мыслительного процесса, снижающий объективность познания и отличающийся «ригидностью, косностью» [5]. Зачастую отечественные исследователи ограничиваются лишь констатацией наличия данного понятия, не определяя его, не выделяя четко его структурные компоненты, что, возможно, связано как с семантической неоднозначностью понятия, так и с вытекающими отсюда проблемами операционализации эмоционального интеллекта.

В противоположность изложенной выше точке зрения в ряде современных зарубежных и отечественных теорий эмоций рассматривается как *особый тип знаний* [3]. Психологи, принадлежащие к этому направлению, рассматривают эмоций как упорядоченную реакцию, которая с целью адаптации фокусирует когнитивную активность и последующие действия.

Вопрос о генезисе способности понимания эмоций другого человека во многом дискуссионный. Имеются данные, что уже через девять минут после рождения ребенок может опознавать стимулы, схематически напоминающие лицо. Новорожденные также способны различать и имитировать разнообразные выражения лица [2]. Имитационные способности младенцев настолько широки, что дети могут воспроизвести предъявляемые выражения лица не только непосредственно, но и по памяти. В данном случае имитация основывается не на перцептивных стимулах, а на репрезентациях младенцев. Ранняя имитация выполняет функцию идентификации, позволяя младенцам успешно опознать человека, с которым они ранее взаимодействовали, и снова вступить с ним в коммуникацию. Таким образом, имитацию следует рассматривать не только как показатель репрезентационных возможностей детей, но и как важнейшее средство в развитии их способности понимания других людей [1].

В. А. Лабунская рассматривает способности к интерпретации невербального поведения в трех аспектах:

1. В плане форм невербального поведения объекта интерпретации: элементы, степень целостности, контекст предъявления. С этой точки зрения способность к психологической интерпретации включает способность к адекватному восприятию и оценке элементов и целостного невербального поведения отдельного человека, диады, группы, а также способность устанавливать психологические связи между элементами и индивидуальными формами невербального поведения.
2. В плане интерпретации психологического содержания невербального поведения. Наиболее важными здесь являются способности к адекватному определению состояний, к установлению связей между невербальным поведением и качествами личности, к оценке отношений и взаимоотношений партнеров общения.
3. В функциональном плане способность к психологической интерпретации невербального поведения рассматривается как способность к адекватной идентификации различных психологических характеристик человека на основе

невербального поведения и способность адекватно использовать его как средство регуляции отношений в общении [4].

Таким образом, структура способностей к интерпретации невербального поведения включает два блока: способность к адекватной идентификации, пониманию различных форм невербального поведения и взаимодействия и способность к регуляции взаимоотношений в различных социальных контекстах с помощью невербального выражения эмоций.

Несколько слов необходимо сказать и о системе диагностики эмоционального интеллекта, существующей на сегодняшний день. Поскольку психология эмоционального интеллекта развивается в основном за рубежом, ее диагностический аппарат также предстаёт в виде иностранных методик, зачастую не адаптированных и не переведенных на русский язык. Тем не менее зарубежные методы измерения эмоционального интеллекта заслуживают внимания отечественных специалистов, потому как перспективной задачей развития этой научной области является адаптация имеющихся наработок к российским условиям.

В настоящее время существует 3 группы методик эмоционального интеллекта:

1.Методики, исследующие отдельные способности, входящие в состав эмоционального интеллекта;

2.Методики, основанные на самоотчете и самооценке испытуемых;

3.Методики - “мульти-оценщики”, то есть тесты, которые должен заполнить не только испытуемый, но и 10-15 знакомых ему людей (так называемых “оценщиков”), проставляющих баллы его эмоциональному интеллекту.

Например, многофакторная шкала эмоционального интеллекта MEIS относится к первой группе методик. Она разработана в 1999 году Дж. Мейером, П. Саловеем и Д. Карузо. MEIS представляет собой письменный тест, в котором есть верные и неверные варианты ответов. MEIS содержит несколько видов задач, которые должен решить испытуемый: задачи на распознавание эмоций, задачи на умение описывать собственные эмоции, задачи на понимание состава и взаимосвязи различных эмоций, а также задачи на способности управления эмоциями [6, с. 97].

К группе методик, основанных на самоотчете и самооценке, относится EQ-i Анкета по определению эмоционального коэффициента Р.Бар-Она. Зарубежный исследователь Р.Бар-Он потратил около двадцати лет на исследование и создание этой

методики. Именно он ввел в психологию понятие эмоционального коэффициента-EQ-в противовес классическому IQ. Анкета Р.Бар-Она выпущена в 1997 году и уже издана на 14 языках, в том числе и на русском. Большим преимуществом методики является то, что она имеет детскую версию (для тестирования детей и подростков от 6 до 18 лет) [6, с. 79]. Помимо этого, данная анкета измеряет пять основных компонентов эмоционального интеллекта: *внутриличностный* (самоуважение), *межличностный* (сочувствие, ответственность), *приспособляемость* (способность адаптировать свои эмоции к изменяющимся условиям), *управление стрессом* (эмоциональная устойчивость и стрессоустойчивость) и *общее настроение* (оптимизм).

Одним из тестов “мульти-оценщиков” является Ei-360, созданный в 2000 г. доктором Дж.П.Паулиу-Фрай. Измерение включает самооценку, а также оценку до десяти “оценщиками” (это может быть семья, сверстники, коллеги испытуемого). Весь процесс диагностики происходит через Интернет. Данная методика полностью представлена в Интернете и доступна каждому. Она дает возможность сравнить собственное восприятие эмоционального интеллекта и восприятия своего интеллекта другими людьми.

Как мы видим, существует достаточно широкий диапазон методик для диагностики эмоционального интеллекта. В зависимости от целей и задач конкретного исследования та или иная методика может оказаться более подходящей, чем другие.

С целью изучения способностей к идентификации эмоций у мальчиков и девочек старшего дошкольного возраста нами были адаптированы два субтеста «Группы экспрессии» и «Вербальная экспрессия» методики исследования социального интеллекта Дж.Гилфорда и М.Саливен.

В исследовании приняли участие 63 ребенка старшего дошкольного возраста (37 девочек, 26 мальчиков) дошкольных учреждений г.Минска.

Субтесты были составлены с использованием невербального, цветного, эмоционально окрашенного стимульного материала с изображением наиболее типичных и понятных детям ситуаций социального взаимодействия с взрослыми и детьми разного возраста и пола.

Стимульный материал к модифицированному субтесту «Группы экспрессии» Дж.Гилфорда и М.Саливен был составлен в соответствии с выделенными В.А. Лабунской [4] критериями оценки невербального поведения: поза, мимика, интеллектуально-волевые состояния, элементы невербального поведения (на материале графических

изображений и фотографий). Субтест «Группы экспрессии» включает в себя дополнительные два задания на идентификацию эмоций по фотообъектам, изображающим экспрессии детей и взрослых женского и мужского пола. С помощью заданий субтеста диагностируется способность к логическому обобщению, выделению общих существенных признаков в различных невербальных реакциях человека. Испытуемым необходимо было выбрать среди трех пиктограмм то выражение эмоции, которое наиболее соответствует изображенному жесту, позе, мимике.

Субтест «Кто это сказал?» (аналог субтеста «Вербальная экспрессия Дж.Гилфорда и М.Саливен) оценивает способность понимать изменение значений сходных вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавшей ситуации. В оригинале – это единственный субтест, составленный без использования рисунков. Учитывая наглядно-образное мышление детей старшего дошкольного возраста, мы использовали в данном субтесте наглядный стимульный материал, а также запись эмоционально голосовых обращений. В заданиях субтеста «Кто это сказал?» испытуемый из трех предложенных сюжетных рисунков, отображающих типичные ситуации из жизни детей во взаимодействии со сверстниками и взрослыми, должен выбрать наиболее подходящий к фразе, произнесенной с определенной интонацией. Для получения более надежного результата использовалась аудиозапись, воспроизводящая интонационный рисунок речи, что позволило оценить чувствительность к оттенкам смысла высказываний в зависимости от контекста ситуации.

Ответы детей по каждому субтесту фиксировались в протоколе. Общее время тестирования, включая инструкции и пробный вариант решения одного задания, составило 10 мин.

Различия в способностях старших дошкольников разного пола к идентификации невербальной экспрессии представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Средние показатели по субтестам «Группы экспрессии» и «Кто это сказал?» старших дошкольников.

Показатели субтестов	Девочки	Мальчики
Субтест «Группы экспрессии»: <ul style="list-style-type: none"> • способность понимать и распознавать эмоциональные состояния человека на основе его мимики, позы, жестов 	7,37	5,69

• идентификация эмоциональных состояний детей мужского пола	6,81	6,42
• идентификация эмоциональных состояний детей женского пола	4,48	3,88
• идентификация эмоциональных состояний мужчин	3,35	3,56
• идентификация эмоциональных состояний женщин	5,83	5,61
Субтест «Кто это сказал?»	6,72	4,92

Как видно из таблицы, девочки лучше мальчиков правильно оценивают состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям: мимике, позам жестах. У них более развита чувствительность к невербальной экспрессии, что существенно усиливает способность понимать окружающих. Мальчики лучше девочек идентифицируют невербальные проявления лиц своего пола.

Выявлены низкие показатели в распознавании эмоций детей женского пола испытуемыми: как мальчиками, так и девочками. Полагаем, это связано с тем, что у женщин эмоциональная сфера дифференцированнее и сложнее. Действительно, во многих исследованиях выявлены отчетливые различия в эмоциональной сфере лиц мужского и женского пола (К. Джеклин, Л.В. Куликов, Е. Маккоби, М.С. Пономарева, К. Н. Суханова и др.). Анализ данных показал, что девочки более успешны в идентификации положительных эмоций: радость, смех, интерес, тогда как мальчики наиболее восприимчивы к отрицательным эмоциям: грусть, злость, обида, отвращение. Девочки также особо чувствительны к определению экспрессии страха.

По результатам субтеста «Кто это сказал?» (аналог субтеста «Вербальная экспрессия Дж.Гилфорда и М.Саливен») выявлено, что девочки старшего дошкольного возраста обладают более высокой чувствительностью к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений, что помогает им быстро и правильно понимать то, о чем говорят люди друг другу (речевую экспрессию) в контексте определенной ситуации, определенных взаимоотношений. Данная способность позволяет находить соответствующий тон общения с разными собеседниками в разных ситуациях и проявлять ролевую пластичность. У мальчиков этот показатель снижен, они чаще испытывают затруднения в распознавании различных смыслов, которые

могут принимать одни и те же вербальные сообщения в зависимости от характера взаимоотношений людей и контекста ситуации общения.

Гендерные различия в способности понимать изменение значений сходных вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавшей ситуации проявились в том, что девочки были ориентированы преимущественно на экстралингвистические свойства голоса, эмоциональность речи, тогда как мальчики – на содержание речевой фразы.

Сопоставление результатов исследования способностей к эмоциональной идентификации старшими дошкольниками и их межличностных отношений в группе позволило установить характер их связи, что отражено в таблице 2:

Таблица 2. – Соотношение показателей выраженности способностей старших дошкольников к эмоциональной идентификации и их социометрического положения в группе

Показатели эмоциональ-ной иден-тификации	Мальчики		Девочки	
	популярные	непопулярные	популярные	непопулярные
Способность понимать и распознавать невербальную экспрессию: мимику, позы, жесты	7	4,41	7,37	5,13
Способность понимать изменения значения сходных вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавшей ситуации	5,85	3,83	8,06	5,61

Как видим, у популярных дошкольников выраженность показателей способности к идентификации эмоций выше, чем у непопулярных детей. Действительно, фактологические материалы исследования позволили установить положительную связь между количеством выборов ребенка и степенью проявления способностей к пониманию и распознаванию невербального поведения ($r_s=0,906$, $p<0,01$).

У популярных в группе сверстников девочек способность понимать изменение значения сходного поведения (вербального или невербального) в разных ситуационных контекстах значительно выше, чем у мальчиков ($p<0,01$ по критерию Манна-Уитни). Девочки чаще обращают внимание на невербальные реакции участников коммуникации, более чувствительны к эмоциональным речевым воздействиям (окрик, грубый тон и т.д.).

Как показано в исследованиях В.Д. Еремеевой и Т.П. Хризман (2001), эмпатийная реакция девочек и мальчиков определяется *видом эмоциогенного стимула*. Когда девочки слышат детский плач (в магнитофонной записи), то у них резко активируются центры слуха, зрения, моторные и задние ассоциативные зоны мозга, у мальчиков реакция значительно менее выраженная. Картина меняется, когда звучит глагол «плачут». У мальчиков реакция указанных зон коры выражена отчетливо, а у девочек — слабо.

В результате полученных на начальном этапе исследования результатов, можно сделать следующие выводы:

В структуру эмоционального интеллекта у старших дошкольников входят способности к пониманию (осмыслению) эмоций; ассимиляции эмоций в мышлении в виде эмоциональных состояний при решении мыслительных задач, способности к различению и выражению эмоций.

В настоящее время существует потребность в дальнейшем исследовании феномена эмоционального интеллекта у детей дошкольного возраста, его структуры, путей его развития, что откроет реальную возможность оптимизации взаимоотношений через более глубокое осознание эмоциональных процессов и состояний, возникающих между детьми в процессе межличностного взаимодействия. Развитие эмоционального интеллекта может рассматриваться как значимый фактор повышения психологической культуры в детском обществе в целом.

Список литературы:

1. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: исследование феномена / И.Н. Андреева // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 78-86.
2. Вайсбах Х., Эмоциональный интеллект. Душа и тело / Х. Вайсбах, У. Дакс; пер. с нем. – М.: Лик Пресс, 1998. – 160с.
3. Кравцов Г.Г. Принцип единства аффекта и интеллекта как основа личностного подхода в обучении детей / Г.Г.Кравцов // Вопросы психологии. – 1996. – № 6. –С. 53-64.
4. Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание / В.А.Лабунская. — Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 608с.
5. Ярчак М.Л. Ці існує емаційнальнае мысленне? / М.Л.Ярчак //Адукацыя і выхаванне. – 2002.– № 7. – С. 72-75.
6. Ackerman P.L. A theory of adult intellectual development: Process, personality, interests, and knowledge / P.L. Ackerman // Intelligence.– 1996. – №22.– P. 227–257.

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ, КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОМ ПРОДУКТИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кузьмина Анна Брониславовна

Аспирантка, СГУ, г. Ставрополь

E-mail: kuzminaanna@list.ru

В настоящее время, когда возросло внимание к более продуктивному использованию трудовых ресурсов, учету затрат рабочего времени, существенно повысилось значение показателей состояния здоровья работников, занятых в самых разных сферах, а здоровье рассматривается как необходимое условие высокого трудового потенциала.

Профессиональное здоровье, по мнению Харькина В.П. и Гройсмана А.Л., представляет собой определенный уровень характеристик здоровья специалиста, отвечающий требованиям профессиональной деятельности и обеспечивающий ее высокую эффективность, как свойство организма сохранять необходимые компенсаторные и защитные механизмы, обеспечивающие

профессиональную надежность и работоспособность во всех условиях и на всех этапах профессиональной деятельности [30]. Центральным пунктом в данной трактовке является вопрос о функциональных состояниях (в данной статье мы акцентируем свое внимание на эмоциональной сфере) и, соответственно, оценке функциональных резервов с целью выявления способности человека к продуктивной профессиональной деятельности, а также устойчивость к неблагоприятным факторам, сопровождающим эту деятельность.

Необходимо отметить, что понятие «профессиональное здоровье», в отличие от принятых определений здоровья, подразумевает наличие такого качества, как способность организма восстанавливать нарушенное состояние в соответствии с регламентацией объема и вида профессионального труда. Важным является поддержание и восстановление рабочего состояния [26].

Здоровье сотрудников может подвергаться регрессу и иметь нисходящий характер. Отрицательное воздействие профессии на личность может носить частичный или полный характер. При частичном регрессе профессионального развития затрагивается какой-то один его элемент. Полный регресс означает, что негативные процессы затронули отдельные структуры психологической системы деятельности, приводя к их разрушению, что может снизить эффективность выполнения деятельности: появляются профессиональные деформации, эмоциональное выгорание, повышенная утомляемость и т.д. [26].

Мы полагаем, что эмоциональная сфера занимает важное место в процессе продуктивной профессиональной деятельности специалиста, а развитие эмоциональной саморегуляции позволяют сохранять работоспособность сотрудников и выступают основанием для обеспечения профессионального здоровья в процессе деятельности. Т.е. эмоциональная саморегуляция способствует формированию умения самой личности ставить себе задачи по сохранению и поддержанию здоровья, реализовывать их, решать профессиональные проблемы с установкой на получение высоких результатов деятельности.

Исследования проблемы развития эмоциональной саморегуляции в триаде "деятельность - состояние - личность" можно отнести к числу наиболее актуальных и перспективных направлений современной психологии труда. Потребности человеческой практики ставят задачи повышения надежности и продуктивности деятельности человека в сфере профессионального труда. Данные явления обусловлены развитием потенциально опасных технологий,

усложнением профессиональной деятельности в экстремальных условиях и ростом стрессогенных воздействий, когда психические состояния субъекта труда выступают в качестве важнейшего условия эффективности его деятельности. Именно поэтому данная проблема требует активной разработки.

Важность психологического подхода к решению этой проблемы определяется также тем, что для многих профессий в настоящее время ограничены возможности технического и эргономического повышения функционального комфорта и оптимизации условий деятельности. Поэтому основные резервы повышения эффективности и надежности деятельности лежат на пути разработки научно-обоснованных психологических методов оптимизации эмоционального состояния субъекта труда, которое в существенной мере определяют его работоспособность и надежность (В.А. Бодров, Ф.Д. Горбов, В.П. Зинченко, Л.А. Китаев-Смык, Н.Д. Завалова, Г.М. Заракровский, В.И. Лебедев, А.Б. Леонова, Б.Ф. Ломов, В.И. Медведев, Ю.К. Стрелков, В.Л. Марищук, М.И. Марьин, К.К. Платонов, Л.Д. Чайнова и др.). Зачастую, в условиях трудовой деятельности ведущая роль в преодолении стресса и оптимизации неблагоприятных эмоциональных состояний начинает принадлежать эмоциональной саморегуляции, в процессе которой раскрываются внутренние личностные ресурсы человека, дающие ему относительную свободу от обстоятельств, обеспечивающие даже в самых трудных условиях возможность самоактуализации. В напряженных и трудных условиях деятельности человек может управлять своим состоянием, используя различные способы самовоздействия и саморегуляции [4]. Поэтому эмоциональная саморегуляция становится средством управления эмоциональным состоянием и поведением в целом, а владение средствами эмоциональной саморегуляции определяют степень профессионализации и профпригодности субъекта (В.А. Бодров, Г.М. Заракровский, В.А. Пономаренко, Н.Д. Завалова, М.А. Котик, Г.С. Никифоров, М.М. Решетников, В.Л. Марищук, Л.Д. Чайнова, Ю.К. Стрелков, А.Б. Леонова и др.) [4, 7, 15, 26].

Острота проблемы эмоциональной саморегуляции в условиях трудовой деятельности (как нормальных, так и экстремальных) связана с тем, что развивающиеся в этих условиях сложные для субъекта психические состояния могут приводить к деструкции эмоционального состояния, дезорганизации профессиональной деятельности (вплоть до отказа от нее), потере здоровья, разрушению личности, депрофессионализации [22]. Поэтому проблема разработки проблемы саморегуляции эмоционального состояния как целостной системы

профессиональной деятельности в различных по модальности условиях становится все более актуальной, как в теоретическом аспекте, так и для разработки научно обоснованных рекомендаций по прогнозированию и управлению активностью субъекта деятельности.

Перспективным для решения данной актуальной проблемы является объединение представлений системного и субъектно-деятельностного подходов, что позволит подойти к анализу ее структуры с позиций системогенеза психической деятельности (П.К. Анохин, Б.Ф. Ломов, В.Д. Шадриков) и рассмотреть взаимовлияние профессиональной деятельности и эмоциональной сферы субъекта на основе принципов межсистемного анализа [16].

В общетеоретическом плане в качестве методологических оснований проблемы являются принципы единства и взаимозависимости человека и общества, социальной детерминации личности (Б.Ф. Ломов, А.А. Бодалев, Л. С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский), принцип субъекта и субъектно-деятельностный подход (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская), концепция системогенеза деятельности (В.Д. Шадриков), системный и полисистемный подходы (В.П. Кузьмин, Б.Ф. Ломов, Д.Н. Завалишина, В.А. Барабанщиков) [16].

Прежде чем говорить о проблеме эмоциональной саморегуляции, остановим свое внимание на таком понятии, как эмоциональная устойчивость, которая является неотъемлемой частью в структуре эмоциональной саморегуляции. Моросанова В.И. предполагает, что эмоциональная устойчивость в условиях напряженной деятельности опосредуется целостным процессом эмоциональной саморегуляции в единстве рациональных, эмоциональных и физиологических проявлений. Эмоции в процессе саморегуляции напряженной деятельности выполняют множество регуляторных частных функций, которые могут быть сгруппированы в определенные функциональные звенья. Эмоции участвуют в непосредственной координации возникновения и преобразования характера функционирования интеллектуальных и волевых регуляторов [21]. Итак, эмоции становятся «внутренней проекцией», т.е. в свернутом виде воспроизводят рациональный уровень, что обеспечивает продуктивную и эффективную деятельность специалиста. У эмоционально неустойчивых людей переживания напряженной деятельности переходят в аффективные процессы, на проявления которых сказываются базальные (более древние) эмоциональные содержания. Аффективный процесс имеет

синкретический характер [19]. Таким образом, для того, чтобы повысить эмоциональную устойчивость специалиста, необходимо применение специально разработанной программы, предусматривающей как рациональные, так и пристрастные преобразования человеком предметных условий и ситуаций. Формирование пристрастных преобразований осуществляется в условиях деятельности, которые можно охарактеризовать, как «эмоционально окрашенные».

Эмоционально устойчивые специалисты организуют переживания эмоций, чувств, страстей в целостный целесообразный процесс. Эмоции в этом процессе обусловлены предметными обстоятельствами напряженной деятельности. Они находятся в функциональной зависимости от интеллектуальных моментов, а также управляемы, обратимы и носят дифференцированный характер. Кроме того, переживания напряженной деятельности трансформируют эмоциональный уровень в эмоциональный. Переживания у эмоционально устойчивых специалистов выражают также привязанности — страсти, которые в процессе саморегуляции находятся в функциональной зависимости от воли. Они характеризуют относительно устойчивую направленность специалиста к продуктивной профессиональной деятельности. Страсти устойчивых специалистов воспроизводимы, цикличны, имеют внутреннюю шкалу ценностей. В страстях эмоционально устойчивых специалистов сказывается социокультурный опыт, что отличает их от неустойчивых [20]. В целом можно сказать, что эмоционально устойчивый человек — это носитель не просто определенной суммы отдельных составляющих процесса саморегуляции, а определенной их организации. Важным критерием высокого уровня эмоциональной устойчивости выступает высокая эмоциональность, которая характеризуется наличием не только положительных, но и отрицательных эмоций. Включаясь в целостную систему деятельности, эмоции различных модальностей становятся «умными», обобщенными, предвосхищающими, а интеллектуальные процессы, функционируя в данном контексте, приобретают характер эмоционального мышления [5] или же сложного процесса эмоциональной саморегуляции. Под саморегуляцией эмоционального состояния мы понимаем управление, как познавательными процессами, так и личностью: поведением, эмоциями и действиями.

Таким образом, эмоциональная устойчивость является результатом целостной функциональной системы эмоциональной саморегуляции напряженной и одновременно продуктивной

деятельности. Оно представляет собой системное качество личности, приобретаемое индивидом и проявляющееся у него в единстве эмоциональных, интеллектуальных, волевых и других отношений, в которые он вовлекается в условиях напряженной и нормальной трудовой деятельности.

Анализируя совокупность полученных фактов, в проведенной Моросановой В.И. работе, не вызывает сомнения, что эмоции имеют распространение регуляторной функции не только внутри системы психологической саморегуляции, но так же вне ее [20].

В процессе адаптации к условиям эмоциональной саморегуляции происходит становление ее психологической системы как деятельности, которая вступает в сложные межсистемные взаимодействия с профессиональной деятельностью, которые определяют стратегию и тактику адаптации. Психическая саморегуляция эмоционального состояния, взаимодействуя также с личностными и индивидуально-психологическими детерминантами, оказывает влияние на формирование новых адаптивных личностных свойств субъекта, определяющих надежность, работоспособность, эффективность профессиональной деятельности и устойчивость человека к воздействию различных факторов [31].

Наряду с адаптивными личностными свойствами, необходимо так же отметить эмоциональный опыт специалиста, который, на наш взгляд, оказывает влияние на развитие эмоциональной саморегуляции, обуславливающий продуктивность и успешность выполняемой профессиональной деятельности. В процессе эмоциональной саморегуляции напряженной деятельности зависимость программы действия от субъективной модели переживаемых условий опосредуется эмоциональным опытом, в котором свернуты интегративные успехи — неудачи с синкретическими полимодальными образами осуществленных ранее попыток. Эмоциональный опыт имеет определенное содержание, зависящее от уровня профессиональной подготовки специалиста, развития его профессиональной деятельности [21]. Можно полагать, что эмоциональный опыт индивидуален, он корректируется в соответствии с получаемой информацией. То есть, специалист профессиональной деятельности не только отображает состояния, воспринятого и понятого, но и то, что действительно прожито и пережито, тот жизненно-переживаемый опыт успехов и неудач, который он приобрел как личность, вступая при осуществлении как стрессовой, так и нормальной трудовой деятельности в разнообразные отношения.

Эмоциональные реакции на успех — неуспех являются основным стержнем формирования и развития эмоционального опыта.

Таким образом, можно предположить, что эмоции выполняют относительно самостоятельные функции в системе саморегуляции и подчиняются закономерностям, которые определяют направление и взаимное влияние компонентов в целостной структуре эмоциональной саморегуляции деятельности. Они участвуют в поиске закономерностей возможного ряда предметных ситуаций, в расчленении и интеграции стрессовых условий деятельности. Эмоции осуществляют упреждающее планирование, образование оперативности напряженного действия, свертывание рационального уровня регулирования и др. Как уже говорилось выше, процесс эмоциональной саморегуляции обуславливается эмоциональным опытом. В нем свернуты интегративные успехи — неуспехи осуществленных ранее попыток. Эмоциональный опыт имеет определенное содержание, зависящее от уровня профессиональной подготовленности человека. Следовательно, все перечисленные компоненты эмоциональной саморегуляции являются значимыми в достижении специалистом продуктивной и успешно профессиональной деятельности.

В связи с этим, перед практической психологией по развитию эмоциональной саморегуляции ставятся такие основные задачи:

- повышение эмоциональной устойчивости и соответственно эмоциональной саморегуляции должно быть связано с целенаправленным формированием процесса саморегуляции с включением человека в реальную деятельность. Целенаправленному формированию должно предшествовать усвоение знаний о целостном процессе саморегуляции напряженной деятельности, об отдельных его звеньях и связях между ними;

- эмоциональные механизмы, реализующие процесс саморегуляции или же его отдельные звенья, должны формироваться в результате анализа реально существующих напряженных обстоятельств, благодаря которым они становятся необходимыми;

- человек должен научиться конкретизировать ведущую переживаемую цель в системе производных эмоциональных характеристик, проявляющихся в таком единстве, которое обеспечивало бы гибкие переходы от цели к результату и наоборот.

Теоретическая значимость проработки настоящей проблемы, на наш взгляд, состоит в возможности создания теоретико-экспериментальных основ методологического анализа эмоциональной саморегуляции субъекта в профессиональной деятельности, как в

нормальных, так и в экстремальных условиях, что позволяет по новому подойти к решению психологических проблем адаптации человека к условиям профессиональной деятельности, повышения ее надежности, работоспособности и эффективности, а также устойчивости человека к воздействию стрессовых факторов.

Интерес к проблеме психической саморегуляции возрос за последние годы, о чем свидетельствует тот факт, что к феномену и понятию саморегуляции обращаются в своих исследованиях представители самых разных психологических дисциплин [4, 5, 7, 9, 13-15, 19, 28, 29, 31 и др.]. Особую роль в становлении современных представлений о саморегуляции сыграл системный подход, в рамках которого подчеркивается необходимость ее изучения как процесса, имеющего многоуровневую детерминацию [16].

В современной психологической науке в многочисленных исследованиях накоплен большой пласт знаний о саморегуляции человека, его организма и личности, психических явлениях разной сложности. В широком смысле понятие "психологическая саморегуляция" определяет высший уровень регуляции поведенческой активности биологических систем, отражающих качественную специфику реализующих ее психических средств отражения и моделирования действительности и самого себя, своей активности и деятельности, поступков, их оснований (П.К. Анохин, Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, Ж. Пиаже, Д. Ковач, О.А. Конопкин, С.Л. Рубинштейн, И.М. Сеченов и др.).

Анализ сложного и противоречивого процесса развития проблемы саморегуляции в психологии в аспекте ее психологического содержания позволяет дифференцировать основные направления ее развития. Ведущим направлением в этих исследованиях является изучение проблем саморегуляции психической деятельности человека, которые представлены в работах К.А. Абульхановой-Славской, Н.А. Бернштейна, О.А. Конопкина, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, Г.С. Никифорова, С.Л. Рубинштейна и др. Наиболее полно проблема саморегуляции в деятельностном аспекте представлена в структурно-функциональном подходе к анализу психической саморегуляции произвольной активности, разработанном О.А. Конопкиным и его последователями. Саморегуляция произвольной активности человека понимается ими как "системно организованный психический процесс по инициации, построению и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, которые направлены на достижение принимаемых субъектом целей" [22].

Перспективными для решения проблем саморегуляции являются фундаментальные исследования, реализующие основные принципы системного и субъектно-деятельностного подходов. В концепции функциональной системы П.К. Анохина и в модели построения движений Н.А. Бернштейна показано, как соотносятся высшие регуляторные системы субъекта с более низкими, физиологическими. На разных уровнях регуляции рассматриваются когнитивные процессы переработки информации в работах Б.Ф. Ломова, Е.Н. Суркова, В.Ф. Рубахина, Н.Д. Заваловой, В.А. Пономаренко, Д.Н. Завалишиной, В.А. Барабанщикова, Д.А. Ошанина, R.S. Lazarus, W.R. Reitman и др. Субъектный подход дает возможность реализовать в экспериментальных исследованиях саморегуляции в деятельности человека принципы активности, развития и показать, что именно они и составляют ядро саморегуляции (К.А. Абульханова-Славская, А.А. Асмолов, Л.И. Анциферова, А.В. Брушлинский, О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, Д.А. Ошанин, В.А. Петровский, Е.В. Шорохова и др.). Развитие субъектно-деятельностного подхода к исследованию психики человека выдвигает на первый план проблему психологических механизмов саморегуляции - важнейшего системного субъектного качества. При исследовании индивидуальных проявлений саморегуляции, в свою очередь, встает проблема их личностных детерминант как своеобразных модуляторов индивидуальной активности субъекта в процессе выдвижения и организации достижения произвольно выбранных целей поведения [2, 3, 7, 11, 16, 28, 29].

В настоящее время изучение психической саморегуляции и различных уровней психического отражения (ощущения и восприятия, представлений и речемыслительных процессов, психического состояния и эмоций) является одним из ведущих направлений в исследованиях надежности человека-специалиста. Психологические вопросы регуляции и саморегуляции деятельности человека-специалиста в плане повышения его эффективности и надежности последовательно изучаются в целом ряде работ (М.А. Котик, Н.Ф. Круглова, Б.Ф. Ломов, В.Л. Марищук, В.Д. Небылицын, Г.С. Никифоров, В.Ф. Рубахин и др.) [16, 26]. В последние годы в связи с возрастающим значением проблемы повышения надежности человека в экстремальных и нормальных условиях деятельности существенно возрос интерес к проблеме эмоциональной саморегуляции, так как именно в этих условиях роль эмоционального состояния в обеспечении профессиональной деятельности становится значимой (В.А. Бодров, В.А. Глазкова, Л.Б. Ительсон, Г.С. Никифоров, А.К.

Полыпин, С.В. Сергеев, Л.И. Филимонок, Л.С. Хачатурьянц, В.В. Чебышева и др.) [4, 26].

Кроме того, имеются исследования, в которых психическую саморегуляцию состояния изучают как специфическую активность субъекта, направленную на преобразование своего состояния, то есть как действие и включают его в структуру деятельности (Е.П. Ильин, А.Б. Леонова, В.И. Медведев, Ю.Я. Стрелков и др.), как дополнительный вид деятельности, направленный на восстановление сил организма и активизацию работоспособности (С.И. Крапивинцева), как преобразовательскую деятельность, в которой объектом является организация функций самого субъекта (В.К. Калинин). По существу, именно возможность изменения степени субъектной активности и преодоления на этой основе негативных для достижения цели особенностей саморегуляции - это и есть собственно сущностная характеристика человека как субъекта достижения цели. И здесь на первый план детерминантой таких изменений выступают не столько динамические, сколько содержательные аспекты личности, в том числе потребностно-мотивационная сфера. Ее структура формируется в процессе жизнедеятельности, актуализируется при решении конкретной задачи в зависимости от ее личностной значимости и может модулировать как степень индивидуальной саморегуляции, так и регуляторный профиль. На этом пути возникает много интересных и нуждающихся в исследовании вопросов [15].

Данные исследования, безусловно, внесли существенный вклад в разработку психологических проблем саморегуляции деятельности и функционального состояния. Но в то же время нельзя не отметить их направленность на решение частных вопросов: разработку психофизиологических методов саморегуляции состояния человека, применение психотехнических методик для коррекции, компенсации или лечения последствий экстремальных воздействий, эмоциональной регуляции состояний в учебной, спортивной и отдельных простейших видов профессиональной деятельности (преимущественно в нормальных условиях). Данные исследования также ограничены доминированием анализа психологической саморегуляции психического состояния без рассмотрения взаимосвязи психологической структуры эмоциональной саморегуляции с деятельностью и личностью субъекта.

Таким образом, следует сделать вывод о необходимости разработки новых теоретических и методологических подходов к исследованию эмоциональной саморегуляции состояния субъекта в ее взаимосвязях с регуляторными механизмами профессиональной

деятельности, индивидуально-личностными свойствами. Особо актуальным решение этих задач становится в настоящее время для обеспечения надежности, работоспособности специалиста и повышения его продуктивности и успешности, а также устойчивости к воздействию стрессовых факторов в различных видах профессиональной деятельности.

Список литературы:

1. Аболин Л. М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека / Под ред. В. В. Давыдова. Казань, 1987. 262 с.
2. Абульханова К.А. С.Л. Рубинштейн - ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред.А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Изд-во "Академический проект", 2000. С. 11-26.
3. Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена "субъект" и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Изд-во "Академический проект", 2000. С. 27-42.
4. Бодров В.А., Обознов А.А. Система психической регуляции стрессоустойчивости человека-оператора // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 4. С.32-40.
5. Голиков Ю.Я., Костин А.Н. Особенности психической регуляции и классы проблемностей в сложной операторской деятельности // Психол. журн. 1994. Т. 15. №2. С. 3-16.
6. Деркач А.А., Зазыкин В.Г., Маркова А.К. Психология развития профессионала. - М.: РАГС, 2000; Деркач А.А., Зазыкин В.Г. Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях. – М.: РАГС, 1998.
7. Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А. Образ в системе психической регуляции деятельности. М.: Наука, 1986.
8. Запорожец А. В. Психическое развитие ребенка. М., 1986. Т. 1. С. 258—284
9. Карпов А.В. Психология принятия управленческих решений. М., 1998.
10. Климов Е.А. Психология профессионала. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
11. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980. 256 с.

12. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5-12.
13. Корнилова Т.В., Парамей Г.В., Ениколопов С.Н. Апробация методики А. Эдвардса "Список личностных предпочтений" на российских выборах // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 2. С. 142-151.
14. Крупнов А.И. Целостно-функциональный подход к изучению свойств личности // Системные исследования свойств личности. М., 1994. С. 9-23.
15. Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М., 1984
16. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
17. Маркова А. К. Психология профессионализма. — М.: 1996
18. Мильман В. Э. Стресс и личностные факторы регуляции деятельности // Стресс и тревога в спорте. М., 1983. С. 24—46.
19. Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегулирования личности // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 121-127.
20. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 4. С. 26-35.
21. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М., 1998.
22. Моросанова В.И., Агафонова А.О. Индивидуальные особенности саморегуляции и личностные защиты // Регуляция психических состояний / Под ред. А.О. Прохорова. Казань, 2001. Вып. 3.
23. Моросанова В.И., Зателепина Н.В. Структура мотивации и саморегуляции поведения человека // Социальная психология в периоды кризиса общества: Тез. докл. Всероссийской науч. конф. (Набережные Челны, 21-23 августа 2000 г.) / Под ред. В.В. Новикова, М.Г. Рогова, Г.С. Прыгина и С.П. Дырина. Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2000. С. 187-188.
24. Моросанова В.И., Коноз Е.М. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. 2000. №2. С. 118-127.

25. Моросанова В.И., Холопова Е.Н. Стиль саморегуляции и успешность предвыборной борьбы // Психологические аспекты социальной нестабильности. М., 1995. С. 110-120.
26. Никифоров Г. С. Психология здоровья. – СПб.: Речь, 2002. – 256 с
27. Писаренко В. М. Роль психики в обеспечении эмоциональной устойчивости человека // Психол. журн. 1986. Т. 7. № 5. С. 62—72.
28. Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Изд-во "Академический проект", 2000.
29. Сергиенко Е.А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Изд-во "Академический проект", 2000. С. 184-202.
30. Харькин В. П., Гройсман А.Л. Тренинги самооздоровления и самосозидания.- М.: 1999.
31. Шапкин С.А., Дикая Л.Г. Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегий адаптации // Психол. журн. 1996. Т. 17. № 1. С. 19-34.
32. Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. М., 1971. 222 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛА НА ПРЕДПРИЯТИИ

Соловьев Владислав Юрьевич

аспирант, УРАО «Психологический институт», г. Москва

E-mail: vlad_solovyov84@mail.ru

В настоящее время в практике обучения сотрудников в организациях достаточно серьезное внимание уделяется проведению различного рода тренингов, которые в основном направлены на отработку необходимых в работе навыков.

Наша работа проводится в рамках концепции профессионального развития Л.М. Митиной, которой выделены интегральные личностные характеристики: **направленность**,

компетентность, гибкость. Основным условием их развития является повышение уровня **самосознания** личности, что делает человека активным творцом своей профессиональной деятельности [2; 3].

Остается несомненным тот факт, что возросшие запросы современного рынка труда, требуют перехода от так называемой *«знаниевой модели»* обучения на *личностно-развивающую*. Поэтому во многих организациях, стремящихся активно управлять профессиональным развитием своих сотрудников с целью повышения их конкурентоспособности, возрастает интерес к проведению внутрифирменного обучения с применением тренингов, направленных на развитие интегральных личностных характеристик как первоосновы успешности дальнейшей профессионализации.

В связи с тем, что оценка результатов воздействия тренинга является достаточно трудоемкой задачей, очень остро стоит проблема определения его эффективности. Применение в рамках личностно-развивающего подхода тренинг-семинаров ставит перед нами задачу выявления оценки в первую очередь психологической эффективности проведенного внутрифирменного обучения.

Оценка эффективности внутрифирменного обучения представляет собой отдельную проблему, которая занимает крайне важное место при проведении психологических исследований в организациях. Это связано, в первую очередь, с определением того, насколько поставленные перед исследователем задачи были решены и степенью экономической выгоды для организации от проведенных психологических процедур. Зачастую главное внимание специалистов сосредоточено на этапе разработки и организационных моментах внедрения тренингов и других специализированных занятий, а этапу оценки их эффективности отведена незначительная роль, которая в основном отражена в степени удовлетворенности участников от проведенных тренинговых занятий. Однако данная позиция не является достаточно убедительной и не говорит о действительной необходимости такой работы, поэтому внутрифирменное обучение персонала организации, основанное на тренинговой работе, должно опираться на четко сформулированные количественные и качественные критерии его эффективности.

Кроме того, при оценке эффективности внутрифирменного обучения важно рассматривать все многообразие факторов, которые влияют на процесс организации обучения, реализацию его результатов в практической деятельности (факторы внешней среды, внутриорганизационные, личностные факторы и др.).

Можно выделить два основных критерия эффективности внутрифирменного обучения, а именно: психологический и экономический, – которые находятся в тесной взаимосвязи друг с другом.

К **психологическому критерию** эффективности внутрифирменного обучения относятся изменения на следующих уровнях, выделенных Л.М. Митиной [3]:

1) направленность (система эмоционально-ценных отношений, задающая иерархическую структуру доминирующих мотивов личности, побуждающих личность к ее утверждению в деятельности и общении);

2) компетентность (знания, умения, навыки, а также способы и приемы их реализации в деятельности, общении, развитии (саморазвитии) личности);

3) гибкость (оптимальное сочетание вариативности поведения, эмоций, интеллектуальных проявлений эмоций).

Данные интегральные личностные характеристики способствуют и обуславливают профессиональное развитие сотрудников организации, которое понимается нами как непрерывный процесс самопроектирования личности.

Применение технологии профессионального развития личности позволяет трансформировать адаптивное поведение сотрудников организации в поведение, направленное на самореализацию в профессии.

Данная технология конструктивного изменения поведения, которая обуславливает профессиональное саморазвитие, включает в себя [1; 2; 3]:

I. Четыре стадии изменения поведения человека.

1. **Подготовка.** До начала активного включения личности в процесс изменения собственного поведения необходимо выяснить степень его готовности к такому изменению и степень осознания им необходимости изменения в поведении.

2. **Осознание.** Уровень осознания существенно повышается благодаря наблюдению, противопоставлению, интерпретации точек зрения, позиций, способов и приемов восприятия и поведения, которые обсуждаются в малых группах. Оценивание альтернатив нежелательному поведению и рост собственных профессиональных и личностных возможностей в связи с отказом от привычных форм поведения.

3. **Переоценка.** Появление тенденции к переоценке нежелательного влияния собственного поведения на непосредственное

окружение и собственную личность. Выбор и принятие решения, как действовать по-новому, – основной результат этой стадии.

4. **Действие.** Возможность апробирования и закрепления новых способов поведения в своей практической деятельности.

II. Процессы, происходящие на каждой стадии (мотивационные, когнитивные, аффективные, поведенческие).

III. Комплекс методов воздействия (традиционные и активные).

Фундаментальным психологическим условием развития интегральных личностных характеристик является повышение уровня **самосознания** личности.

Для оценки динамики психологических изменений по результатам тренинговой работы необходим комплекс диагностических методик, направленных на изучение изменений на уровне интегральных личностных характеристик (направленность, компетентность и гибкость) и уровня самосознания.

К **экономическому критерию** эффективности внутрифирменного обучения относится отношение полученного экономического эффекта к затратам ресурсов, определивших получение этого эффекта, в результате более продуктивной деятельности работников. Иначе говоря, экономическая эффективность определяется по следующей формуле:

$$\text{ЭЭ} = \Sigma_1 - (\Sigma_2 + \Sigma_3), \text{ где}$$

ЭЭ – экономическая эффективность;

Σ_1 – результативность деятельности работника после проведения внутрифирменного обучения;

Σ_2 – результативность деятельности работника до проведения внутрифирменного обучения;

Σ_3 – сумма средств, потраченных на организацию внутрифирменного обучения.

Таким образом, в результате сравнения «входных» и «выходных» показателей результативности деятельности работника с общей суммой затраченных на обучение средств определяется экономическая эффективность внутрифирменного обучения.

Следует особо обратить внимание на то, что экономическая эффективность является производной от психологической, т.к. положительные изменения в структуре личности сотрудников посредством тренинговых мероприятий благоприятным образом отражаются на их деятельности, повышая ее результативность.

Очевидно, что процесс определения результативности деятельности является достаточно трудоемким процессом и не всегда поддающимся экономической оценке. Поэтому необходимо изучать данные профессиографических исследований для подбора адекватного инструментария оценки экономического эффекта результативности работника в своей профессиональной деятельности.

Для наиболее полного представления об обобщенной оценке эффективности внутрифирменного обучения соотнесем ее с организацией основных этапов внутрифирменного обучения.

Проведенный анализ литературы позволяет выделить следующие этапы внутрифирменного обучения [4; 5; 6; 7]:

- 1). Анализ потребности в обучении;
- 2). Постановка целей;
- 3). Выбор форм и методов обучения (пр.: тренинг-семинар);
- 4). Анализ затрат и принятие решения о проведении обучения;
- 5). Проведение тренинговых занятий;
- 6). Применение результатов тренинговой работы в практической деятельности (**оценка психологической и экономической эффективности**);
- 7). Подведение итогов.

В заключение хочется отметить, что, как правило, обобщенную оценку эффективности внутрифирменного обучения (психологическую и экономическую) нужно провести на заключительном этапе работы и здесь очень важно отразить данные критерии оценки в их динамике, а также убедиться в степени достоверности и надежности полученных в итоге проведения внутрифирменного обучения результатов. В связи с этим при оценке его эффективности нельзя обойтись без адекватного использования статистических методов обработки данных.

Таким образом, можно отметить, что критерии эффективности внутрифирменного обучения персонала разрабатываются, исходя из первоначально сформулированных целей и задач обучения, а, главное, – особенностей конкретной организации и конкретной профессии. Кроме того, для психологического сопровождения деятельности сотрудников организации главным является, в первую очередь, оценка именно психологического критерия эффективности проведенного обучения.

Список литературы:

1. Личность и профессия: психологическая поддержка и сопровождение [Текст] / Под. ред. Л. М. Митиной. – М.: ИЦ «Академия», 2005.

2. Митина Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности [Текст]. – М.: МПСИ; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2002.
3. Психотехнологии и психотехники профессионального развития личности [Текст] / Под ред. Л.М. Митиной, С.А. Подосинникова. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008.
4. Сафонова М.Ю. Оценка эффективности внутрифирменного обучения [Текст]: Дис. ... канд. экон. наук. – М., 2003.
5. Hamblin A.C. Evaluation and control of training. Maidenhead [Text]: McGraw-Hill, London, 1974.
6. Kirkpatrick D.L. Evaluating training programs [Text]: The Four Levels. San Francisco, CA: Berrett-Koehler, 2000.
7. Warr P., Bird M. and Rackham N. Evaluation of management training [Text]. London, Gower Press, 1997.

СЕКЦИЯ 5: ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ С ОТКЛОНЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ

Бетин Александр Петрович

*к.п.н., директор ТОГОУ СПО МК им. И.Т.Карасева
Тамбовская область, Тамбовский район, п. Строитель
E-mail: TambMK@yandex.ru*

Долгая Галина Александровна

*первый заместитель директора ТОГОУ СПО МК им.
И.Т.Карасева
Тамбовская область, Тамбовский район, п. Строитель
E-mail: TambMK@yandex.ru*

Ерохина Наталья Николаевна

*заведующая отделением ТОГОУ СПО МК им. И.Т.Карасева
Тамбовская область, Тамбовский район, п. Строитель
E-mail: ErohinaNN@yandex.ru*

Переход к рыночной экономике в стране предъявляет существенно более высокие требования к трудовой активности и профессионализму работников производственного и обслуживающего труда, что затрудняет трудоустройство и самостоятельную трудовую деятельность выпускников специальных (коррекционных) образовательных учреждений. Сложившаяся практика обучения в настоящее время не отвечает в полной мере возросшим требованиям. Это делает в высшей степени актуальной проблему коренного изменения подготовки обучающихся с отклонениями в развитии к самостоятельной жизни. Данные катамнеза свидетельствуют о том, что большинство выпускников коррекционных образовательных учреждений способны к овладению профессией и могут успешно работать на многих производственных предприятиях. В тоже время их возможности в профессиональной подготовке существенно ограничены, что проявляется в следующем: во-первых, в сужении выбора видов доступного профессионального труда; во-вторых, в медленном темпе обучения и больших трудностях при овладении

учебным материалом на уровне, достаточном для самостоятельной деятельности.

Повышенные требования к качеству, производительности и мобильности труда рабочих в современных промышленных условиях сделали ранее существующую систему трудовой подготовки обучающихся с отклонениями в развитии малоэффективной.

Решением коллегии Минобразования России от 09.02.99г. №3/1 «О психолого-педагогической и социальной адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья средствами образования» рекомендовано продолжать трудовое обучение выпускников специальных (коррекционных) образовательных учреждений в разных формах на базе учреждений начального профессионального образования.

Многопрофильный колледж имени И.Т.Карасева более 40 лет находится на рынке образовательных услуг. За последние пять лет инженерно-педагогическим коллективом был накоплен значительный опыт в организации трудового обучения подростков с ограниченными возможностями. Трудовое обучение ведется по специальным учебным планам и программам, учитывающим психолого-педагогические и физиологические особенности и организовано в двух формах: профессиональная подготовка и начальное профессиональное образование.

Профессиональная подготовка для воспитанников интернатных учреждений с сохранным интеллектом осуществляется по рабочим профессиям «Кондитер», «Облицовщик-плиточник», «Исполнитель художественно-оформительских работ». Обучение рассчитано на два учебных года, занятия проводятся на базе колледжа, при этом обучающиеся продолжают проживать в интернате. Такая форма трудового обучения позволяет педагогам обоих образовательных учреждений продолжить формирование норм поведения у подростка, способствовать его социальной адаптации.

Реализуемые колледжем образовательные программы начального профессионального образования по профессии «Мастер строительных отделочных работ» для коррекционно-развивающих групп предполагает минимум часов на общеобразовательные дисциплины и максимум на трудовую подготовку. Обязательным для изучения остается технология производства («Технология штукатурных работ», «Технология малярных работ»), но основное внимание уделяется отработке практических умений и навыков.

Коррекционно-развивающее трудовое обучение представляет собой симбиоз организации образовательного процесса, в котором

соединяются общеучебные, диагностические, охранные, социальные, развивающие стратегии обучения. Реализация такого вида обучения является результатом совместной работы администрации колледжа, социальных педагогов, психолога, медицинского работника. Трудовое обучение строится с учетом состояния риска, который по уровню проявления подразделяется на следующие виды:

- состояния риска академической неуспешности, возникающие в случаях несоответствия дидактических требований, предъявляемых к подростку, уровню зрелости психофизиологических, общедеятельностных и интеллектуально-перцептивных функций, обеспечивающих процесс обучения;

- состояния социального риска, возникающие как протест против высоких требований на личностном, поведенческом уровне и проявляющиеся в форме активного или пассивного сопротивления общепринятым нормам либо поведения, либо взаимодействия с другими участниками процесса обучения;

- состояния риска по здоровью, которые являются следствием работы в режиме сверхнапряжения, обусловленного либо общей психосоматической ослабленностью подростка, либо завышенными притязаниями взрослых или собственной высокой мотивацией обучающегося. При этом подростки не могут справиться с предъявляемыми им требованиями и решают поставленные перед ними учебные задачи путем предельной мобилизации всех систем организма, в результате чего происходит нарушение в работе одной или нескольких наиболее слабых систем;

- состояния комплексного риска, включающие в себя риск адаптационных нарушений по двум или трем перечисленным направлениям.

Предпосылки и причины возникновения ситуаций и состояний риска весьма многообразны, поскольку отражают реалии, сложившиеся в обществе и педагогической практике, поэтому трудовое обучение интегрирует в себе три основные части: обучение, воспитание и развитие. Обучение непосредственно направлено на формирование профессионального опыта, а воспитание и развитие осуществляются опосредованно. Все три процесса - воспитание, обучение и развитие – выступают как единый, органичный механизм, в связи с чем, разграничивать эти процессы практически невозможно и нецелесообразно в условиях динамики срабатывания системы.

Такая интеграция позволяет продуктивно решать ряд социально-психологических и образовательных задач, таких как:

- формирование у обучающихся адекватной картины мира;

- развитие человека, способного оценивать общественные ситуации;-
- организация особой среды обучения и воспитания, создающей условия для наиболее полной реализации социальных потребностей обучающихся;
- коррекция мотивов, психических состояний через развитие творческих возможностей каждого обучающегося;
- формирование профессионально значимых навыков и умений, создающих платформу для их самостоятельной деятельности;
- снижение уровня конфликтности между подростком и средой, выработка устойчивости психики в процессе разрешения конфликтных ситуаций, развитие мотивов социальной адаптации и повышение ее уровня.

В настоящее время, когда наблюдается непрерывный рост количества детей и подростков, имеющих различные отклонения в развитии, важно определить принципиальные направления в разработке подходов трудового обучения, учитывающие как накопленный опыт, так и новые тенденции в развитии коррекционной психологии и педагогики. В этом контексте в колледже наряду с разнообразием конкретных методических путей в коррекционно-развивающей работе есть психолого-педагогические принципы:

- введение в содержание обучения разделов, которые предусматривают восполнение пробелов предшествующего развития, формирование готовности к восприятию наиболее сложного программного материала;
- использование методов и приемов обучения с ориентацией на «зону ближайшего развития» подростка, создание оптимальных условий для реализации его потенциальных возможностей;
- определение оптимального содержания учебного материала и его отбор в соответствии с поставленными задачами.

Таким образом, в основе образовательной среды находится обучающийся с его ограниченными возможностями и особенностями, а образовательная система призвана адаптироваться к нему, создавая условия для развития личности и компенсации дефектов. Интеграция в образовательную среду здоровых людей означает процесс и результат предоставления подростку прав и реальных возможностей участвовать во всех видах и формах социальной жизни наравне и вместе с остальными участниками учебного процесса в условиях, компенсирующих отклонения в развитии и ограничении его возможностей.

Список литературы:

1. Екжанова Е.А. Системный подход к разработке программы коррекционно – развивающего обучения детей с нарушением интеллекта // Дефектология. – 1999. - №6 – с.25.
2. Кумарина Г.Ф. Теоретические основы компенсирующего обучения // Компенсирующее обучение: опыт, проблемы, перспективы. - М.: РИПКРО, 2005.
3. Организация групп коррекционно-развивающего обучения в учреждениях начального и среднего профессионального образования / Авторы-составители: Данилова Т.Н., Южакова Т.Н. – Тамбов: ТОИПКРО, 2009.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛЮДЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Бучкина Ирина Петровна

к.п.н., доц. СПбГУ, г. Санкт-Петербург

E-mail: irina_buchkina@mail.ru

Негативные социальные установки среди здоровых людей по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья выявлены в большинстве исследований, посвященных данной проблематике. К негативным установкам относят в том числе амбивалентное и безразличное отношение.

Отмечается, что людям с ограниченными возможностями здоровья часто приписываются такие черты, как зависть, недоверие к здоровым, недостаток инициативности, повышенное чувство жалости к самому себе, чрезмерная требовательность при выполнении своих желаний. При социальном взаимодействии с людьми, имеющими особые потребности, здоровые стремятся поскорее его прекратить, используют меньший, чем обычно, словарный запас, выражают не собственное мнение, а то, которое, им кажется, должно нравиться инвалиду [2,4].

Наше собственное исследование, в котором для изучения аттитудов молодых здоровых людей по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья использовался «Семантический дифференциал», показало, что к разным категориям

людей с ограниченными возможностями здоровья имеются разные установки. Так, негативные аттитюды выявлены по отношению к умственно отсталым людям, людям с детским церебральным параличом и к инвалидам в целом. Данные группы являются самыми неблагоприятными с точки зрения отношения к ним здоровых респондентов. Менее выраженное негативное отношение, чем к перечисленным выше группам, выявлено по отношению к слепым людям. По отношению к глухим людям обнаружено индифферентное, безразличное отношение. Позитивных компонентов в социальных установках здоровых молодых людей по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья не выявлено. Половых различий в социальных установках к разным категориям людей с ограниченными возможностями здоровья не выявлено.

Таким образом, исследование, проведенное нами, подтверждает уже описанные в психологической литературе особенности установок здоровых людей по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья.

Негативные социальные установки по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья являются неблагоприятным фактором, отрицательно влияющим на социальную адаптацию и интеграцию людей с ограниченными возможностями здоровья. Необходимо улучшение социальных установок по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья.

Рассмотрим современные подходы к решению проблемы изменения социальных установок.

Под *социальными установками* мы понимаем определенное состояние психики, выражающее готовность к действию, организованное на основе предшествующего опыта и оказывающее направляющее и динамическое влияние на поведение человека по отношению к социальным объектам. Социальная установка, или аттитюд, имеет трехкомпонентную структуру: а) когнитивный компонент (осознание объекта социальной установки); б) аффективный компонент (эмоциональная оценка объекта, выявление чувства симпатии или антипатии к нему); в) поведенческий компонент (последовательное поведение по отношению к объекту) [1,3].

Проблема изменения социальных установок представляется традиционной для социальной психологии, в рамках которой выдвинуто много различных моделей объяснения процесса изменения социальных установок. Эти объяснительные модели строятся, в основном, в русле двух основных теоретических ориентаций - бихевиористской и когнитивистской.

В бихевиористски ориентированной социальной психологии (К. Ховланд) в качестве объяснительного принципа для понимания факта изменения аттитюдов используется принцип научения: аттитюды человека изменяются в зависимости от того, каким образом организуется подкрепление той или иной социальной установки. Меняя систему вознаграждений и наказаний, можно влиять на характер социальной установки, изменять ее. Критические соображения относительно ограниченности принципа подкрепления хорошо известны. Если всякий аттитюд формируется на основе предшествующего жизненного опыта, социального по своему содержанию, то изменение возможно также лишь при условии “включения” социальных факторов. Подкрепление в бихевиористской теории не связано с такого рода факторами.

В когнитивистской традиции объяснение изменению социальных установок дается в терминах так называемых “теорий когнитивного диссонанса” (Ф. Хайдер, Г. Ньюком, Л. Фестингер, Ч. Осгуд, П. Танненбаум). Изменение установки всякий раз происходит в том случае, когда в когнитивной структуре индивида возникает несоответствие: например, сталкивается негативная установка на какой-либо объект и позитивная установка на лицо, дающее этому объекту позитивную характеристику. Несоответствие может возникать и по другим причинам. Стимулом для изменения является потребность индивида в восстановлении когнитивного консонанса, то есть упорядоченного, “однозначного” восприятия внешнего мира. При принятии такой объяснительной модели все социальные детерминанты изменения социальных установок исключаются [1,3].

Андреева Г.М. [1] справедливо указывает, что для того чтобы можно было найти адекватный подход к проблеме изменения социальных установок, необходимо очень четко представить себе специфическое социально-психологическое содержание этого понятия, которое заключается в том, что данный феномен обусловлен как фактом его функционирования в социальной системе, так и свойством регуляции поведения человека. Поэтому в отличие от социологического описания изменения социальных установок недостаточно выявить только совокупность социальных изменений, предшествующих изменению аттитюдов и объясняющих их. Вместе с тем, в отличие от общепсихологического подхода также недостаточно анализа лишь изменившихся условий “встречи” потребности с ситуацией ее удовлетворения.

Изменение социальной установки должно быть проанализировано как с точки зрения содержания объективных

социальных изменений, затрагивающих данный уровень диспозиций, так и с точки зрения изменений активной позиции личности, вызванных не просто "в ответ" на ситуацию, но в силу обстоятельств, порожденных развитием самой личности. Выполнить обозначенные требования анализа можно при одном условии: при рассмотрении установки в контексте деятельности. Если социальная установка возникает в определенной сфере человеческой деятельности, то понять ее изменение можно, проанализировав изменения в самой деятельности. Среди них в данном случае наиболее важно изменение соотношения между мотивом и целью деятельности, ибо только при этом для субъекта изменяется личностный смысл деятельности, а значит, и социальная установка. Такой подход позволяет построить прогноз изменения социальных установок в соответствии с изменением соотношения мотива и цели деятельности, характера процесса целеобразования. [1,3].

Разработаны и апробированы подходы к практическому решению рассматриваемой проблемы. Отмечается, что в работе по улучшению установок, направленных на людей с ограниченными возможностями здоровья, должны участвовать обе стороны - и здоровые люди, и люди с особыми потребностями. Большая роль отводится обучению людей с ограниченными возможностями здоровья социальным навыкам, основным правилам общения, навыкам саморегуляции. Человек с положительной «Я-концепцией», уверенный в себе, не принимающий роль «ущербного», «психологически благополучный», несмотря на определенные ограничения своих возможностей, будет восприниматься окружающими положительно.

Социальные установки здоровых людей по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья можно улучшать разными способами, такими как: предоставление адекватной информации о разных вариантах нарушенного развития; непосредственный контакт с людьми, имеющими ограниченные возможности здоровья, а также оказание им помощи; познание личностных особенностей, способностей, проблем людей, имеющих особые потребности; использование ролевых игр, в ходе которых здоровый человек проигрывает разные житейские ситуации из жизни людей с ограниченными возможностями здоровья. Отмечается особая значимость непосредственного контакта с человеком, имеющим ограниченные возможности здоровья. При этом речь идет о длительном контакте, дающем возможность взаимопомощи. Особенно эффективно сочетание подобного контакта с предоставлением адекватной информации о нарушениях развития. [2,4].

Исходя из всего вышесказанного, нами было предпринято экспериментальное исследование изменения социальных установок здоровых молодых людей по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья.

Нами изучалось изменение установок здоровых молодых людей по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья после специального занятия, в ходе которого мы рассказывали об одном из вариантов нарушенного развития: о синдроме Дауна и демонстрировали документальный фильм о людях с этим синдромом. Для оценки изменения установок мы использовали «Шкалу социальной дистанции Богардуса» и «Семантический дифференциал».

Выявлено, что информирование о синдроме Дауна и знакомство с жизнью и проблемами реальных людей, страдающих этим синдромом, приводит к позитивным изменениям в установках здоровых молодых людей не только по отношению к людям с синдромом Дауна, но и по отношению к инвалидам в целом.

Позитивные изменения установок здоровых молодых людей по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья проявлялись в сокращении социально-психологической дистанции между респондентами и людьми, имеющими синдром Дауна и инвалидность в целом. Методика «Шкала социальной дистанции Богардуса», использовавшаяся нами, предполагает 7 уровней возможной социально-психологической дистанции между людьми: принятие как близких родственников посредством брака; как личных друзей; как соседей, проживающих на моей улице; как коллег по работе, имеющих ту же профессию, что и я; как граждан моей страны; только как туристов в моей стране и предпочтение не видеть в моей стране. После нашего занятия по отношению к людям с синдромом Дауна социально-психологическая дистанция сдвинулась от «коллеги» к «соседу», а по отношению к инвалидам в целом - от «соседа» к «другу».

Позитивные изменения установок здоровых молодых людей по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья были выявлены также и по результатам методики «семантический дифференциал». После занятия обнаружены более позитивные эмоциональные оценки людей с синдромом Дауна и инвалидов в целом.

Результаты данного экспериментального исследования представляют большой практический интерес, так как подтверждают возможность целенаправленного улучшения социальных установок здоровых людей по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья.

Список литературы:

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1994.
2. Добровольская Т.А., Шабалина Н.Б. Инвалид и общество: социально- психологическая интеграция //Социологические исследования. 1988. №2. С.4-8.
3. Журавлева А.Л. Социальная психология. М., 2002.
4. Шпек О. Люди с умственной отсталостью. М., 2003.

ПРОГРАММА ПРОФИОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ С ВОСПИТАННИКАМИ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Демидова Ирина Феликсовна

К.психол.н., доцент ТИУиЭ, г.Таганрог

E-mail: idema@list.ru

В настоящее время большинство подростков испытывают трудности с выбором профессии, а уж воспитанники детских домов, имеющие ограниченные социальные связи, не просто испытывают подобные трудности, но и зачастую дезориентированы в мире профессий, не владеют элементарными знаниями и навыки осуществления выбора, целеполагания, имеют неразвитое самосознание. Им требуется квалифицированная помощь по развитию соответствующих навыков и самосознания, на основе которых они смогут сознательно выбрать будущую профессию. Для оказания помощи подросткам и старшеклассникам в выборе профессии, особенно воспитанникам детских домов, мы разработали проект «Моя профессия».

Социальный проект «Моя профессия» предназначен для детей без родителей, сирот в возрасте от 14 до 17 лет, находящихся на этапе выбора профессии. Также он может применяться в общеобразовательных школах для работы с подростками.

Цель – оказание помощи подросткам в выборе профессии.

Задачи проекта:

- 1) познакомить подростков с технологией выбора профессии;
- 2) расширить их самосознание, обучить самопознанию, оценке своих личностных качеств, достоинств и недостатков;

- 3) познакомить с рынком профессий в их городе, расширить их знания об имеющихся профессиях;
- 4) научить ставить цели, разрабатывать программы их осуществления, видеть трудности на пути достижения цели и преодолевать их;
- 5) помочь определиться с будущей профессией.

Проект состоит из нескольких этапов.

1. Вводная часть.
2. Тренинг самопознания.
3. Практические занятия «Знакомство с профессиями».
4. Тренинг целеполагания.
5. Завершающая часть «Выбор профессии».

Длительность проекта 26 часов (без учета посещения предприятий города), 13 занятий по 2 часа каждое. В случае если работа продвигается быстрее или медленнее, длительность проекта можно изменить (сократить или увеличить). Необходимое условие осуществления проекта – полное прохождение всех этапов. В случае возникновения специфических, непредвиденных проблем, в проект вносятся изменения, направленные на решение этих проблем.

Содержание проекта

1. Вводная часть (2 часа).

Рассказ школьникам о целях и задачах проекта, о необходимости сознательного выбора профессии. Упражнение – презентация «Моя будущая профессия». В конце занятия подростков знакомят с алгоритмом выбора профессии.

2. Тренинг самопознания (8 часов).

Цель – расширить самопознание, помочь осознать свои интересы, способности, качества, необходимые для будущей профессии.

Тренинг включает

а) методики психодиагностики: ДДО Е.А.Климова, «Карта интересов» А.Голомштока, «Ориентационная анкета» В.Смеайла и М.Кучера [2].

б) упражнения на развития самопознания «Кто я?», «Важные качества», «Позитивное Я», «Признание заслуг», «Мой портрет в лучах солнца», «Выявление способностей», «Легенда», «Человек – профессия», «Автопортрет», «Кто есть кто?» [4].

Заканчивается тренинг мини-презентацией «Я хочу вам рассказать о себе».

3. Практические занятия «Знакомство с профессиями» (6 часов)

Данные занятия включают в себя рассказ представителя Центра Занятости населения города о рынке профессий, о самых востребованных профессиях, о проблемах, с которыми сталкиваются люди при поиске работы, о перспективах развития рынка труда и профессий (2 часа).

Далее подростки выполняют упражнения «Угадай профессию», «Профессия на букву...», «Самая – самая», «Цепочка профессий», «Будь готов». Также каждый выбирает профессию и готовит рассказ о ней на основе упражнений «Профессиограмма», «Факторы привлекательности профессии» [3]. (4 часа).

В заключение для подростков организуют ряд экскурсий на предприятия и организации города, где их непосредственно знакомят с профессиями на рабочих местах. Данные мероприятия не входят в общее количество часов, отводимых на программу, поскольку предусмотреть заранее время, которое будет необходимо для этих посещений, невозможно.

4. Тренинг целеполагания (6 часов).

Цель тренинга – научить подростков ставить цели, намечать программу их реализации, предвидеть трудности на пути их достижения.

Тренинг включает следующие упражнения: «Карта желаний», «Мои желания», «Пространство жизни», «Мое будущее», «Пять шагов», «Этапы планирования успеха», «Технология превращения мечты в цель», «Ловушки – капканчики» [1; 3]. В конце тренинга подростки формулируют профессиональную цель, планируют этапы ее достижения и преодолевают трудности.

5. Завершающая часть «Выбор профессии» (4 часа).

Подростки показывают, чему они научились за время участия в программе. Они выполняют упражнение «Восьмиугольник основных факторов выбора профессии» (по Е.А.Климову) [3, с.370], а также вторично готовят презентацию «Моя будущая профессия» с опорой на алгоритм выбора профессии и полученные знания и умения.

Работа с подростками начинается с разъяснения целей и задач проекта. Необходимо позаботиться о том, чтобы заинтересовать школьников, показать им недостаточность их знаний по выбору профессии. На наш взгляд, целесообразнее сразу начать с упражнения – презентации «Моя будущая профессия». Ее результаты покажут подросткам все пробелы в их готовности к выбору профессии. Затем уже можно переходить к рассказу о целях и задачах. Мы предлагаем следующий вариант перехода к работе (не обязательный для всех, он предлагается только как пример).

«Итак, как же выбрать правильно профессию? Что надо знать? Оказывается, очень много: что это за профессия, каково её содержание, что делает человек, работая по этой профессии; какие надо иметь знания, умения, личностные качества, чтобы эффективно работать по этой профессии; какие предметы изучают, обучаюсь на эту профессию; есть ли у меня способности к изучению этих предметов; интересно ли мне содержание этой профессии; подхожу ли я по своим личностным качествам к этой профессии и подходит ли она мне. Ведь очень часто профессию выбирают, ориентируясь на внешние её атрибуты: красивую форму, длительный отпуск, возможность побывать за границей, основной предмет изучения. Так, профессию учителя, например, иностранных языков, выбирают, увлекаясь иностранным языком и желая им свободно владеть, а профессию психолога, считая, что она поможет научиться общаться или манипулировать людьми; профессию юриста или экономиста – просто потому, что они престижные. При этом не задумываются о том, насколько эти профессии подходят к личности человека, его индивидуальным особенностям. А потом возникает разочарование и нежелание работать по специальности. Чтобы этого избежать, надо знать себя, уметь разобраться в себе, обладать навыками самопознания.

Далее, необходимо знать, какие профессии вообще существуют, ведь каждый 5 лет виды профессий изменяются. Да и о тех профессиях, которые у всех на слуху, что вы знаете? Какие обязанности придется выполнять, выбрав профессию? Какие варианты деятельности могут быть в рамках одной профессии? И, наконец, выбрав профессию, что надо делать, чтобы ее получить? Какую конкретно цель поставить?

Вот на все эти вопросы мы и постараемся с вами получить ответы в ходе нашей работы. Сначала займемся самопознанием, постараемся выяснить, какие качества есть у каждого, способствующие и препятствующие выбору и получению профессии. Затем узнаем побольше о профессиях, а потом научимся ставить цели, в том числе и профессиональные, и намечать способы их достижения. А в конце нашей работы каждый попробует выбрать себе профессию «со знанием дела», с опорой на свои личностные качества и алгоритм выбора профессии. Итак, в добрый путь!».

Далее последовательно идет работа по всем частям проекта. Порядок упражнений можно менять в зависимости от времени. Ни одно упражнение не должно быть скопировано, его нельзя прерывать и «доделывать» в следующий раз. В случае, если времени осталось

немного, лучше выбрать небольшое упражнение или больше времени отвести на подведение итогов.

Тренинговые занятия проводятся в соответствии с правилами проведения тренинга. В начале необходимо познакомить подростков с тем, что такое тренинг, каковы правила его проведения. Далее каждое занятие необходимо начинать с легкой разминки (1 упражнения достаточно), а в конце обязателен шерринг. Мы не приводим никаких упражнений для разминки, а также не перечисляем правила поведения на тренинге, т.к. полагаем, что психолог, берущийся за тренинг, знает все эти правила, и у него есть своя база разминочных упражнений.

Еще одно правило: работать на каждом занятии должен каждый. Если класс большой, целесообразнее его разбить на две группы, и занятия проводить с каждой группой отдельно. Предварительно необходимо проконсультироваться с учителями о межличностных отношениях в классе, и группы сформировать по взаимным предпочтениям. Можно предложить самим школьникам разбиться на эти группы.

Время проведения программы приблизительное. Как уже указывалось, оно может быть сокращено или увеличено в зависимости от скорости продвижения подростков.

Если упражнений окажется недостаточно, подростки так и не научатся чему-то новому, можно их добавить. При этом надо быть уверенным, что новые упражнения имеют те же цели, что и применяющиеся. Если своих упражнений нет, желательно обратиться к разработчикам проекта или переформулировать имеющиеся упражнения.

Цель считается достигнутой, если в конце работы каждый школьник назвал желаемую профессию, рассказал о ней, обосновал, почему выбрал именно ее, какие у него есть качества для того, чтобы справиться с работой по данной профессии и наметил программу достижения профессиональной цели с указанием возможных трудностей.

Список литературы:

1. Демидова И.Ф. Планирование стратегии успешной карьеры: Сборник практических заданий [Текст] / И.Ф. Демидова Планирование стратегии успешной карьеры: Сборник практических заданий. – Таганрог: Изд-во НОУ ВПО ТИУиЭ, 2009. – 24 с.
2. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Ред. Д.Я.Райгородский [Текст] / Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Ред.

- Д.Я.Райгородский. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2002.- 672 с.
3. Пряжников Н.С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения: Учебно-методическое пособие [Текст] / Н.С.Пряжников Методы активизации профессионального и личностного самоопределения: Учебно-методическое пособие. – М.: Издательство МПСИ; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 400с.
 4. Тренинг профессиональной идентичности: Руководство для преподавателей вузов и практикующих психологов / Автор-составитель Л.Б.Шнейдер [Текст] / Тренинг профессиональной идентичности: Руководство для преподавателей вузов и практикующих психологов / Автор-составитель Л.Б.Шнейдер. - М.: Издательство МПСИ; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. – 208 с.

САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Додова Людмила Муратовна

*Краснодарский государственный университет физической культуры, спорта и туризма; аспирант, г. Краснодар
E-mail: shabela@yandex.ru*

Произвольная саморегуляция поведения всегда индивидуально и личностно окрашена. В исследованиях О.А. Конопкина, В.И. Моросановой, Е.А. Ароновой [1-5, 7] выделены основные процессы произвольной саморегуляции, а также личностные качества, непосредственно с ними связанные. Это: процессы планирования; моделирования; программирования; оценки результатов и гибкость, самостоятельность, как регуляторно-личностные свойства.

Процесс формирования стилевых особенностей саморегуляции в подростковом возрасте относится не только к основным феноменологическим аспектам психологии развития. Становление механизмов произвольной саморегуляции происходит в процессе субъектной активности, основной формой которой в этот период персоногенеза является учебная деятельность. В настоящее время

сложились разнообразные организационные формы общего образования. Помимо традиционного смешанного (по полу) типа, успешно функционируют образовательные учреждения, в которых аккумулируются этнопсихологические, культурно-исторические, национальные традиции регионов. К учебным заведениям этого вида можно отнести Кубанский казачий кадетский корпус (КККК, г. Краснодар) и Горский кадетский корпус (ГКК, Республика Ингушетия). В них обучаются подростки мужского пола, получающие в непосредственном процессе общего среднего образования комплексное образовательно-воспитательное, развивающее педагогическое воздействие вариативного типа. В проводимом исследовании мы сформулировали цель: определить специфику произвольной саморегуляции, как возрастного новообразования, у подростков мужского пола, получающих так называемое «кадетское образование».

Эмпирическую выборку составили 282 человека: 96 подростков, обучающихся в КККК; 135 мальчиков из ГКК; 51 подросток из СОШ. Применена методика: Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой [6]. Опросник ССПМ состоит из 46 утверждений и работает как единая шкала «Общий уровень саморегуляции» (ОУ), которая характеризует уровень сформированности индивидуальной системы саморегуляции произвольной активности человека. Утверждения опросника входят в состав шести шкал, выделенных в соответствии с основными регуляторными процессами. Это шкалы: планирования (*Пл*); моделирования (*М*); программирования (*Пр*); оценки результатов (*Ор*). Кроме того, опросник предполагает диагностику двух регуляторно-личностных свойств: гибкости (*Г*) и самостоятельности (*С*). Обработка результатов обследования состоит в подсчете первичных результатов обследования по ключам. Соотнеся полученные баллы с нормативной таблицей, определяем уровень развития по каждой шкале. Значения по шкалам *Пл*, *М*, *Пр*, *Ор*, *Г*, *С* колеблются в диапазоне от 0 до 9, а по шкале *ОУ* – от 0 до 46. Затем выполняется графический профиль саморегуляции.

Выделяют два класса индивидуально-типологических профилей: *гармоничный* и *акцентуированный*. Гармоничный (сглаженный) профиль характеризуется тем, что показатели саморегуляции по всем шкалам находятся примерно на одном уровне. Этот уровень может быть высоким, средним или низким. Акцентуированным считается профиль саморегуляции, при котором

различия в показателях по отдельным шкалам превышают другие на 2 и более балла.

Анализ результатов обследований показал, что наиболее успешно проходит становление механизмов саморегуляции у полростков Краснодарского кадетского корпуса. Конфигурации профилей саморегуляции имеют гармоничный вид и находятся в зоне средних значений. При этом профиль среднегрупповых значений по выборке учеников КККК превышает по всем точкам профили подростков ГКК и СОШ, а по шкалам «*Ор*»; «*Пл*»; «*М*»; «*Пр*», он имеет достоверно более высокие показатели.

Характерно, что различия отмечаются только по уровню развития механизмов саморегуляции, но не по личностным качествам, связанным с их проявление: по шкалам «Самостоятельность» и «Гибкость» достоверных различий в среднегрупповых показателях не выявлено (во всех сравнениях $t_{эмп.} < t_{кр.}$). Это свидетельствует о том, что развитие самостоятельности и гибкости как психических новообразований периода подростковой идентификации, не связано непосредственно со спецификой образовательной среды, в которой находятся на данном жизненном отрезке подростки.

Отмечается также, что общий уровень саморегуляции у подростков КККК значительно выше, чем у их сверстников из СОШ и ГКК: среднегрупповые показатели по данному интегральному качеству только в этой группе испытуемых вышли в зону высоких значений ($M=36,0$).

Сравнение со стандартными показателями, выделенными автором методики В.И. Моросановой на выборке подростков [6, с.23], показывает, что ребята, проходящие обучение в Краснодарском кадетском корпусе, имеют достоверно более высокие показатели по большинству шкал ($p < \text{от } 0,05 \text{ до } 0,001$), в то время как их сверстники из средней школы и Горского кадетского корпуса имеют показатели, близкие к стандартным. Наиболее выражены различия по шкалам: «Планирование» ($M=6,14 \pm 0,206$), «Программирование» ($M=6,17 \pm 0,162$); «Гибкость» ($M=6,83 \pm 0,171$). У подростков КККК среднегрупповые показатели по этим шкалам достоверно выше, чем у респондентов двух других групп, что в целом обеспечивает превышение общего уровня саморегуляции в этой группе ($M=36,01 \pm 0,673$ против $32,4 \pm 0,720$ и $31,6 \pm 0,427$; $p < 0,001$). Психологическое содержание поведения подростка, обусловленного данным профилем саморегуляции, характеризуется развитой способностью планирования своих поступков, умением соблюдать во всем порядок, придерживаться установленных правил, контролировать

свое поведение и эмоции, доводить начатое дело до завершения. В общении такие подростки предпочитают ровные и дружеские отношения, надежность и защищенность от неприятностей. Их настроение отличается постоянством, что свидетельствует о сформированной культуре чувств (Моросанова В.И., 2004).

У учеников СОШ и ГКК значительно слабее, чем у их сверстников из КККК ($p < 0,05$), развиты механизмы оценивания результатов (шкала «Ор») и моделирования (шкала «М»). Это затрудняет включение в активную деятельность при быстро меняющихся условиях. У подростков недостаточно еще сформированы субъективные критерии успешности деятельности, что может вести к ухудшению качества результатов при увеличении объемов работы или возникновении внешних трудностей.

На основе проведенного анализа эмпирических данных можно сделать некоторые выводы. В частности, анализ показал: под влиянием специфических условий психолого-педагогического воздействия у подростков казачьего кадетского корпуса более успешно формируются основные процессы произвольной саморегуляции, прежде всего, планирование, программирование и оценивание результатов. При этом в целом уровень развития психологических компонентов саморегуляции поведения у подростков мужского пола, включенных в так называемое «кадетское образование», имеет показатели, близкие к популяционным.

Выявление психологических ресурсов развивающего воздействия образовательной среды КККК мы рассматриваем в качестве следующей задачи проводимого исследования. Ее решение позволит концептуализировать психолого-педагогические условия личностного становления подростков, формирования субъектных, гражданских качеств в новых реалиях Российского общества.

Список литературы:

1. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – М.: Наука, 1980.-286с.
2. Конопкин О.А. Психологическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопр. психол., 1995, №1, с. 5-12.
3. Конопкин О.А., Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегуляции деятельности // Вопр. психол., 1989, №5, с. 18-26.
4. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции. – М.: Наука, 2001.-312с.

5. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. – М.: Наука, 2001.-357с.
6. Моросанова В.И. Стиль саморегуляции поведения (ССПМ) // Методическое пособие. – М.: Когито-Центр, 2004.-44с.
7. Моросанова В.И., Аронова Е.А. Самосознание и саморегуляция поведения. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.-342с.

ПРОБЛЕМНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ, УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ И ИХ СВЯЗЬ С ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬЮ

Петросяц Виолетта Рубеновна

Старший преподаватель КГПИ, г. Сыктывкар

E-mail: vipe80@mail.ru

Сегодня мировое сообщество осознает особую остроту вопросов, связанных с собственным выживанием, что с необходимостью заставляет решать задачи определения роли и позиции человека в мире, смысла его существования, нахождения эффективных, созидательных средств взаимодействия с собой и с миром [2, с.11]. В последнее время в контексте проблемы личностных ресурсов совладания с трудными ситуациями значительный интерес у психологов вызывает такая личностная характеристика как жизнестойкость [3].

Наиболее глубокое рассмотрение проблема жизнестойкости получила в трудах С. Мадди и С. Кобейса. С. Мадди определяет этот феномен как интегральную личностную черту, ответственную за успешность преодоления личностью жизненных трудностей, которое включает: 1) вовлеченность в процесс жизни, 2) уверенность в подконтрольности значимых событий своей жизни и способность их контролировать, 3) принятие вызова жизни [1, с.83-84].

Мадди установил, что жизнестойкость является той базовой характеристикой личности, которая опосредует воздействие на ее сознание и поведение всевозможных благоприятных и неблагоприятных обстоятельств, от соматических проблем и заболеваний до социальных условий [4].

Учитывая вышесказанное, нас интересовало, как будут связаны проблемные переживания и жизнестойкость старшеклассников «жертв» буллинга (школьной травли) в образовательной среде и «обидчиков». С целью осуществления исследования, мы использовали авторскую методику «Ситуация буллинга в школе», разработанную нами на основе зарубежных методик диагностики буллинга (Олвеус, Квак, Ли), методику «Жизнестойкость», адаптированную Д.А. Леонтьевым, Е.А. Рассказовой [5], а также методику «Проблемная анкета», автор Seiffge-Krenke, которая позволяет оценить общую проблемную нагруженность старшеклассника, и проблемные переживания в таких областях как «школа», «будущее», «родительский дом», «сверстники», «свободное время», «другой пол», «собственная личность». Проведем анализ полученных данных.

Таблица 1.

Результаты изучения степени выраженности проблемных переживаний у участников буллинга

	Участники буллинга				Критерий Стьюдента	
	Жертвы n=79		Обидчики n=82		t	p- уровень
	М	σ	М	σ		
Общая проблемная нагр.	205,79	37,02	182,39	30,65	4,269	0,000 ***
Школа	43,94	9,96	38,83	8,44	3,429	0,000 ***
Будущее	26,40	6,18	23,79	5,65	2,724	0,007 **
Родительский дом	29,18	6,84	25,98	6,19	3,035	0,002 **
Сверстники	29,77	7,81	26,79	6,56	2,553	0,011 *
Свободное время	19,41	10,65	18,13	4,75	0,969	0,333
Другой пол	19,81	6,40	16,10	5,17	3,951	0,000 ***
Собственная личность	38,62	9,92	32,73	9,11	3,824	0,000 ***

Примечание:

***- уровень значимости $p < 0,001$

** - уровень значимости $p < 0,01$

* - уровень значимости $p < 0,01$

Сопоставляя результаты изучения проблемных переживаний в группах «жертв» и «обидчиков» необходимо отметить их значительную выраженность в обеих группах. Стоит отметить также, что проблема свободного времени не переживается значимо ни «жертвами», ни «обидчиками».

В группах «жертв» буллинга в образовательной среде и «обидчиков» преобладающими проблемными переживаниями стали проблемы в области школы, собственной личности и сверстников. Это может объясняться особенностями построения ими межличностных отношений в образовательной среде школы. Буллинг является одним из видов деструктивных взаимодействий в образовательной среде. При этом, «обидчики» демонстрируют такие виды взаимоотношений, которые социально неприемлемы (оскорбления, угрозы, унижения, физические воздействия и др.), в связи с чем, сверстники могут исключать их из совместной деятельности. «Жертвы» буллинга также зачастую испытывают трудности в установлении межличностных контактов. Причинами такой ситуации могут быть социальные проблемы «жертв», такие как, например, чрезмерная хвастливость или игнорирование других, специфическая внешность «жертвы», отношения с учителем, конфликтность и др.

Достоверно значимо отличается общая проблемная нагруженность «обидчиков» и «жертв» ($t=4,269$, $p<0,001$). Это свидетельствует о том, что «жертвы» буллинга переживают значительно больше разнообразных проблем в образовательной среде.

Статистически значимые отличия на уровне $p<0,001$ установлены в группах «жертв» и «обидчиков» относительно таких проблемных переживаний как школа ($t=3,429$), другой пол ($t=3,951$), собственная личность ($t=3,824$). Другими словами, мы можем констатировать у «жертв» увеличение проблемных переживаний в сфере межличностных отношений («школа», «другой пол») и связанных с собственной персоной.

Статистически значимо различаются средние значения по следующим проблемным переживаниям: «родительский дом» ($t=3,035$, $p<0,01$), «будущее» ($t=2,724$) и «сверстники» ($t=2,553$). Стоит отметить высокие проявления у «жертв» проблемных переживаний в области родительского дома. Это может объясняться тем фактом, что немаловажной в решении жизненных проблемы является социальная поддержка. Социальная поддержка выступает для человека буфером в трудной жизненной ситуации. Позитивные отношения с другими минимизируют психологическое воздействие ситуации и оптимизируют регуляцию поведения человека. Недостаток принятия

родителями, возможные конфликтные отношения и др. подобные проблемы, усугубляют и без того сложные отношения в ученическом коллективе.

Таким образом, мы можем констатировать значительную выраженность всех указанных видов проблемных переживаний и у «жертв» буллинга и у «обидчиков».

Далее обратимся к рассмотрению специфики корреляционных связей жизнестойкости и ее компонентов с проблемными переживаниями «жертв» и «обидчиков».

Анализ корреляционных связей между жизнестойкостью и ее компонентами в группах «жертв» и «обидчиков» позволил нам констатировать наличие 25 отрицательных связей жизнестойкости в группе «жертв» и 9 отрицательных связей в группе «обидчиков». Рассмотрим подробнее особенности проблемной нагруженности участников буллинга и ее связи с жизнестойкостью личности старшеклассников.

Общая жизнестойкость **«жертв»** тесно отрицательно коррелирована с проблемами в области «собственной личности» ($r=-0,55$, $p<0,001$), «общей проблемной нагруженности» ($r=-0,51$, $p<0,001$), «будущего» ($r=-0,42$, $p<0,001$), «школы» ($r=-0,38$, $p<0,001$) и «другого пола» ($r=-0,30$, $p<0,01$). Менее тесные отрицательные связи общей жизнестойкости определены с проблемными переживаниями, связанными с «родительским домом» ($r=-0,29$, $p<0,05$), «свободным временем» ($r=-0,27$, $p<0,05$), «сверстниками» ($r=-0,24$, $p<0,05$). Установлен факт тесной отрицательной связи между вовлеченностью и проблемными переживаниями в сфере «общей проблемной нагруженности» ($r=-0,58$, $p<0,001$), «собственной личности» ($r=-0,58$, $p<0,001$), «школы» ($r=-0,45$, $p<0,001$), «будущего» ($r=-0,37$, $p<0,01$), «свободного времени» ($r=-0,36$, $p<0,01$), «другого пола» ($r=-0,35$, $p<0,01$), «родительского дома» ($r=-0,33$, $p<0,01$). Контроль также тесно отрицательно связан с такими проблемными переживаниями как «собственная личность» ($r=0,37$, $p<0,01$) и «общая проблемная нагруженность» ($r=-0,43$, $p<0,01$) и слабо отрицательно связан с «будущим» ($r=-0,29$, $p<0,05$) и «другим полом» ($r=-0,24$, $p<0,05$). Между принятием риска и проблемными переживаниями в сфере «собственной личности» ($r=-0,37$, $p<0,01$) и «общей проблемной нагруженности» ($r=-0,34$, $p<0,01$) выявлены тесные отрицательные связи. Менее интенсивные связи установлены между принятием риска и проблемами в области «школы» ($r=-0,25$, $p<0,05$), «родительского дома» ($r=-0,24$, $p<0,05$) и «сверстников» ($r=-0,23$, $p<0,05$).

Обобщая вышесказанное, мы можем сказать, что в группе «жертв» ведущим компонентом, в структуре жизнестойкости, отрицательно связанным с проблемными переживаниями является вовлеченность. Наиболее тесные отрицательные связи между жизнестойкостью и ее компонентами установлены и проблемами в области «собственной личности», «общей проблемной нагруженностью».

В группе «обидчиков» общая жизнестойкость значимо отрицательно связана с проблемами в области «собственной личности» ($r=-0,37$, $p<0,001$) и слабо с «общей проблемной нагруженностью» ($r=-0,25$, $p<0,05$). Вовлеченность значимо отрицательно связана с проблемами «собственной личности» ($r=-0,33$, $p<0,01$). Установлена тесная отрицательная связь между контролем и проблемами в сфере «собственной личности» ($r=-0,32$, $p<0,01$) и слабые отрицательные связи в сферах «другого пола» ($r=-0,26$, $p<0,05$), «общей проблемной нагруженности» ($r=-0,23$, $p<0,05$), «сверстников» ($r=-0,23$, $p<0,05$) и «будущего» ($r=-0,23$, $p<0,05$). Принятие риска слабо отрицательно связано только с проблемными переживаниями в области «собственной личности» ($r=-0,24$, $p<0,05$).

Исходя из вышеуказанного, мы можем заключить, что в группе «обидчиков» ведущим компонентом, в структуре жизнестойкости, отрицательно связанным с проблемными переживаниями является контроль. При этом, проблемы в области собственной личности являются наиболее отрицательно связанными с жизнестойкостью и ее компонентами.

Обобщая сказанное, мы можем констатировать в целом по группе старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде насыщенные отрицательные связи жизнестойкости и ее компонентов с проблемами в области «собственной личности».

Список литературы:

1. Александрова Л.А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире Текст.: Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Гуманитарные проблемы современной психологии». - Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. 7 (51). С. 83-84.
2. Егорычева, И. Д. Самореализация как деятельность (к постановке проблемы) // Мир психологии. — 2005. — № 3.
3. Богомаз С.А. Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания. [электронный ресурс] – Режим доступа. - [URL:www.znopr.ru/upload/content/457/tom4.pdf](http://www.znopr.ru/upload/content/457/tom4.pdf) (дата обращения 14.10.2010).

4. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 1 / под ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 56–65.
5. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.- 63 с.

**СЕКЦИЯ 6: ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ И ЭРГОНОМИКА**

**ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ЗАЩИТЫ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ
УНИВЕРСИТЕТОВ**

Ким Елена Владимировна

Аспирант ТГПУ, г. Томск

E-mail: PrKim@mail.ru

Шелехов Игорь Львович

К.псх.н., доцент ТГПУ, г. Томск

Булатова Татьяна Алексеевна

К.м.н., доцент ТГПУ, г. Томск

В последние годы в отношении исследований личности наметилась тенденция к комплексным, всесторонним исследованиям, что отмечается как отечественными, так и зарубежными авторами (Реан А.А., Бордовская Н.В., Розум С.И., 2007) [15, с.8]. В то же время большинство исследователей подчеркивает динамический характер всей системы личности как единства в ней телесного и психического (В.А. Петровский, 1985; Р. Мэй, 1994; В.Н. Мясищев, 1995; Г.В. Олпорт, 2000) [12,9,10,11]. Такой подход к пониманию личности актуализирует проблематику изучения различных феноменов, в которых проявляется взаимосвязь различных сторон личности и изменения ее как особой системы.

Исследование феномена личности представляет собой зону пересечения исследований социального и интеллектуального развития, самореализации, научения и межличностных отношений [25, с.6]. В настоящее время существует большое количество определений понятия «личность», ниже представлены некоторые из них.

По мнению Л.С. Выготского, личность человека, характер его воспитания определяется общественной средой, в которой он растет и развивается. Личность, таким образом, есть понятие социальное, оно охватывает надприродное, историческое в человеке. Личность возникает в результате культурного развития. Поэтому личность понятие историческое[2].

А.Н. Леонтьев говорит о личности как о внутреннем условии деятельности и ее продукта. По мнению А.Н. Леонтьева личность рождается дважды: первый раз, когда у ребенка проявляются полимотивированность и соподчиненность его действий, второй раз – когда возникает его сознательная личность[7].

По мнению В.Н. Мясищева, личность – есть психическое образование, которое присуще только человеку. Личность находится в отчетливой зависимости от общественных условий развития человека[10].

По мнению С.Л. Рубинштейна, личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия. Под внутренними условиями понимаются психические свойства и состояния личности[18].

По мнению В.А. Петровского, личность является субъектом активности. Активность понимается как присущая субъекту самостоятельная форма движения, воспроизводящая и расширяющая его способность к деятельности в предметной среде[13].

По мнению К. Г. Юнга, личность - есть результат наивысшей жизненной стойкости, абсолютного приятия индивидуально сущего и максимально успешного приспособления к общезначимому при величайшей свободе выбора [26].

По мнению Э. Берна, личность проявляет себя в трех эго состояний: ребенок, родитель и взрослый, которые влияют на чувства, мысли и поступки человека. Состояние «ребенок» проявляет себя в чувствах, желаниях и стремлениях индивида; состояние «родитель» проявляет себя в убеждениях, принципах индивида; состояние «взрослый» проявляет себя в зрелых размышлениях, принятии решений [1].

По мнению К. Роджерса, личность – это состояние оптимального психологического приспособления, психологической зрелости, полной конгруентности, открытости опыту[16].

А. Маслоу считает, что личность – это индивид, который развивается до состояния полностью адекватного его возможностям, то есть полностью самоактуализируется [8].

У Джеймс считает, что личность состоит из элементов: физическая личность, социальная и духовная личность. Физическая личность представляет собой телесную организацию индивида. Социальная личность формируется, когда другие представители общества признают в индивиде личность. Духовная личность – полное объединение отдельных состояний сознания, духовных способностей и свойств [3].

Несмотря на значительное количество подходов к пониманию феномена личности, большинство исследователей разделяют точку зрения о социальной природе личности, различаясь в выделении тех или иных личностных свойств в качестве основных. Одной из малоизученных и весьма важных явлений психики человека является способность личности к саморегуляции, которая включает, в том числе, и механизмы устойчивости в ситуациях, угрожающих психической стабильности. Такие ситуации могут привести к фрустрации ценностей, нанесению ущерба самооценке, внутреннему конфликту и пр. К механизмам, поддерживающим психологическую стабильность, относятся психологические защиты.

В современных отечественных работах по проблемам психологических

защит, по мнению Е. С. Романовой, представлено два основных подхода к пониманию природы защитных процессов и их роли в психологической адаптации, что отражает мировоззрение и тип психологической практики, реализуемой исследователем [17,с.45]. Работы традиционного подхода представлены медико-психологическими исследованиями Е.С. Калмыкова, 1988; З. Фрейда, 2003; А. Фрейд, 1993, 2003; Э. Фромма, 2003; Е.Р. Исаева, 2008, 2009 и ряда других представителей клинической психологии и психотерапии. Согласно этому подходу, психологические защиты рассматриваются как механизмы компенсации нарушений психического и соматического здоровья, которые призваны поддерживать согласованность и устойчивость структуры личности и оптимальное взаимодействие личности с социальным окружением. В литературе выделяются позитивные адаптивные функции психологической защиты. Нарушения функционирования защитных механизмов рассматриваются как существенное звено в патогенезе дезадаптивных расстройств. Целью практической деятельности, коррекции является оптимизация интенсивности реализуемых механизмов, развитие динамических свойств [21,22,23,24,4,5].

Другой подход представлен в исследованиях Э. И. Киршбаума, 2000; Д. И. Еремовой, 2000; Ф. Е. Василюка, 1984 и других отечественных психологов [14, с.36]. В рамках второго подхода психологические защитные механизмы рассматриваются в аспекте снижения адаптационного потенциала личности и характеризуются как барьеры, мешающие самореализации и преодолению препятствий.

Мы придерживаемся традиционного подхода в понимании роли защитных процессов, считая, что механизмы психологических защит способствуют психологической адаптации личности, особенно в

тех условиях, когда волевые и когнитивные способности индивида ограничены, отсутствует психологическая коррекция состояния специалистами.

Обозначенная позиция позволяет нам исследовать феноменологию психологических защит как актуальных механизмов преодоления кризисов, стрессовых ситуаций.

В нашей работе были обследованы 105 студенток, учащихся в ТГПУ. Для проведения исследования были выбраны пять тестовых методик, характеризующих разные стороны личности и состояние психологических защит: тематический апперцепционный тест Хекхаузена, методика «Исследование уровня субъективного контроля - УСК», индивидуально-типологический опросник (ИТО), метод диагностики межличностных отношений (ДМО), опросник Плутчика-Келлермана-Конте.

В планах нашего дальнейшего исследования данная выборка студентов будет представлять собой модель нормы (контрольную группу). Используя подобранную батарею тестов, дополненную несколькими новыми методиками, мы проведем исследования беременных женщин, находящихся в том же возрасте, что представители контрольной группы. Результатом исследования в перспективе будет являться оценка состояния психологических защит в условиях кризиса беременности, описанного в работах Г. Г. Филлиповой, 1999, 2002 [19,20]. Для выявления состояния кризиса беременных мы предполагаем использовать косвенные критерии переживания кризиса, представленные в ряде тестов, которые в совокупности могут с высокой долей вероятности свидетельствовать о наличии такого кризиса.

Исследование же контрольной группы проведено с целью накопления информации относительно психологических характеристик, которые могут раскрыть личностные ресурсы стрессоустойчивости девушек в трудных жизненных ситуациях.

Для того, чтобы определить стремления к достижению успеха или избеганию неудач респондентов контрольной группы, использовался тематический апперцепционный тест Хекхаузена.

Тест показал, что к достижению успеха из 105 человек контрольной группы стремятся 94 человека, что составляет 89,5 % из выборки. К избеганию неудач стремятся всего 11 человек, что составляет 10,5 % соответственно. Это означает, что в основном у испытуемых преобладают потребности в достижении определенной цели, что сопровождается ожиданием успеха. После успеха или

неудачи возникают, соответственно, позитивные или негативные эмоциональные состояния.

Таблица 1.

Показатели теста Хекхаузена («Тематический апперцепционный тест»)

Достижение успеха (количество человек и %)	Избегание неудач (количество человек и %)
94 человека (89, 5 %)	11 человек (10, 5%)

Для определения того, в какой степени человек ощущает себя активным субъектом собственной деятельности или пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств, мы использовали методику «Исследование уровня субъективного контроля - УСК».

По шкалам общей интернальности, интернальности в области достижений, в области производственных отношений, в области межличностных отношений, в области здоровья и болезни из 105 человек экстерналами являются все 105 человек, что составляет 100 %. По шкалам интернальности в области неудач и в области семейных отношений из 105 человек выборки экстерналами являются 104 человека, что составляет 99,0 % и интерналами по этим же шкалам являются по 1 человеку, что составляет 1,0 % соответственно.

Это означает, что в своей основе индивиды контрольной выборки (студентки начальных курсов) являются пассивными объектами действия других людей и внешних обстоятельств.

Любая ситуация индивиду с экстернальной направленностью желательна как внешне стимулируемая, в случаях успеха происходит демонстрация способностей. Индивиды с выраженной экстернальной направленностью убеждены, что их неудачи являются результатом случайностей, отрицательного влияния других людей.

Высокие результаты контрольной группы по параметру «достижение успеха» по тематическому апперцепционному тесту Хекхаузена и выраженная экстернальная направленность по методике «Исследование уровня субъективного контроля - УСК» говорят о том, что оказываемая извне поддержка усиливает активность индивидумов к достижению цели, а имеющиеся в окружении препятствия могут блокировать личностную активность. Активность,

направленная на достижение цели, также может быть успешной или неуспешной.

Для исследования индивидуально-типологических свойств респондентов, мы использовали индивидуально-типологический опросник (ИТО).

Таблица 2.

Показатели методики «Исследование уровня субъективного контроля - УСК»

	Шкала общей интернальности (Ио) (абсолютные и % значения)	Шкала интер-ти в области достижений (Ид) (абсолютные и % значения)	Шкала интер-ти в обл-и неудач (Ин) (абсолютные и % значения)	Шкала интер-ти в семейных отношениях (Ис) (абсолютные и % значения)	Шкала интер-ти в обл-ти производ-х отношений (Ип) (абсолютные и % значения)	Шкала интер-ти в обл-ти межличностных отношений (Им) (абсолютные и % значения)	Шкала интер-ти в обл-ти здоровья и болезни (Из) (абсолютные и % значения)
Экстернальность	105 человек (100%)	105 человек (100%)	104 человек (99%)	104 человек (99%)	105 человек (100%)	105 человек (100%)	105 человек (100%)
Интернальность	0 человек (0%)	0 человек (0%)	1 человек (1%)	1 человек (1%)	0 человек (0%)	0 человек (0%)	0 человек (0%)

Таблица 3.

Показатели по тесту Индивидуально-типологического опросника (ИТО)

	Экстремизация (абсолютные и % значения)	Спонтанность (абсолютные и % значения)	Агрессивность (абсолютные и % значения)	Ригидность (абсолютные и % значения)	Интраверсия (абсолютные и % значения)	Сензитивность (абсолютные и % значения)	Тревожность (абсолютные и % значения)	Лабильность (абсолютные и % значения)
Плохое самопомощение	4 человека (3,8%)	4 человека (3,8%)	4 человека (3,8%)	2 человека (1,9%)	20 человек (19%)	3 человека (2,9%)	3 человека (2,9%)	3 человека (2,9%)
Индивидуально-гармонично проявляет себя	25 человек (23,8%)	31 человек (29,5%)	21 человек (20%)	30 человек (28,6%)	41 человек (39%)	28 человек (26,6%)	32 человека (30,5%)	28 человек (26,6%)
Акцентуированные свойства	40 человек (38,1%)	57 человек (54,3%)	73 человека (69,5%)	66 человек (62,9%)	42 человека (40%)	66 человек (62,9%)	66 человек (62,9%)	63 человека (60%)
Дезадаптация	36 человек (34,3%)	13 человек (12,4%)	7 человек (6,7%)	7 человек (6,7%)	2 человека (1,9%)	8 человек (7,6%)	4 человека (3,8%)	11 человек (10,5%)

Согласно требованиям проверки данного теста на достоверность(ИТО) были получены результаты, представленные в таблице 4.

Таблица 4

Показатели теста ИТО («ложь», «аггравация»)

Степень достоверности	Абсолютные и % значения
Данные достоверны	89 человек (84, 8 %)
Данные сомнительны	16 человек (15, 2 %)

По шкалам «ложь» и «аггравация» следует сделать вывод, что у 89 человек из 105 контрольной выборки, данные достоверны, что составляет 84,8 %, 16 человек (15,2 %) проявляют тенденцию к неискренности, к стремлению подчеркнуть сложность собственного характера.

На блок вопросов «плохое самопонимание» (шкалы: экстраверсия, спонтанность, агрессивность) положительно ответили 4 человека (по каждой шкале: экстраверсия, спонтанность, агрессивность), что составляет 3,8 % от всей выборки опрошенных респондентов.

По шкалам сензитивность, тревожность и лабильность на вопросы блока «плохое самопонимание» дали положительный ответ по 3 человека, что составляет 2,9 % соответственно. По шкале ригидность в блоке «плохое самопонимание» определились 2 человека, что составляет 1,9 % от общей выборки. По шкале интроверсия в блоке вопросов «недостаточное самопонимание» по результатам ответов оказались 20 человек, что составляет 19 % от выборки. Это значит, что эти респонденты предпочитают обращаться к миру субъективных представлений и переживаний, у них наблюдается тенденция к уходу в мир иллюзий, фантазий и субъективных идеальных ценностей, присутствует сдержанность, замкнутость.

Согласно данным, представленным в таблице 3, сочли себя гармонично проявляющимися личностями 25 экстравертов (23,8 %), 31 человек (29,5 %), относятся к категории «спонтанность», 21 человек (20 %) – агрессивность, ригидность обнаружена у 30 человек (28,6 %) , интроверсия – у 41 человека (39 %), сензитивность – у 28 человек (26,6 %), тревожность – у 32 человек (30,5 %), лабильность – у 28 человек (26,6 %) .

Более высокие показатели в данной выборке по всем шкалам (табл. 3) показывают индивиды с акцентуированными свойствами

личности: по шкале интраверсия - 40 человек (38,1%), по шкале спонтанность - 57 человек (54,3 %), по шкале агрессивность - 73 человек (69,5 %), по шкале ригидность - 66 человек (62,9%), по шкале интраверсия - 42 человек (40,0 %), по шкале сензитивность - 66 человек (62,9 %), по шкале тревожность - 66 человек (62,9 %), по шкале лабильность - 63 человек (60,0%). Эти данные говорят о том, что девушкам из описываемой выборки свойственно ярко, демонстративно проявлять свои индивидуально-типологические качества.

Небольшой процент по всем шкалам, кроме шкалы экстраверсия, показывают индивиды, имеющие эмоциональную напряженность и трудности в социальной адаптации: по шкале спонтанность - 13 человек (12,4 %), по шкале агрессивность - 7 человек (6,7 %), по шкале ригидность - 7 человек (6,7 %), по шкале интраверсия - 2 человека (1,9 %), по шкале сензитивность - 8 человек (7,6 %), по шкале тревожность - 4 человека (3,8 %), по шкале лабильность - 11 человек (10,5 %).

По шкале экстраверсия свойства дезадаптации проявляют 36 человек из 105, что составляет 34,3 % соответственно. Это говорит о том, что это количество девушек демонстрирует трудности в адаптации по шкале экстраверсии, такие черты как открытость и общительность могут переходить в чрезмерную откровенность, болтливость и навязчивость в общении.

Для диагностики межличностных отношений, была использована методика межличностных отношений (ДМО).

В таблице показаны 8 вариантов поведения индивида в межличностных отношениях.

По всем вариантам есть небольшое количество испытуемых, результатами которых является их скрытность, не желание откровенно отвечать на вопросы: по варианту поведения «властный-лидирующий» таких 18 человек (17,2 %), по варианту поведения «независимый-доминирующий» - 19 человек (18,1 %), по варианту поведения «прямолинейный-агрессивный» - 16 человек (15,2 %), по варианту поведения «недоверчивый-скептический» - 22 человека (20,9 %), по варианту поведения «покорно-застенчивый» - 32 человека (30,5 %), по варианту поведения «зависимо-послушный» - 37 человек (35,2 %), по варианту поведения «сотрудничающий-конвенциональный» - 14 человек (13,3 %), по варианту поведения «ответственно-великодушный» - 25 человек (23,8 %).

Таблица 5.

Показатели диагностики межличностных отношений (ДМО) (%)

	Властный-лидирующий (абсолютные и % значения)	Независимый-доминирующий (абсолютные и % значения)	Прямой-агрессивный (абсолютные и % значения)	Недоверчивый-скептический (абсолютные и % значения)	Покорно-застенчивый (абсолютные и % значения)	Зависимый-послушный (абсолютные и % значения)	Сотрудничающий-конвенциональный (абсолютные и % значения)	Ответственно-великодушный (абсолютные и % значения)
Данные сомнительны	18 человек (17,2%)	19 человек (18,1%)	16 человек (15,2%)	22 человек (20,9%)	32 человек (30,5%)	37 человек (35,2%)	14 человек (13,3%)	25 человек (23,8%)
Обычные свойства	39 человек (37,1%)	57 человек (54,3%)	55 человек (52,4%)	45 человек (42,9%)	55 человек (52,4%)	48 человек (45,7%)	53 человек (50,5%)	34 человек (32,4%)
Акцентуации свойств	44 человек (41,9%)	27 человек (25,7%)	34 человек (32,4%)	37 человек (35,2%)	17 человек (16,2%)	20 человек (19%)	38 человек (36,2%)	45 человек (42,9%)
Трудности в социальной адаптации	4 человек (3,8%)	2 человек (1,9%)	0 человек (0%)	1 человек (0,9%)	1 человек (0,9%)	0 человек (0%)	0 человек (0%)	1 человек (0,9%)

Гармонично проявляют себя в общении: по варианту поведения «властный-лидирующий» - 39 человек (37,1 %), по варианту поведения «независимый-доминирующий» - 57 человек (54,3 %), по варианту поведения «прямолинейный-агрессивный» - 55 человек (52,4 %), по варианту поведения «недоверчивый-скептический» - 45 человек (42,9 %), по варианту поведения «покорно-застенчивый» - 55 человек (52,4 %), по варианту поведения «зависимо-послушный» - 48 человек (45,7 %), по варианту поведения «сотрудничающий-конвенциональный» - 53 человека (50,5 %), по варианту поведения «ответственно-великодушный» - 34 человека (32,4%).

Индивидуумы, проявляющие акцентуации свойств в межличностных взаимоотношениях составляют: по варианту поведения «властный-лидирующий»- 44 человека (41,9 %), по варианту поведения «независимый-доминирующий» - 27 человек (25,7 %), по варианту поведения «прямолинейный-агрессивный» - 34 человека (32,4 %), по варианту поведения «недоверчивый-скептический» - 37 человек (35,2 %), по варианту поведения «покорно-застенчивый» - 17 человек (16,2 %), по варианту поведения «зависимо-послушный» - 20 человек (19 %), по варианту поведения «сотрудничающий-конвенциональный» - 38 человек (36,2 %), по варианту поведения «ответственно-великодушный» - 45 человек (42,9%).

Наибольший процент акцентуированности свойств личности наблюдается в первом варианте межличностных отношений, который характеризуется как властный и лидирующий, что составляет 41,9 %. Это говорит о том, что именно такой процент девушек из контрольной выборки демонстрируют высокую уверенность в себе, организаторские и лидерские качества в отношениях с другими.

Высокий процент (42,9 %) акцентуаций свойств личности представлен также в таком варианте межличностных отношений, как ответственно-великодушный. Это говорит о том, что в межличностных отношениях девушкам свойственно сильно развитое чувство ответственности, готовность помогать окружающим.

Незначительный процент показывают индивидуумы, обнаружившие трудности в социальной адаптации: по варианту поведения «властный-лидирующий»- 4 человека (3,8 %), по варианту поведения «независимый-доминирующий» - 2 человека (1,9 %), по варианту поведения «прямолинейный-агрессивный» - 0 человек (0,0 %), по варианту поведения «недоверчивый-скептический» - 1 человек (0,9 %), по варианту поведения «покорно-застенчивый» -1 человек (0,9 %), по варианту поведения «зависимо-послушный» - 0 человек (0,0 %),

по варианту поведения «сотрудничающий-конвенциональный» - 0 человек (0,0 %), по варианту поведения «ответственно-великодушный» - 1 человек (0,9%).

Для диагностики напряженности защит был использован опросник Плутчика-Келлермана-Конте.

Таблица 6.

Показатели напряженности психологических защит в группе студентов начальных курсов

Напряженность защит	Вытеснение (абсолютные и % значения)	Регрессия (абсолютные и % значения)	Замещение (абсолютные и % значения)	Отрицание (абсолютные и % значения)	Проекция (абсолютные и % значения)	Компенсация (абсолютные и % значения)	Гиперкомпенсация (абсолютные и % значения)	Рационализация (абсолютные и % значения)
Диапазон низкой напряженности защит	88 чел ове к (83, 8 %)	58 чел овек (55, 2 %)	96 чел овек (91, 4 %)	51 чел овек (48, 6 %)	49 чел овек (46,6 %)	73 чел овек (69, 5 %)	83 чел овек (79, 1 %)	51 чел овек (48, 6 %)
Диапазон средней напряженности защит	13 чел овек (12, 4 %)	43 чел овек (41 %)	7 чел овек (6,6 %)	50 чел овек (47, 6 %)	26 чел овек (24, 8 %)	22 чел овек (21 %)	18 чел овек (17,1 %)	40 чел овек (38, 1 %)
Диапазон высокой напряженности защит	4 чел овек (3,8 %)	4 чел овек (3, 8 %)	2 чел овек (2 %)	4 чел овек (3, 8 %)	30 чел овек (28, 6 %)	10 чел овек (9, 5 %)	4 чел овек (3, 8 %)	14 чел овек (13, 3%)

Диапазон низкой напряженности составляет высокий процент от всей выборки: по шкале вытеснение – 88 человек (83,8%), по шкале регрессия – 58 человек (55,2 %), по шкале замещение – 96 человек (91,4 %), по шкале отрицание – 51 человек (48,6 %), по шкале проекция-49 человек (46,6 %), по шкале компенсация-73 человека (69,5 %), по шкале гиперкомпенсация - 83 человека (79,1 %), по шкале рационализация-51 человек (48,6 %).

Это говорит о том, что девушки из контрольной выборки не имеют степень высокой тревожности и напряженности.

Диапазон средней напряженности защит составляет: по шкале вытеснение – 13 человек (12,4%), по шкале регрессия – 43 человека (41,0 %), по шкале замещение – 7 человек (6,6%), по шкале отрицание – 50 человек (47,6 %), по шкале проекция-26 человек (24,8 %), по шкале компенсация-22 человека (21 %), по шкале гиперкомпенсация - 18 человек (17,1 %), по шкале рационализация-40 человек (38,1 %).

Диапазон высокой напряженности защит составляет: по шкале вытеснение – 4 человека (3,8%), по шкале регрессия – 4 человека (3,8 %), по шкале замещение – 2 человека (2%), по шкале отрицание – 4 человека (3,8 %), по шкале проекция-30 человек (28,6 %), по шкале компенсация-10 человека (9,5 %), по шкале гиперкомпенсация - 4 человека (3,8 %), по шкале рационализация - 14 человек (13,3 %).

Наибольший процент имеет шкала проекция, это 28,6 % . Это говорит о том, что 28,6 % человек респондентов бессознательно переносят свои неприемлемые чувства, желания на окружающих.

Таким образом, для данной выборки, представленной студентками начальных курсов, наиболее характерно стремление к достижению успеха, экстернальность, относительно низкий уровень трудностей адаптации и напряженности психологических защит.

Список литературы:

1. Берн Э. Трансакционный анализ и психотерапия. Э.Берн. С-Пб «Питер».- 1992.
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. Л.С. Выготский. М.: «Смысл».- 1991.
3. Джеймс У. Психология. У. Джеймс М.: «Дайджест». - 1991.
4. Исаева Е.Р. Копинг-поведение и психологическая защите личности в условиях здоровья и болезни [Текст] / Е.Р. Исаева. – СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2009. - 136 стр. 8,5 п.л.
5. Исаева Е.Р. Механизмы психологической адаптации личности: современные подходы к исследованию копинга и психологической защиты [Текст] / Е.Р. Исаева. // Вестник

- СПбГУ, серия 12 «Психология» вып.№2 – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008 – с.40-46. 0,8 п.л.
6. Калмыкова Е. С. Механизмы психологической защиты и их роль в развитии личности / Е. С. Калмыкова // Методологические и теоретические проблемы современной психологии. – М., 1988. – С. 63-76.
 7. Леонтьев А.Н. Деятельность и личность. А.Н. Леонтьев // Вопросы философии, №4, 1974.
 8. Маслоу А. Мотивация и личность. А. Маслоу Нью-Йорк 1970 В кн. Курс практической психологии. Составитель – Р.Р. Кашапов. Ижевск.- 1995.
 9. Мэй Р. Искусство психологического консультирования [Текст] / Р. Мэй. – М.: «Феникс», 1994.-144 с.
 10. Мясищев В.Н. Психология отношений [Текст] / В.Н. Мясищев. – М.: «Феникс», 1995. – 356 с.
 11. Оллпорт Г.В. Личность в психологии [Текст] / Г.В. Оллпорт. – М.: «КСП+»; С-Пб.: «Ювента», 2000.-345 с.
 12. Петровский В.А. Принцип отраженной субъективности [Текст] / В.А. Петровский. // Вопросы психологии, 1985.-№4.
 13. Петровский В.А. Феномены субъективности в развитии личности. В.А Петровский. Самара. - 1997.
 14. Портнова А. Г., Богомолов А. М., Психологическая защита в контексте социально-психологической адаптации и развития личности [Текст] / А.Г. Портнова, А.М. Богомолов. - Томск, изд-во ТГПУ,- 2008.–188 с.
 15. Реан А.А., Бордовская Н.В., Розум С.Н. психология и педагогика [Текст] / А.А. Реан, Н.В. Бордовская, С.Н. Розум. - СПб.: «Питер», 2007. – 432 с.
 16. Роджерс К.Взгляд на психотерапию. Становление человека. К. Роджерс М.: «Дайджест».- 1994.
 17. Романова Е. С. Графические методы в практической психологии [Текст] / Е.С. Романова. – СПб.: «Питер», 2002. – 416 с.
 18. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. С.Л. Рубинштейн. М.: «Феникс».- 1976.
 19. Филиппова Г.Г. материнство: сравнительно-психологический подход / Г.Г. Филиппова // психологический журнал.-1999.-Т.20, №5.-с.81-88
 20. Филиппова Г.Г. психология материнства: учебное пособие. -М.: изд-во Института психотерапии,-2002.-240 с.
 21. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – 2-е изд. – СПб.: «Питер», 2003.–400 с.

22. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы / А. Фрейд; пер. с англ. – М. Гинзбурга.- 1993. – 144 с.
23. Фрейд А. Эго и механизмы защиты / А. Фрейд; пер. с англ. М. Гинзбурга. –2003. – 256 с.
24. Фромм Э. Защитные механизмы / Э. Фромм // Самосознание и защитные механизмы личности: хрестоматия. – Самара, 2003. – С. 537-565.
25. Хьелл Л, Зиглер Д. Теории личности [Текст] / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – С-Пб.: Изд-во «Питер», 2008, 608 с.
26. Юнг К.Г. Конфликты детской души. К.Г. Юнг.- М.: «Феникс».- 1995.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ВЛИЯНИЕ НА НЕЕ ПРОВОДИМЫХ РЕФОРМ

Перфилов Владимир Павлович

Аспирант, ЯГУ имени П.Г. Демидова, г. Ярославль

E-mail: yar.wladimir@mail.ru

Реформы, давно назревшие в отраслях бюджетного сектора, и в частности в здравоохранении, буксуют по ряду причин, среди которых прямое сопротивление или непонимание их смысла представителями профессиональных сообществ. Это означает, что предлагаемые варианты реформ неадекватно учитывают особенности трудовой мотивации медицинских работников. Стремление руководства отрасли укомплектовать первичное звено путем значительного увеличения заработной платы понятно и объяснимо, однако желание работника занять должность с более высоким окладом и желание трудиться на ней производительно и качественно - далеко не одно и то же. Поэтому чрезвычайно актуально понять специфику данных мотиваций, институциональных условий их реализации и обусловленных этим возможностей и ограничений активного воздействия на рассматриваемые мотивы и институты.

Актуальность выбора медицинских работников, а именно врачей и среднего медицинского персонал в качестве объекта детального исследования проблем обуславливается пятью основными причинами:

- во-первых, реализацией, начиная с 2006 г., Национального проекта «Здоровье», в числе мероприятий которого - повышение оплаты труда врачей и медсестер, оказывающих первичную медицинскую помощь. Необходимо изучить, как данное повышение сказывается на трудовой мотивации. Однако, при этом оплата труда медицинских работников, оказывающих высокотехнологичную (назовем ее вторичной) медицинскую помощь осталась на прежнем уровне.

- во-вторых, в 2007 г. началось введение новой отраслевой системы оплаты труда в здравоохранении. Утверждены новые принципы оплаты труда в федеральных медицинских учреждениях, проводится апробация новых форм оплаты труда в ряде регионов в рамках пилотного проекта, направленного на повышение качества услуг в сфере здравоохранения. На сегодняшний день можно сказать, что введенная система оплаты не привела к повышению качества услуг здравоохранения, но создала брешь в наборе медицинских работников среднего звена.

- в-третьих, именно в сфере здравоохранения наиболее развита практика неформальной оплаты потребителями оказываемых им услуг, которая стала фактором, серьезно ограничивающим возможное стимулирование изменений в механизмах легальной оплаты труда. Среди специалистов растет понимание того, что главным условием повышения качества медицинской помощи в нашей стране является создание альтернативной неформальным платежам системы мотивации медицинских работников, включая не только повышение и новую организацию оплаты труда, но и воссоздание на новой основе системы профессиональной мотивации. Решение этой задачи требует понимания особенностей трудовой мотивации работников медицинской отрасли.

- в четвертых, С 1 января 2011 года для бюджетных учреждений всех уровней, в том числе и медицинских учреждений, прекращается бюджетно-сметное финансирование их деятельности. Работа переводится на коммерческую основу, т.е. предоставляется достаточно виртуальное (не реализуемое) право зарабатывать доходы и распоряжаться ими. Учреждениям дается возможность заработать доходы через конкурсное получение государственных и муниципальных заказов (можно их получить, но можно и без них остаться) и введение платности непокрытых государственными заказами объемов услуг этих учреждений.

- в пятых, степень квалификации медицинских работников определяется в первую очередь уровнем их профессиональной

подготовки, образовательный ценз выступает главным критерием дифференциации заработной платы этой категории работников. Уровень образования как фактор, обуславливающий степень квалификации медицинского работника, в здравоохранении учитывается больше, чем в какой-либо другой отрасли народного хозяйства ввиду того, что объектом приложения труда медицинского персонала являются жизнь и здоровье граждан.

Как известно, трудовое поведение людей определяется сложным взаимодействием внутренних (диспозиционных) и внешних (ситуационных) факторов. Причем действие последних часто недооценивается. Причины поведения человека ищут, как правило, в его личностных чертах, пренебрегая влиянием социальной ситуации. Однако именно ситуация и ее субъективная интерпретация являются наиболее важными факторами, определяющими поведение и эмоциональное состояние человека. Поэтому формирование оптимальной среды трудовой деятельности и соответствующего морально-психологического климата является важнейшей задачей руководителей учреждений здравоохранения.

Исследования по трудовой мотивации персонала медицинских учреждений проводилось с трех точек зрения:

- личные и профессиональные качества самого индивидуума (медицинского работника), его самомотивация;
- влияние коллектива на мотивацию индивидуума («общество и личность»);
- возможности мотивации индивидуума в бюджетной и коммерческой организации (администрация, условия труда, социальные гарантии и т.д.).

Задачами данного исследования являются:

1. Выявление особенностей трудовой мотивации работников бюджетного и частного сектора на примере трудовой мотивации врачей, типологизация различий в структурах их трудовых мотиваций, анализ распространенности разных типов таких структур.

2. Анализ влияния различных факторов на мотивацию врачей и медицинских сестер, в том числе повышение оплаты труда, социальные гарантии, возможности повышения своей квалификации и другие (чувство профессионального долга), через которые формируется профессиональная этика врача.

3. Выявление ограничений, которые существенно ограничивают мотивационные структуры и институты, поддерживающие трудовую мотивацию медицинских работников.

4. Разработка рекомендаций о принципах реформирования механизмов оплаты медицинской помощи и направлениях политики трансформации комплементарных и конкурирующих механизмов мотивации медицинских работников к повышению качества оказываемой медицинской помощи.

Исходные гипотезы данного исследования:

1. Состав современных российских медицинских работников существенно неоднороден по степени выраженности мотивов зарабатывания денег, ориентации на профессиональный рост, получения морального удовлетворения от своей работы и т.д. Среди врачей существуют группы с разными сочетаниями направленности их интересов, порождаемых различными типами мотивов. Кроме того, существенное влияние оказывает форма собственности медицинской организации: государственная или частная.

2. Размеры группы врачей, у которых доминирует ориентация на максимизацию своих доходов, достаточно велики, но эта группа неравномерно представлена среди врачей разных специальностей и в различных типах учреждений.

3. Повышение зарплаты врачей первичного звена, предусмотренное Национальным проектом, воспринимается большей частью из них как восстановление справедливого уровня оплаты их труда, а не как стимулирующий механизм увеличения объемов и повышения качества их работы.

4. Повышение легальной оплаты труда врачей, даже предусматривающее усиление связи ее размеров с результатами работы, окажет разное влияние на врачей с разными типами структур трудовых мотиваций.

5. Для группы врачей со слабовыраженными мотивами профессионального роста и зарабатывания денег эффект от реформирования условий оплаты труда для повышения качества их работы будет незначительным.

Нами проведено исследование, которое показало, заработная плата и социальные гарантии не являются определяющими у группы медицинских работников возрастной группы 20-30 лет, в то же время наличие стабильной работы в государственном учреждении являются основным мотивирующим фактором для возрастной группы старше 30 лет. Совмещая работу в государственном медицинском учреждении с работой в коммерческой (частной) медицинской организации с соответствующе более высокой оплатой труда они считают приоритетной работу все-таки в государственной организации.

Список литературы:

1. Егоржин А. П. Управление персоналом: учебн. пособие [Текст]/Егоржин А.П. – НИМБ, 2003.-720с.
2. Мероприятия мотивационного воздействия на профессиональную деятельность врачей-педиатров: Методические рекомендации: - РГМУ, 2003.-18с.
3. Мотивация врачей и общественная доступность: Сборник аналитических докладов: - М.: Независимый институт социальной политики. - 2008. - 288 с.
4. Патрушев В.Д., Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Институт социологии РАН. Рабочие на частном предприятии: мотивация, оплата труда и удовлетворенность работой. // Экономическая социология.- 1998.-№ 6.

СЕКЦИЯ 7: СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ОТОБРАЖЕНИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОХРАНЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Георгадзе Михаил Суликович

*к. пед. н., доцент Одинцовский филиал НОУ ВПО МПСИ, г. Одинцово
E-mail: mikhail-georgadze@yandex.ru*

Пограничные органы осуществляют социально значимую функцию по охране государственной границы, внимание к реализации которой у общественности традиционно повышенное. Проблема исследования состоит в поиске адекватных способов отображения в сообщениях средств массовой коммуникации (далее – СМК) деятельности пограничного ведомства. В связи с этим цель исследования – выявление своеобразия освещения в СМК пограничной тематики (специфических конвенциональных значений поля представления об охране государственной границы). При этом важно определить устоявшиеся элементы дискурса и новые тенденции.

Использование в исследовании схемы поля представлений в качестве категориальной сетки позволило эмпирически решить вопрос о характеристике структурных компонентов в социальных представлениях об охране государственной границы. На взгляд автора, показателем содержания поля представления может быть частота употребления определенных символов и образов относительно субъектов деятельности по охране государственной границы, объектов противоправной деятельности на государственной границе, условий осуществления профессиональной деятельности по охране государственной границы. Иными словами, выделенная структура поля представления позволяет использовать ее в эмпирическом исследовании как операциональную схему социально-психологического анализа сообщений СМК.

Конструирование структурных компонентов социальных представлений об охране государственной границы осуществляется, в основном, посредством сообщений, распространяемых СМК специфически или универсально обозначающих события и явления в пограничной сфере. Выявленные в ходе исследования общепринятые в

рамках социальной практики символы и образы, посредством которых в сообщениях СМК специфически или универсально обозначаются события и явления в пограничной сфере, являются своего рода конвенциональными значениями.

В соответствии с целью исследования был выбран метод дискурс-анализа, который активно применяется в социальной психологии для изучения проблем функционирования СМК [1, 2, 3, 4, 7]. Методом дискурс-анализа были проанализированы военные телепередачи, документальные и художественные фильмы, радиокомментарии, интернет-ресурсы, литературные произведения и публикации центральных печатных изданий пограничной тематики. Исследование показало, что ключевым значением во всех материалах является категория «рубеж» (госграница, линия, разделяющая государства, российская граница, внутренние морские воды, территориальное море, исключительная экономическая зона и континентальный шельф). В соответствии с типичными контекстовыми элементами, выстраиваемыми вокруг этого ключевого значения (деятельность и характеристики главных героев в материалах о пограничниках), специфика смысла решаемых на границе служебных задач обозначена через охраняемый или защищаемый рубеж.

В кросскультурном аспекте развития контента пограничной тематики можно выделить три этапа: довоенный, «холодной войны» и постсоветский. На каждом из этапов в рамках дискурс-структур контентов выявлялись доминирующие моменты (согласно теории дискурс-анализа «моменты» – это доминирующие и общепринятые в коммуникационной практике образцы толкования социальных явлений и процессов) посредством таких показателей как характер угроз на госгранице, черты образа пограничника, условия выполнения задач (климат, обустроенность быта, вооружение и техника), роль населения приграничья.

В ходе исследования коммуникационные сообщения классифицировались, согласно теории социальных представлений С. Московичи, по трем типам: пропаганда, общее и специфическое распространение [5, 6]. Гипотеза исследования состоит в том, что если социальная практика (дискурс) освещения в СМИ профессиональной деятельности по охране государственной границы вырабатывается в рамках «специфического распространения», то создаются условия для конструирования устойчивых конвенциональных значений адекватного отображения действительности.

Исследование показало, что для довоенного этапа характерны следующие *моменты*:

- пограничник – прирожденный следопыт, мужественный, бдительный, физически выносливый патриот своей Родины;

- граница – рубеж потенциального и реального противоборства с окружающим капиталистическим миром, чаще в образе милитаристской Японии и фашистской Германии;

- суровые природные условия в отдаленных и малообжитых уголках страны, однако добротные здания застав, ухоженные и хорошо обученные служебные животные;

- тесное взаимодействие пограничников и местного населения в борьбе с внешними врагами – диверсантами и шпионами, имеющими, как правило, пособников на нашей стороне.

Основным средством массовой коммуникации в довоенное время являлась периодическая печать и литература, зарождался кинематограф. Важно отметить, что на данном этапе главными героями материалов пограничной тематики являются рядовые и младший командный состав. Именно в этот период в представлениях масс зарождался образ легендарного Н.Ф. Карацупы. Благодаря серии публикаций в центральной прессе 30-х годов, пограничник и служебная собака стали основным идентифицирующим символом пограничной деятельности.

Преобладающим типом коммуникации в довоенный период была пропаганда при почти равной доли общего и специфического распространения. Эффективность пропагандистских материалов в основном достигалась благодаря привлечению к их созданию выдающихся деятелей культуры. Реализация талантливых идей способствовала формированию и закреплению ряда специфических моментов, подчеркивающих своеобразие пограничной службы. К конвенциональным значениям относительно образа пограничной службы того периода можно отнести: «на дальнем пограничье» (отдаленность мест службы), «граница на замке» (высокая степень надежности охраны границы), «зеленая фуражка» (необходимость соблюдения маскировки), «пограничный дозор» (преобладающий вид наряда).

В период «холодной войны» характерным для пограничного дискурса является:

- образ пограничника хоть и стал более разнообразным, но все так же отличался повышенной мужественностью и преданностью советским идеалам;

- некоторое снижение напряженности на границе, но в целом сохранение сложной обстановки, присутствие агентов вражеских спецслужб почти в каждом материале;

- наряду с типичными условиями службы, делается акцент на высокий уровень технической оснащенности погранподразделений;

- население приграничья активно и профессионально подготовлено, часто именно местным жителям отводится ведущая роль при обнаружении нарушителей границы.

На первый план массовой коммуникации в этот период выходит кинематограф и зарождается телевизионный контент. В советский период вышли на экраны 47 художественных фильмов о пограничниках (11 фильмов довоенного периода и 36 «железного занавеса»). Среди главных героев материалов пограничной тематики появляются новые специалисты своего дела. Перенос акцента интенсивности службы на контрольно-пропускные пункты способствовал популяризации профессионалов в данной области. Становятся широко известными имена выдающихся руководителей пограничных войск. Внедрение новых технических средств охраны границы приводит к появлению нового идентифицирующего символа пограничной деятельности – контрольно-сигнализационного комплекса (сигнализационная система и контрольно-следовая полоса вдоль участка границы). Возрастает роль пограничной авиации и морских частей пограничных войск. Героико-патриотический дискурс пополняется именами мужественных пограничников – участников событий на о. Даманском в 1969 году.

В данный период присутствуют почти в равной степени все виды коммуникации при ведущей роли пропаганды. Примерами художественных фильмов, в которых такой вид коммуникации как пропаганда усиливался специфическим распространением, стали: «Над Тиссой», «Алые маки Иссык-Куля», «Я служу на границе», «Пограничный пес «Алый»», «Офицеры», «Люди в океане», «Право на выстрел» и цикл фильмов «Государственная граница».

Позитивный тон отображения пограничной службы в материалах СМИ способствует зарождению новых специфических моментов. Здесь конвенциональными значениями образа пограничной службы стали: «железный занавес» (предельная закрытость границ), «контрольно-следовая полоса» (основной рубеж в системе охраны границы). Благодаря традиционным и новым идейно-смысловым основам информационных сообщений у подрастающего поколения создавались устойчивые социальные представления о романтике профессии пограничника.

Для постсоветского периода характерно следующее:

- образ пограничника становится более унифицированным, довлеет всеобщая для военной тематики тенденция создания суперменов, вырисовываются потенциальные элементы (согласно теории дискурс-анализа элементы – это потенциально востребованные дискурсом дифференциальные значения) в виде некомпетентности, трусости, предательства;

- в материалах СМИ кардинально меняются характеры угроз (на смену западным шпионам приходит трансграничная преступность в виде нелегальной миграции, расхищения морских биоресурсов, контрабанды наркотических и психотропных веществ);

- условия службы, по-прежнему тяжелые, быт малообустроен с другой стороны, представлены современные комплексы пограничных застав, новая техника и вооружение;

- взаимоотношения с населением приграничья крайне сложные: часто местные жители являются главными нарушителями границы.

На сегодняшний день для массовой аудитории самым популярным является телевизионный контент и наблюдается активное развитие Интернет-СМИ. Примерами общего распространения пограничной тематики на телеэкране стали сериал «Граница – таежный роман», клип «Граница» Л. Агутина и группы «Отпетые мошенники». Исследование также показало, что эффективное специфическое распространение осуществляют современные документальные телефильмы, военные телевизионные программы и специальные телерепортажи о пограничниках. Особо стоит отметить «Военную программу» А. Сладкова (РТР) и документальные фильмы А. Сладкова «Неизвестный солдат. Последняя командировка» (РТР, 2004 г.), Р. Трещёва «Граница» (ОРТ, 2008 г.), В. Гасанова «Никита Карацупа. Следопыт из легенды» (Россия-1, 2010 г.).

В Интернете контент пограничной тематики по большей части концентрируется на официальном сайте Северо-Восточного пограничного управления береговой охраны ФСБ России и газеты «Пограничник Северо-Востока» (svrpu.ru), Всесоюзном форуме пограничников (roganec.ru), Первом портале пограничников – объединении пограничников и сайтов пограничной тематики (roganichnik.ru), военно-патриотическом сайте (pv-zastava.ru). Содержание данных интернет-ресурсов включает статьи о подразделениях пограничных органов, дискурс-строй которых обращен к осуществляемым ведомством реформам, биографии и служебному пути выдающихся пограничников, истории пограничных застав, отрядов и сторожевых кораблей.

В настоящее время среди видов коммуникации пропаганда окончательно уступила место общему и специфическому распространению. В дискурс-строе пограничной тематики обострилось противостояние между позитивной и негативной оценками результатов данной профессиональной деятельности. Периодически в материалах СМИ возникают элементы дискредитации пограничных органов.

Специфика современных моментов пограничной тематики в основном сконцентрирована на конвенциональном значении «новый облик охраны границы» (открытость границ для международного сотрудничества и закрытость для незаконной деятельности).

Проведенное методом дискурс-анализа исследование практики отображения в средствах массовой коммуникации деятельности по охране государственной границы, позволяет сделать несколько выводов.

Дискурс-строй материалов СМИ пограничной тематики позволяет выделить следующие традиционные идейно-смысловые моменты:

- атмосфера непосредственной боевой реальности. Граница и в мирное время характеризуется как рубеж соприкосновения с враждебными силами. На различных исторических этапах, в зависимости от политико-экономических условий, пограничники противостоят вооруженным и подготовленным агентам спецслужб или боевикам преступных группировок;

- стереотипные символы профессии пограничника. Неотъемлемыми атрибутами деятельности пограничников являются: зеленая фуражка, служебные собаки, контрольно-следовая полоса и пограничный знак, а среди профессиональных компетенций – бдительность, личная ответственность, физическая выносливость и высокий уровень развития навыков следопытства;

- особое героико-географическое направление. Наиболее популярными материалами о пограничниках являются те, в которых раскрывается служба в самых удаленных и суровых уголках нашей необъятной Родины, где события происходят на фоне величественной, почти нетронутой цивилизацией, природы;

- активное взаимодействие с жителями приграничья. В показе деятельности подразделений непосредственной охраны границы неизбежно раскрывается процесс взаимной интеграции интересов пограничников и местных жителей, при котором достижение взаимопонимания – главная цель.

Дискурс-анализ современного контента СМИ свидетельствует о том, что продолжается поиск социального консенсуса в отображении официально декларируемого изменчивого знака «нового облика государственной границы».

На взгляд автора, перспективной тенденцией социальных практик, в рамках которых возможна выработка конструктивного дискурса, объективно отображающего деятельность в пограничной сфере, является ориентация на специфическое распространение как вид массовой коммуникации. В материалах такого рода идейно-смысловая основа дискурса опирается на всесторонний учет авторским коллективом особенностей пограничной службы.

Исходя из реалий процессов реформирования в пограничной сфере, потенциальной областью дискурсивности остаются темы, связанные с самыми яркими и героическими событиями из истории охраны границы, популяризацией личностей известных пограничников, служебными буднями на вновь обустроенных участках границы, профессиональным портретом пограничников, проходящих службу по контракту.

Список литературы:

1. Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления / Отв. ред. О.В. Краснова. – М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009. – 160 с.
2. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации: учеб. пособие / Н.Н. Богомолова – М.: Аспект Пресс, 2008. – 191 с.
3. Георгадзе М.С. Современные методы исследования психологических проблем в сфере функционирования средств массовой коммуникации // Мир образования – образование в мире. – 2010. – № 1 (37). – С. 139-143.
4. Георгадзе М.С. Терминологический аппарат социально-психологического инструментария дискурс-анализа сообщений средств массовой коммуникации // Личность и общество: проблемы современной психологии: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть I (1 февраля 2010 г.) – Новосибирск: НГПУ Издательство ЭНСКЕ, 2010. – С. 40-45.
5. Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005.
6. Социальная психология / Под ред. С. Московичи / Пер. с фр. Т. Смолянская. – СПб.: Питер, 2007.

7. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – 352 с.

ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Мирзоева Севар Сарват кызы

*Диссертант кафедры психологии Бакинского
Государственного Университета, г. Баку
E-mail: severmirzayeva@hotmail.com*

Каждый лидер обладает специфическими чертами характера, методами руководства, воздействия на массы, способами достижения поставленных целей и т.д.[1, с. 1] Исходя из различных критериев, можно выделить разные типы лидеров:

1. Репрезентативный лидер - Репрезентативный лидер просто выполняет желания тех, кого он представляет. Он говорит: « Я ваш представитель. Скажите мне, чего вы хотите, и я постараюсь добиться этого для вас ». Это лидерство очень сдержанное. Фактически это как бы и не лидерство вовсе. Однако именно к такому положению дел и стремятся в настоящее время люди. Оно соответствует нашим идеалам демократии и общим социальным тенденциям. Репрезентативный лидер - продукт общества индивидуалистов, которые чувствуют себя достаточно осведомленными и предпочитают сами решать свою судьбу. Репрезентативное лидерство мотивировано нашей внутренней неуверенностью. На сознательном уровне мы полагаем, чего мы хотим от своего лидера, поэтому и предпочитаем данный тип лидерства. Из - за свойственной всем нам внутренней неуверенностью мы предпочитаем оставлять контроль за собой, так как передача его в чужие руки только усилила бы нашу тревожность. Чтобы сохранить контроль, мы и выбираем репрезентативного лидера. Репрезентативный лидер - это типичная маска современных политиков. Они копируют все ухватки репрезентативных лидеров, создавая полную видимость, что удовлетворяют наши чаяния. Но, увы, когда доходит до дела, они действуют исключительно в личных целях.

2. Каталитический лидер - Каталитический лидер улавливает наши невысказанные мысли и руководит нами, оформляя

их в идеи и претворяя их в жизнь. Не до конца сформировавшиеся мысли и неврожденные идеи мы можем отыскать у себя буквально по всем политическим и социальным вопросам. Подвергаясь политическим и социальным влияниям, у нас формируются новое политическое и социальное мышление. Когда это новое мышление сформируется, мы говорим о тенденциях. Каталитический лидер улавливает эти новые веяние еще до того, как они сформируются. Исходя из них, он формулирует идеи, которые вообще – то принадлежат нам, а не ему. Мы аплодируем словам каталитического лидера, потому что он выражает наши собственные идеи. Каталитический лидер должен быть очень восприимчивым, чтобы уловить зарождающиеся у нас идеи, прежде чем мы сможем их сформулировать. Каталитический лидер не пытается навязать нам свои взгляды. Он улавливает появляющуюся тенденцию и действует в этом направлении. Каталитический лидер ускоряет процесс социальной эволюции, но ни в коей мере не изменяет ее направления. В то время как репрезентативный лидер работает на основе нашими явно выраженных пожеланиями, а каталитический лидер использует едва сформировавшиеся, еще невысказанные идеи, командный лидер использует свои идеи. Это настоящий лидер. Он решает за нас, что для нас лучше. Он указывает, что нам делать. Благодаря его власти над нами мы подчиняемся и воплощаем его указания в жизнь.

3. Командный лидер – Так как командный лидер не зависит от наших мнений, он обладает возможностями для творчества и создания нового. В отличие от репрезентативного и каталитического лидеров, он не связан никакими существующими общественно – политическими течениями, и фактически может сам основать новое социально – политическое движение. Командный лидер обычно действует авторитарными методами, но если он действительно талантлив – то и пассивными. Последний случай вам только кажется парадоксом. Пассивный командный лидер, дав нам понять, чего он хочет, видит свои указания выполненными, поскольку мы охотно ему подчиняемся. Такой процесс я отношу к командному лидерству, ведь, несмотря на пассивный подход, идеи принадлежат самому лидеру. Командный лидер освобождает нас от ответственности, что довольно многих вполне устраивает. С одной стороны, мы любим, когда нам указывают, что делать, с другой же стороны, нам это не нравится. Мы терпеть не можем командных лидеров, потому что они возрождают конфликт нашего освобождения от авторитета отца. Причиной недоверия командному лидеру может быть как логические рассуждение и оценки, так и наша неуверенность. Хотя может

показаться, что командный лидер вертит нами, как хочет, в действительности же он опирается на нашу психологию. Ни один лидер не заставит нас воевать, если мы сами этого не захотим. Но мы унаследовали из прошлого такие чувства, как национальная гордость и ура-патриотизм. Лидер может сыграть на них. Затем он отправит нас воевать, и мы с охотой кинемся в бой. Как ни странно, внутри нас кроются латентные реакции, при своей активации позволяющие лидеру распоряжаться нами как угодно. Он может воспользоваться нашей агрессивностью, робостью, страхом, ненавистью, нашими опасениями, жадностью, эгоизмом или национальной гордостью. Эти чувства в той или иной степени присущи всем и играют роль защитных механизмов, к которым мы время от времени прибегаем, пытаемся сохранить психологическое равновесие. Вызывая соответствующую случаю реакцию, лидер готовит нас к исполнению своей воли. Если лидер начинает действовать без предварительной психологической подготовки, мы не подчиняемся и восстаем против него. При демократическом режиме, кажется, что обрели сразу два преимущества – одаренного командного лидера и все же сохранить свой контроль, поскольку имеем возможность сместить лидера на следующих выборах.

4. Закулисный лидер - Кто такой закулисный лидер? Это тот, кто тянет за ниточки. Одни стремятся к показухе, к видимости власти, а другие – к власти анонимной. Современный способ организации демократического правительства ведет к манипуляциям со стороны закулисных лидеров. Как закулисный лидер приобретает власть над лидером номинальным? Существует много способов. Например, просто контроль над партийным аппаратом той партий, к которой принадлежит лидер. Иногда власть закулисного лидера основано на шантаже, угрозе разоблачения коррумпированного политика. Позади многих лидеров – мужчин за кулисами прячется женщина.

5. Женщина – лидер – Настолько женщина отличается от мужчины, настолько и женщина – лидер отличается от лидера-мужчины. Различия между мужчиной и женщиной много глубже, сложнее и незаметной, чем простая анатомия. С этим согласились бы все великие мыслители прошлого, философы, религиозные деятели и поэты. Не согласны с этим только экстремистки от эмансипации. Они утверждают, что наблюдаемые в поведенческих реакциях мужчин и женщин различия есть результат разного воспитания. Мальчиков учат быть грубыми и агрессивными, а девочек – нежными и заботливыми. Поэтому уже у взрослых мужчин и женщин психика устроена

немножко по-разному. Вот если бы их воспитывали одинаково, они бы и взрослыми проявляли сходные реакции. Женская психология не лучше и не хуже мужской. Просто она другая. Зрелая женщина менее агрессивна, чем зрелый мужчина, и из-за этого авторитарное руководство дается ей несколько труднее. В настоящее время большинство политических лидеров относятся к авторитарному типу. Конечно, они могут маскироваться или оправдывать это обстоятельствами, но в не силах измениться. Однако наметившаяся тенденция эволюции – это пассивный стиль руководства, и благодаря этому женщины, безусловно, получают преимущество перед мужчинами. И мужчины, и женщины настроены против лидеров – женщин, так как это противоречит традиционному, биологическому распределению ролей. Для лучшего выполнения стандартных биологических ролей в ходе эволюции между полами появились небольшие различия в структуре личности. На заре веков лидерство по необходимости было авторитарным, и лидерами обычно были мужчины – благодаря их небольшой способности к агрессии. Мы ощущаем уверенность, следуя традициям, и тревогу, отступая от них. Женский пол лидера противоречит нашей устоявшейся традиции. Наша тревожность повышается, и это нам не нравится. Так, не осознавая внутренних тому причин, мы сопротивляемся самой идее, что женщина может быть лидером. Женщина – лидер нарушает биологическую, как в биологическом, так и в социальном аспекте, идет безостановочно. Может быть, в недалеком будущем традиция мужского руководства исчезнет, а на смену ей придет другая, в которой лидерами становятся то мужчины, то женщины, в зависимости от требований конкретной ситуации. Хотелось бы заметить, что в современный период лидерами становятся чаще всего женщины с повышенной агрессивностью. Женщина – лидер борется с установившимся порядком вещей. Для этого действительно нужна агрессивность. Но в природе женщины заложена скорее пассивность, и поэтому она не годится для авторитарного руководства. У женщин, решившихся на это, уровень агрессивности выше обычного. Агрессивная дама – отклонение от нашего идеала нежной, любящей и покорной женщины, так как ее манеры противоречат всему, что мы ценим. Поэтому мы склонны к негативной реакции на женщину – лидера не в силу каких-то рассудочных оценок ее компетентности, а просто потому, что она обладает определенными чертами характера, которые нам в женщинах не нравятся. Женщины способны на творческий стиль руководства, так как их разум обычно меньше связан логическими ограничениями. Это утверждение основано на двух

тезисах. Во первых, у женщин меньше логики, зато больше интуиции и эмпатии. Во-вторых, логика подавляет творческое мышление. Дело в том, что логика связывает нас. А творчество есть прыжок, для которого нужно на время сбросить цели логики. И психологические особенности, таким образом, дают женщине преимущество в области творческого руководства.

Список литературы:

1. Абашкина Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Егорова – Тантман Е., Тиверцев М. Психологическое пособие для политиков. Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером [Текст] / Е.Абашкина, Ю. Косолапова, С.Разворотнева, Е.Егорова-Тантман, М.Тиверцев.- М.: Антиква, 1993 .- 321с.
2. Автономова Н.С. Власть в психоанализе и психоанализ власти [Текст] / Н.С. Автономова - М.: 1989.- 203 с.
3. Бирюков Н.И. Политические проблемы современности. Политическое лидерство как объект социального исследования [Текст] / Н.И. Бирюков – М.: 1991.- 360 с.

АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ ЭТНОЦЕНТРИЗМ

Сулейманова Мариам Абдулхакимовна

к.фил.н., ДГПУ, г.Махачкала

E-mail: Uma-sh@mail.ru

При контактах с другими культурами большинство людей судят о чужих культурных ценностях, используя в качестве образца и критерия культурные ценности собственного этноса. Такой тип ценностного суждения принято называть этноцентризмом.

Этноцентризм представляет собой психологическую установку воспринимать и оценивать другие культуры и поведение их представителей через призму своей культуры [8]. Чаще всего этноцентризм подразумевает, что собственная культура превосходит другие культуры, и в этом случае она расценивается как единственно правильная, превосходящие все другие, которые, таким образом, недооцениваются. Эталоном может рассматриваться всё, что угодно: религия, язык, литература, пища, одежда, например, способ запахивания халатов у древних китайцев и т.д. и т.п.

М. Бруэр и Д. Кэмпбелл выделили основные показатели этноцентризма: 1) восприятие элементов своей культуры как "естественных" и "правильных", а элементов других культур как "неестественных" и "неправильных"; 2) рассмотрение обычаев своей группы в качестве универсальных; 3) оценка норм, ролей и ценностей своей группы как неоспоримо правильных; 4) представление о том, что для человека естественно сотрудничать с членами своей группы, оказывать им помощь, предпочитать свою группу, гордиться ею и не доверять и даже враждовать с членами других групп. Следует отметить, что среди исследователей нет единодушия в отношении к этноцентризму. Советские обществоведы полагали, что этноцентризм — негативное социальное явление, равнозначное национализму и даже расизму.[7] А многие психологи считают этноцентризм негативным социально-психологическим явлением, проявляющимся в тенденции неприятия всех чужих групп в сочетании с завышенной оценкой собственной группы. Но как и любое другое социально-психологическое явление этноцентризм не может рассматриваться как нечто только положительное или только отрицательное, а ценностное суждение о нем абсолютно неприемлемо.

Положительное заключается в том, что этноцентризм позволяет бессознательно отделить носителей чужой культуры от своей, одну этнокультурную группу от другой. Негативная его сторона заключается в сознательном стремлении изолировать одних людей от других, сформировать уничижительное отношение одной культуры по отношению к другой. Как уже было отмечено, культура любого народа представляет собой сложную систему ценностей, в которой находят проявление культурная деятельность и отношения ее носителей. Каждый элемент этой системы имеет определенный смысл для той или иной социальной общности. Процесс познания культуры при таком подходе представляет собой выявление ценностных значений соответствующих предметов, явлений, отношений. Результаты этой познавательной деятельности закрепляются в сознании людей в виде соответствующих смыслов. Смысл представляет собой элемент сознания индивида, в котором раскрывается сущность изучаемого предмета или явления, его свойства и формы культурной деятельности, его породившие.[3]

В процессе межкультурной коммуникации взаимодействующим сторонам приходится сталкиваться с необходимостью осмысления чужой культуры, что имеет свои особенности. Уже сама установка на осмысление явлений чужой, неизвестной культуры принципиально отличается от осмысления тех или иных явлений своей собственной

культуры. В данном случае оказываются неприемлемыми попытки использовать нормативно-ценностную систему своей культуры, поскольку это неизбежно приводит к неадекватным результатам. И наоборот, попытка осмыслить чужую культуру характерными для нее способами также приносит те же неверные результаты. Интерпретация (объяснение) явлений чужой культуры происходит в результате столкновения привычного и непривычного. Это создает ситуацию отстранения, в соответствии с которой понимание чего-то нового, неизвестного происходит путем сравнения с привычными и известными явлениями подобного рода из собственной культуры. Такой механизм освоения чужой культуры придает изучаемым ею явлениям вторичный характер, поскольку прообразом и критерием (первичным) становится здесь какое-то явление собственной культуры. Вторичный характер знания о чужой культуре не является ценностным по своему качеству. Это знание также представляет трудность, поскольку по своему содержанию зависит от наличия и соотношения в нем различных компонентов понимания (объема информации, культурной значимости, способов интерпретации).

Народы Северного Кавказа создали богатую духовную культуру, которая занимает достойное место в системе мировой цивилизации. Среди нескольких цивилизаций известный английский историк А. Тойнби (его называли отцом истории) выделял западно-европейскую, развивавшуюся под влиянием католичество, восточноевропейскую, которая развивалась под сильным воздействием православия, и арабоязычную. Есть и исламская цивилизация как разновидность арабоязычной, возникновение, развитие и обогащение которой связано с религиозной системой, как ислам.[1]

Исследование общих закономерностей и специфических особенностей вхождения северокавказского этнокультурного феномена в систему мировой цивилизации имеет большое научно-практическое значение в осмыслении истории горских народов, их этнических культур, в формировании правильного исторического сознания, нравственных идеалов и национальных ориентаций, а также в стабилизации межнациональных отношений.

Это был процесс, который цементировал социально-экономический, морально-этический и духовный строй нации, способствовал развитию добрососедских отношений как внутри этноса, так и между другими народами, независимо от того, к какой цивилизации они относились – к арабоязычной или какой-то другой. Тысячелетиями формировался социально-психологический и этнокультурный феномен горских народов, происходило

взаимообогащение духовно-нравственных ценностей, взаимопроникновение нравов и обычаев, этнокультур у различных народов. Все это явилось основой этнопсихологической совместимости этносов кавказской цивилизации. В кавказском регионе генетические корни народов и культур переплетаются очень тесно. Морально-этические ценности горских народов формировались на протяжении всей их истории. Им испокон веков были присущи такие нравственные качества, как дружелюбие, добрососедство, терпимость к инакомыслию, сдержанность, невероятная выносливость

Однако хотелось бы сказать и то, что сейчас, к сожалению, на страницах журналов, газет, монографий под флагом возрождения национального самосознания провозглашаются идеи откровенно националистического толка, тенденциозно искажаются исторические факты, предъявляются огульные обвинения целым народам и тем самым создаются предпосылки к искусственному нагнетанию напряжения в сфере межнациональных отношений. В условиях национального возрождения, когда все народы проявляют большой интерес к своему этническому наследию, к тому, как они вступили на путь мировой цивилизации, нужна история, изложенная на основе объективных событий, при строгом соблюдении принципов историзма, не поддаваясь гипнозу случайных цифр, неточных отдельных фактов.

Идет нежелательный процесс духовного загрязнения, наступает нравственная деградация. Это, можно сказать, историческая болезнь века, который подходит к концу. В результате таких отрицательных явлений образуется исторический и духовный вакуум, отчужденность, особенно у современной молодежи. В этих условиях необходимо усилить борьбу против национализма, шовинизма, различных национальных идей «этнической чистоты». Для стабилизации межнациональных отношений и развития этнокультуры, прежде всего надо бороться против национализма своей нации и глубоко раскрывать социальные и гносеологические корни этого. Без этого невозможно искоренить национализм как историческую психологию социального зла.[6]

Сейчас человечество переживает один из наиболее сложных и противоречивых этапов своего развития. На наших глазах происходит крушение и смена устоявшихся идеалов. Для утверждения общечеловеческих начал гуманизма, духовности, высокой культуры нужен культ нравственности. Культ нравственности должен победить, и должны исчезнуть навсегда из сознания людей шовинизм, национализм, экстремизм как сферы общественного сознания, которые

являются опасными симптомами в современных условиях межнациональных отношений.

Список литературы:

1. Абдулатипов Р. Г. Человек. Нация. Общество. М., 1991;
2. Агеев В. С. Психология межгрупповых отношений. М., 1983
3. Асмолов А. Г. Толерантность в общественном сознании России. М., 1998.
4. Гумилев Л. Н. /География этноса в исторический период. М., 1990.
5. Лебедева Н.М. /Введение в этническую и кросскультурную психологию. — М., 1999.
6. Левада Ю. А. Новый русский национализм: амбиции, фобии, комплексы – М.1994. ;
7. Понарин Э. Д., Мухаметшина Н. С. Национальные проблемы на постсоветской территории. - СПб, 2001.
8. Самнер У. Народные обычаи - М, 1914.

АТТРИБУЦИИ В ПОЛЬЗУ СВОЕГО ‘Я’ КАК ЯВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Тажутдинова Гулжан Шайхулисламовна

к.псх.н., доцент ДГПУ, г.Махачкала

E-mail: Uma-sh@mail.ru

Оценивая поведение других людей, мы придаем большое значение их внутренним диспозициям, чем ситуации, в которой они находятся, но свою ситуацию и обстоятельства нашей жизни считаем более важными, чем черты собственной личности. Мы не настолько эгоисты и эгоцентрики, чтобы постоянно носить с собой большое зеркало и наблюдать за собственным поведением. Естественно, что мы смотрим вокруг себя. Для нашего восприятия особенно важны другие люди, объекты и события. Мы не в состоянии обращать на себя большое внимание.

Итак, когда действующее лицо и наблюдатель думают о причинах поведения другого человека, их отвлекает более важная информация: наблюдателя привлекает действующее лицо, а действующее лицо интересуется ситуацией.

Существует еще одна причина возникновения различий в восприятии действующего лица и наблюдателя. Действующие лица располагают о себе более полной информацией, чем доступна наблюдателю. Актеры знают свое поведение, подтвержденное многолетним опытом; они помнят, что происходило с ними утром. Они лучше сторонних наблюдателей видят сходства и различия в своем поведении в разное время и в разных ситуациях.

Говоря словами Келли (1967), актеры обладают более полной информацией о сходстве и исключительности, чем наблюдатели. Например, если вы ведете себя на вечеринке скромно и застенчиво, то наблюдатель, вероятней всего сформулирует относительно вас диспозиционную атрибуцию - “Да, этот тип – абсолютный интроверт”. В действительности вы можете осознавать, что такое ваше поведение нетипично. Вероятно, вы застенчивы только на вечеринках, где никого не знаете, или может быть вы устали или опечалены какими – то плохими известиями. Поэтому неудивительно, что атрибции действующих лиц, касающиеся их самих, зачастую отражают факторы ситуации, ведь они больше знают о том, как варьируется их поведение от одной ситуации к другой, чем большинство наблюдателей, видящих их на протяжении ограниченного отрезка времени.

До сих пор наши рассуждения о ментальных упрощениях, свойственных людям при формировании атрибуций, касались особенностей восприятия. А что же сказать о человеческих потребностях, желаниях, надеждах и страхах - может быть, эти эмоциональные факторы тоже вызывают предубеждения в наших атрибуциях. Возможно, вы видите мир вокруг себя именно таким, а не иным, потому, что соответствующая точка зрения позволяет вам думать хорошо о себе и о жизни в целом? Ответ - положительный. Ментальные упрощения создают мотивационную основу; они являются атрибциями, защищающими нашу самооценку и нашу веру в то, что этот мир безопасен и справедлив.

Когда самооценке человека что-то угрожает, он часто прибегает к атрибции в пользу своего “Я”. Проще говоря, эти атрибции относятся к тенденции приписывать себе и своим личным качествам успех (создавая в данном случае внутренние атрибции), однако винить других за свою неудачу. Многие исследования подтвердили, что люди имеют тенденцию к внутренним атрибциям, когда хорошо справляются с задачей, и к внешним атрибциям, когда терпят провал. Человек практически всегда пытается сохранить самооценку, даже если это ведет к искажению реальности и изменению понимания. Тут мы наблюдаем специфическую атрибутивную стратегию, которую

можно использовать для поддержания или повышения самооценки - для этого нужно всего лишь искать причину там, где это выгоднее всего.

Не менее важен и наш образ в глазах других людей. Мы хотим, чтобы другие хорошо думали о нас и восхищались нами. Когда мы говорим другим, что потерпели неудачу из-за какой-либо внешней причины - это своеобразная стратегия презентации самих себя. Можно, конечно, сказать об этом, что мы просто "придумываем оправдания"

Третья причина, по которой люди создают атрибуции в пользу своего "Я" возвращает нас к рассуждению о характере информации, имеющейся у людей. Люди также меняют свои атрибуции, когда сталкиваются другого рода угрозами их самооценки. Труднее всего придти к осознанию того, что в жизни случаются трагические события, например: изнасилование, неизлечимые болезни и несчастные случаи с летальным исходом.

Даже когда такие роковые случайности происходят с незнакомыми людьми, с которыми мы никогда не встречались, сами по себе они могут нас расстроить. Они напоминают нам о том, что если трагедия произошла с кем-то еще, она может случиться и с нами. Из всех видов самопознания труднее всего, оказывается, принять, что мы смертны и с нами могут происходить плохие события. Мы стараемся всячески отрицать этот факт. Один из способов такого отрицания - создание защитных атрибуций, объясняющих поведение, чтобы защитить нас от чувства ранимости и сознания неизбежности смерти.

Почему наши впечатления кажутся нам правильными, когда, они часто оказываются ошибочными? Во-первых, зачастую мы наблюдаем поведение людей в ограниченном ряде ситуаций и не имеем возможности опровергнуть собственные впечатления. Например, у вас сложилось впечатление о преподавателе строгим, непреклонном и даже грубом, в другой ситуации вы его не видели, и не представляете, что он может быть ласковым, добрым и хорошим другом.

Во-вторых, мы никогда не поймем ошибочности наших впечатлений, если сами будем их оправдывать.

В-третьих, мы можем не осознавать, что ошибаемся, опираясь на представления других людей, даже когда все могут ошибаться.

Социальное впечатление - то, как люди формируют впечатления и делают заключение о других. Люди постоянно формулируют так же впечатления, потому что это помогает им понять и предсказать

поведение окружающих. Не удивительно, что чем дольше мы знаем кого-то, тем более правильными становятся наши впечатления. Даже когда мы составляем мнение о людях, которых мы хорошо знаем, все-таки упрощения, которые мы используем, ведут нас к ошибочным впечатлениям. Часто мы все же не понимаем, что наши впечатления ошибочны, потому что наблюдаем людей лишь в ограниченных ситуациях и, помимо этого, наша собственная манера общения с другими побуждает их вести себя именно так, как мы от них ожидаем.

Список литературы:

1. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб., Питер, 2001
2. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. /Под ред. Г.В.Бурменской. М., 1993.
3. Я работаю психологом... опыт, размышления, ответственность. /Под ред. И.В.Дубровиной.М., 1999.

СЕКЦИЯ 8: МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЖЕНЩИН ПРИ ПОСЕЩЕНИИ КОЛЬПОСКОПИЧЕСКОГО КАБИНЕТА

Гунашева Мадина Абдурагимовна

Старший преподаватель, Дагестанский Государственный педагогический университет, г. Махачкала

E-mail: gunasheva@yandex.ru

Шахшаева Светлана Мигдадовна

Врач-кольпоскопист, Дагестанский Республиканский диагностический центр, г. Махачкала

E-mail: shahshaeva@mail.ru

Убеждать кого-либо в мощном воздействии психологических факторов на здоровье человека нет необходимости. Это факт хорошо известный. Хорошо известны эффекты плацебо, аутотренинга, психологической подготовки к тому или иному медицинскому вмешательству. Известный врач Н.В. Эльштейн еще в прошлом веке писал о том, «что изучение этических и психологических аспектов медицины не менее важно, чем предупреждение болезней, умение ставить диагноз и лечить больных» [7, с. 4]. Особенно велико влияние психологических факторов на репродуктивное здоровье женщин [1]. Это понятно, ведь гинекологические заболевания часто связаны с особенностями интимной жизни пациентки, с историей ее беременностей и родов, то есть зависят от социального и психологического благополучия ее семейной жизни.

Так же очевидно, что психологическое благополучие пациента зависит от его состояния здоровья, а особенности клинической ситуации имеют четкую корреляцию с особенностями психологических проблем, возникающих у пациента. Различные исследования в психосоматическом направлении, связанные с изучением внутренней картины болезни, социокультурных стереотипов по отношению к больному той или иной нозологии, свидетельствуют о том, что любая болезнь, любой биологической природы, какой бы орган или систему органов она не поражала, ставит человека в психологически особые жизненные условия [5]. Например, инфекции, передающиеся половым путем, создают одну психологическую проблему, бесплодие – другую, опухоли и

опухолевидные образования – третью, не говоря уже о злокачественных новообразованиях.

В гинекологической и акушерской практике очень важен психологический подход к больным, глубокое использование психологии в работе с ними [6]. В гинекологической клинике перед врачом очень часто встает проблема совместно с лечением соматического заболевания оказать и психологическую помощь своим подопечным, так как “для больных более существенны не сами по себе гинекологические заболевания (их тяжесть, возможность инвалидизации и хронизации), а представление о том, как эти болезни отражаются на отношении к ним близких, родственников, сослуживцев и иного окружения” [3].

Несмотря на очевидную взаимосвязь психологических факторов и репродуктивного здоровья женщины, в этой сфере практически отсутствуют четкие рекомендации для акушеро-гинекологов, которыми они могли бы руководствоваться в своей практической деятельности. Навыки психологического воздействия на пациентов в зависимости от клинической ситуации могли бы помочь акушеру-гинекологу правильно построить беседу с пациентом и минимизировать ее психотравмирующее воздействие.

В нашем исследовании речь пойдет о пациентках кольпоскопического кабинета. Кольпоскопия – это метод исследования, основной целью которого является раннее выявление патологических процессов на шейке матки, могущих привести к развитию предрака и рака этого органа у женщин. Рак шейки матки стабильно занимает второе место по заболеваемости среди злокачественных новообразований у женщин. В последние годы в России регистрируется рост заболеваемости раком шейки матки среди молодых женщин. В то же время для рака шейки матки доказана стадийность процесса, причем от появления первых патологических изменений шейки до развития инвазивного рака проходит в среднем от трех до пятнадцати лет. Кроме того, разработаны и являются доступными методы скрининга – массового обследования женщин, позволяющие выявить и вылечить патологию на ранних стадиях, таким образом, предотвратив развитие злокачественного процесса. В идеале, при регулярном обследовании ста процентов женского населения, заболеваемость этим видом патологии была бы сведена к единичным случаям [2]. Эффективность скрининговых программ напрямую зависит от широты охвата населения.

В нашей стране, к сожалению, скрининг осуществляется оппортунистически, то есть по обращению в поликлинику, причем

среди обратившихся преобладают больные, имеющие какие-либо жалобы. Если же вести речь о раке шейки матки, то жалобы появляются лишь на поздней стадии. В этих условиях понятно большое значение разработки психологических приемов, позволяющих врачу усилить мотивацию женщины к регулярному обследованию и выполнению назначений врача. Применение таких приемов позволило бы привлечь к скринингу большее количество женщин и способствовало бы снижению заболеваемости раком шейки матки.

В связи с этим, целью нашего исследования является изучение психологического состояния пациенток кольпоскопического кабинета и разработка психологических приемов воздействия на них. Рабочие гипотезы исследования:

1. Кольпоскопическое обследование – может являться фактором повышения уровня тревожности у пациенток.

2. Степень негативного влияния кольпоскопического обследования зависит от личностных особенностей и семейной истории пациенток.

3. Предварительное разъяснение врачом значения, возможностей метода кольпоскопии снижает уровень тревожности у пациенток.

Данное исследование проводится нами на базе кольпоскопического кабинета Дагестанского Республиканского диагностического центра. Рандомизация выборки достигается тем, что вводный инструктаж о значении кольпоскопии для пациенток проводится в случайном порядке. Для измерения уровня психологического напряжения используется опросник ситуативной тревожности Спилберга – Харина, а также Цветовой тест Люшера (сокращенный вариант). Для контроля семейной истории женщинам предлагается ответить на вопросы разработанной нами анкеты, включающей в себя как прямое оценивание значимых для них лиц и понятий, так и цветоассоциативную процедуру.

В пилотажном исследовании приняли участие 23 женщины, из них 12 предварительно были ознакомлены с особенностями и значением проведения кольпоскопического обследования, 11 были приняты в обычном порядке. Все женщины впервые проходили кольпоскопическое обследование. Проверка значимости различий между группами по уровню тревожности проведена с помощью критерия U Манна-Уитни [4].

Результаты пилотажного исследования ($U = 11$, $p < 0,05$) позволяют говорить о подтверждении на уровне статистической

тенденции гипотезы о влиянии предварительных разъяснений врача на уровень тревожности пациенток, подтверждая необходимость проведения психологического консультирования и информирования женщин, проходящих кольпоскопическое обследование.

Список литературы:

1. Айламазян Э.К., Беляева Т.В., Виноградова Е.Г., Шутова И.А. Репродуктивное здоровье женщины как критерий биоэкологической оценки окружающей среды // Вестник Российской ассоциации акушерства и гинекологии, 1997, №3 с. 72 - 78.
2. Роговская С.И. Практическая кольпоскопия. - М.: ГЭОТАР-МЕД, 2010. - 240 с.
3. Семенова О.П. Психологические проблемы гинекологической клиники. // Материалы Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». - М. 2000. Вып.11, с.311 - 312.
4. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. - М.: Речь, 2006. - 350 с.
5. Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. - М.: SvRApгyc, 1995. - 352 с.
6. Харди И. Врач, сестра, больной. Психология работы с больными. -Перевод с венгерского М. Алекса. - Будапешт: Изд-во АН Венгрии. 1988г. - 338с.
7. Эльштейн Н.В. Диалог о медицине. - Таллин: Валгус, 1986. - 256 с.

БИБЛИОТЕРАПИЯ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Каяшева Ольга Игоревна

*к.пс.н., доцент УРАО, г. Москва
E-mail: zaratustra1230@gmail.com*

Впервые для лечения книги стали применяться несколько тысяч лет тому назад. Сохранились сведения об использовании книг с данной целью в Древнем Китае, Древней Греции, Древнем Египте и других государствах. В средневековой Европе, конечно же, в первую очередь «целительную силу» имели религиозные источники.

Становлению и популяризации метода способствовали библиотекари и библиографы. Научное обоснование библиотерапии получила лишь в начале XX века. Первое упоминание самого термина относится к 1916 году и связано с именем Samuel Mc. Chod Crothers, с данного этапа и появляются исследования как теоретического, так и практического характера.

Развитие отечественной библиотерапии часто ассоциируется с именем русского писателя, библиографа и психолога Н.А.Рубакина, который в 1916г. в Женевском педагогическом институте Ж.-Ж. Руссо основал новое направление в науке на стыке психологии и литературоведения - библиопсихологию. Исследованием восприятия художественных текстов также занимались специалисты в области общей и педагогической психиатрии (В.А.Невский, А.А.Гайворонский, А.П.Нечаев, А.Ф.Лазурский и др.). В харьковской психологической школе (А.А.Потебня, Д.Н.Овсянко-Куликовский и др.) изучалось терапевтическое воздействие различных художественных произведений на человека [1;5]. Применимость библиотерапевтического анализа была подтверждена В.И.Беспаловым, который опробовал информационно-психологические тесты Н.А.Рубакина. Вклад в развитие отечественной библиотерапии сделали психотерапевты Л.Е.Алексейчик, Б.Д.Карвасарский, М.П.Кутанин и многие другие. Отечественная библиотерапия часто применяется в различных вариантах терапией творчеством (М.Е. Бурно и др.).

В XX веке зарубежными специалистами был накоплен значительный опыт в области библиотерапии (Р. Риордан, Л. Вильсон, К. Шродес, Дж. Т. Пардек, Дж. Калхоун, А.Хайнес и др.). В настоящее время существуют Ассоциация библиотерапевтов в Финляндии, Польское библиотерапевтическое товарищество, Ассоциация библиотерапии и прикладной литературы в США и др. Ряд специалистов понимает библиотерапию как основной способ лечения пациента (Р.Чечьярд и др.), другие относят библиотерапию к вспомогательному средству (Ф.Алптуна, Д.Збонсакова и др.).

Итак, библиотерапия, как собственно психотерапевтический метод, окончательно сложилась к 40-50-м гг. XX века. Можно выделить клиническую, педагогическую, религиозную и психологическую библиотерапию. Подбор литературы для клиента или пациента, как отмечает В.Л.Минутко, в данном методе осуществляется исходя из сходства с ситуацией, в которой он оказался, и степени доступности материала [6].

Единого определения библиотерапии не существует. Например, библиотерапия (либроспихотерапия) часто рассматривается как лечебное чтение произведений художественной литературы, основанное на сопереживании героям литературных произведений [6]. Т.Ю.Колошина и А.А.Трусь определяют библиотерапию как направление арт-терапии, основанное на исцеляющем воздействии слова, то есть самовыражение через творческое сочинение [4].

При использовании в библиотерапии различных произведений особое место занимает юмористическая литература. Феномен юмора исследовали многие специалисты (Спенсер, 1881; Bonergson, 1910; Лук, 1968; А.И.Розов, 1979 и др.). Понимание нелепости происходящей ситуации, восприятие ее как безопасной для объекта смеха и вызывает смех, как полагает А.И.Розов [2]. Смех помогает человеку преодолеть воздействие стресса и ряд психосоматических заболеваний. Во время смеха организм человека вырабатывает эндорфины и стимулируется иммунная система [3; 7]. Так, стал широко известен пример с «исцелением» Нормана Казенса, которому поставили диагноз - анкилозирующий спондилит. Прогноз был неутешителен для пациента (из 500 больных с таким диагнозом выживал только 1), врачи отметили, что не смогут помочь ему. Н.Казенс снял номер в отеле и заказал для себя кинокомедии с участием братьев Маркс и шоу «Скрытая камера». Казенс обнаружил, что после первых десяти минут безудержного смеха он смог проспать два часа без боли. После того, как болеутоляющее действие смеха заканчивалось, сиделка снова включала кинопроектор, затем она стала читать Казенсу и юмористические рассказы. Так прошло полгода. Вскоре врачи констатировали, что состояние Казенса уже не вызывает опасения. Через некоторое время Норман Казенс написал книгу «Анатомия болезни с точки зрения пациента». Автор отмечал, что трагичность жизни не в том, что мы когда-нибудь умрем, а в том, что мы хороним себя, пока мы живы [3].

В 80-х гг. XX века в больницах США стали появляться «комнаты смеха». Функционирование комнат основывалось на опыте Н.Казенса и исследованиях доктора Пэтча Адамса. В помещениях пациенты могли читать юмористические книги, смотреть кинокомедии, слушать выступления известных юмористов. Кроме того, часто в комнаты приглашались комики и клоуны. Пациенты проводили в комнате от 30 до 60 минут ежедневно. В результате «смехотерапии» у больных было отмечено улучшение состояния, сократилось общее время госпитализации и количество обезболивающих, получаемых пациентами [3; 7].

В своей практической работе мы часто используем юмористическую литературу. Классическим примером подобной литературы является книга Дж.К.Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». Её предлагают для чтения, начиная с подросткового возраста. В этой книге можно обратить внимание на первую главу, в которой есть сюжет, описывающий страдания мнительного героя от 107 смертельных недугов. Сюжет окажется полезен для людей с некоторыми особенностями характера.

Кроме того, особое место занимает роман Бел Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз». Роман отражает события, происходящие в школе, с точек зрения учительницы Сильвии Баррет, ее учеников, школьной администрации и родителей учеников. В книге много абсурдных, нелепых моментов, связанных с системой образования. Героиня романа Баррет, благодаря своему оптимизму и такту, смогла заслужить доверие учеников школы и выдержать давление системы. Данный роман можно предложить для чтения учителям, школьным психологам, родителям учеников и старшим подросткам. Он позволит по-новому увидеть школьную жизнь и найти в себе новые ресурсы.

Прочтение юмористической литературы мы часто сочетаем с рядом рисуночных техник. Можно предлагать как детям, так и взрослым зарисовывать наиболее запомнившиеся для них сюжеты из книги, героев, вызывающих симпатию или антипатию, вводить литературного героя в трудную жизненную ситуацию, в которой находится сам читатель, и выявлять его стратегии поведения и др.

В работе с шизоидным подростком (Саша К., 13 лет), страдающим рядом психосоматических заболеваний (катаральные ангины и головные боли) нами был использован в течение года цикл мифических историй Р.Асприна («Еще один великолепный МИФ» и др.). Ухудшение состояния Саши К. было во многом связано с трудностями прохождения им подросткового кризиса и спецификой отношений с матерью и одноклассниками. В мифических историях с юмором представлен путь взросления главного героя Скифа, которому помогает его наставник Ааз. С каждой новой историей Скиф становится все более самостоятельным, с изначально асоциальных установок (стать вором) он переходит к новому видению себя в мире профессиональных и дружеских отношений. В результате использования метода библиотерапии у Саши К. прекратились головные боли и стали более редкими ангины (с изначально 6-7 раз в год до 2-3 раз).

Таким образом, мы можем отметить, что библиотерапия как метод имеет широкие возможности в процессе оказания помощи детям

и взрослым, страдающих различными психосоматическими заболеваниями.

Список литературы:

1. Дрешер Ю.Н. Библиотерапия: теория и практика. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://lib.1september.ru/2003/13/1.htm>
2. Ильин Е.П. Эмоции и чувства [Текст] / Е.П.Ильин.- СПб.: Питер, 2001.- 752с.
3. Казинс Н. Побольше смейтесь, и жизнь не будет казаться вам такой грустной. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://eprudius.narod.ru/publ13.htm>
4. Колошина Т.Ю., Трусъ А.А. Арт-терапевтические техники в тренинге [Текст] / Т.Ю.Колошина, А.А.Трусъ.- СПб.: Речь, 2010.- 189с.
5. Лекарство для души: применение библиотерапии в библиотеке: Метод. рекомендации [Текст] / Сост. Н.В.Аверьянова.- Тамбов, 2004. - 24с.
6. Минутко В.Л. Справочник психотерапевта [Текст] / В.Л. Минутко. - СПб.: Питер, 2002.-С.32.
7. Пиз А., Пиз.Б. Язык телодвижений [Текст] / А.Пиз, Б.Пиз.- М.: Эксмо, 2009.- 448с.: ил.

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

**«СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ»**

30 октября 2010 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 11.11.10. Формат бумаги 60x84/16. Бумага офсет
№1. Гарнитура Times. Печать RISO. Усл. печ. л. 12,6. Тираж 550 экз.
Заказ 26.

Издательство ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.
E-mail: enske@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.